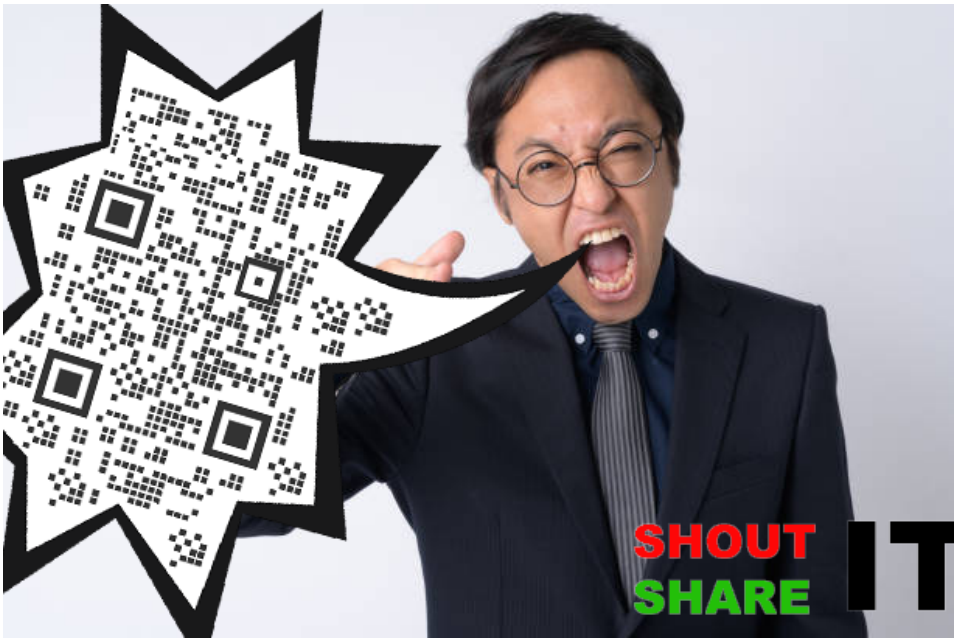
Лев ЛУРЬЕ

ОКНО В ИСТОРИЮ

22 смерти, 63 версии


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге 22 очерка о таинственных обстоятельствах ухода из жизни знаменитых в истории России государственных деятелей и людей литературы и искусства: Ивана Грозного, Петра Первого, Александра Радищева, Петра Чайковского, Александра Блока, Саввы Морозова, Максима Горького, Владимира Ленина, Петра Врангеля, Сергея Кирова, Иосифа Сталина и других. События в книге охватывают период с 1584 по 1953 гг. Работа неакадемическая, в ней нет научного аппарата. Но автор старался по возможности учесть все важнейшие источники, принять во внимание различные, часто противоположные точки зрения.

- Лев Лурье
- Предисловие
- Иван Грозный
- Дмитрий Углицкий
- Царевич Алексей Петрович
-
- Петр Первый
- Павел I
-
- Александр Радищев
- Николай I
- Александр II
-
- Михаил Дмитриевич Скобелев
-
- Петр Ильич Чайковский
- Савва Морозов
- Андрей Ющинский
- Петр Аркадьевич Столыпин
- Александр Блок
- Владимир Ильич Ленин
-
- Лидия Александровна Иванова
- Михаил Васильевич Фрунзе
- Петр Николаевич Врангель
- Сергей Миронович Киров
- Максим Горький
- Андрей Александрович Жданов
-
- Иосиф Виссарионович Сталин

- Библиография

Лев Лурье
22 смерти, 63 версии

Предисловие

Русская история – минное поле: каждые несколько десятилетий герои превращаются в злодеев, злодеи – в героев. Учебники переписываются, портреты в начальственных кабинетах меняются. Прошлое не столько восстанавливают, сколько скрывают.

Для граждан такая неопределенность прошлого, конечно, неполезна. Трудно оценивать современных политиков, выстраивать систему нравственных оценок, обучать следующие поколения Родину любить. Непрозрачность и изменчивость прошлого внушает опасное убеждение: правды нет, ее не добиться.

Для историков, особенно если они не связаны конъюнктурой, былое нашего Отечества – захватывающий детектив. Почти ни на один вопрос нет ясного ответа. Всякое событие обрастает версиями. Сами умолчания, их система превращаются в важнейший источник восстановления истины.

В этой книге мы старались держаться двух основополагающих принципов:

□ искать «как это было на самом деле»,

□ «не плакать, не смеяться, а понимать».

Работа эта неакадемическая, в ней нет научного аппарата. Но мы старались по возможности учесть все важнейшие источники, принять во внимание различные, часто противоположные точки зрения. Двадцать две смерти, причины или обстоятельства которых окончательно неясны: с 1584 по 1953 гг., от Ивана Грозного до Иосифа Сталина.

Эта книга появилась как послесловие к еженедельной передаче «После смерти», которая шла на 5-м канале в 2008 г.

И она не могла бы выйти в свет без помощи генерального директора канала Владимира Троепольского, генерального продюсера Александры Матвеевой, шеф-редактора Риммы Круповой, редакторов и сценаристов Ларисы Соколовой, Ильяса Васипова, Алексея Чачбы, Елизаветы Добкиной, Дмитрия Журавлева и Дмитрия Тяпина, линейного продюсера Антона Итса, режиссера Николая Шулика, ассистента режиссера Дмитрия Беляева и монтажера Яны Петуховой.

В каждой передаче «После смерти» участвовала моя соведущая, писатель Татьяна Устинова и приглашенные в студию или записанные заранее эксперты: специалисты-историки (профессора Евгений Анисимов, Андрей Богданов, Полина Вайдман, Виталий Вульф, Юрий Жуков, Александр Зданович,

Игорь Зимин, Виктор Иванов, Владимир Калашников, Владимир Лапин, Александр Марголис, Сергей Мироненко, Сергей Полторак, Сергей Смирнов, Сергей Степанов, Вячеслав Шапошник, Владимир Яковлев, а также Дмитрий Баранов, Олег Карамышев, Борис Кипнис, Сергей Рудник, Татьяна Сухарникова, Евгений Юркевич), специалисты в области медицины и патологоанатомии (профессора Борис Вишневский, Борис Лукичев, Вячеслав Попов, Юрий Попов, Виктор Сорокоумов, Виктор Шилов, а также Михаил Антонов, Людмила Батурина, Андрей Васильев, Андрей Жуков, Татьяна Красносельских, Андрей Козырев, Леонид Петров, Виктор Тополянский), филологи и писатели (Дмитрий Быков, Никита Елисеев, профессор Виктор Живов, Дмитрий Калугин, профессора Владимир Кантор и Александр Панченко), журналисты Евгений Вышенков и Ольга Громова, а также музыкант Алексей Гориболь, протоиерей, профессор Георгий Митрофанов, балетовед Аркадий Соколов-Каминский, капитан корабля Евгений Зубарев, водолаз-спасатель Олег Медведев, философ Григорий Померанц и начальник Кремлевской охраны в период президентства Б. Н. Ельцина Александр Коржаков.

Иван Грозный

Иван Грозный – первый русский царь. Родился в 1530 г. Начало его правления ознаменовано реформами и расширением страны на юг и восток. Вторая половина царствования вошла в историю садистскими казнями, истреблением собственного населения и поражением в Ливонской войне. Смерть Ивана Грозного в марте 1584 г. привела к борьбе за власть, обернувшейся 25летней смутой.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: УДУШЕН

Иван Грозный скончался в возрасте 53 лет. У нас есть несколько описаний его кончины, в том числе и составленное очевидцем. Оно же самое подробное и принадлежит англичанину Джерому Горсею (английский купец и дипломат, жил в Москве с 1573 по 1591 гг.), долгие годы находившемуся при царском дворе, человеку наблюдательному и осведомленному. Так вот, Горсей сообщает, что царь был удушен.

Впрочем, из записок Горсея мы можем сделать вывод: сам он момента удушения не наблюдал. Из других описаний мы точно знаем, что в момент смерти при Иване в непосредственной близости находились лишь двое – Богдан Бельский и Борис Годунов. Ни тот, ни другой, по понятным причинам, ничего не сообщали о насильственной смерти, потому что если она и была, то от их рук.

Записки Горсея в целом правдоподобны. Более того, его описание смерти Ивана в большей своей части подтверждается другими источниками, но в сообщениях англичанина есть целый ряд деталей, которые нам негде проверить: так подробно смерть царя не описывает больше никто. А об удушении сообщает только Горсей. Если бы кто-то еще, находившийся в это время при дворе, оставил записки, где опроверг бы факт удушения, у нас были бы основания не доверять англичанину. Так как он единственный, то таких оснований нет. Все остальные писали с чужих слов. Понятно, что на момент смерти в России ни о какой насильственной смерти царя никто написать не мог. Говоря современным языком, мешала цензура. Но через 20 лет грянула смута, и появилась своего рода свобода слова. Времени прошло не так уж и много – о смерти помнили. Многие начали говорить и писать: Грозного убили.

Итак, что же сообщает нам Горсей: в день своей смерти, 18 марта 1584 г., Иван Грозный, тяжело болевший последние годы (о том, чем болел, мы позже поговорим отдельно) и занемогший по-настоящему за три недели до смерти, пошел в баню. Там он

провел три часа. Почувствовав себя после бани значительно лучше, он решил сыграть в шахматы. Сам расставил фигуры. Оставалось поставить на доску короля. В этот момент ему стало плохо.

Он завалился на кушетку. Многочисленные приближенные и слуги в панике разбежались, кто за водкой, кто за какими-то лекарственными средствами, кто за медиками, кто за священником. Возле умирающего царя хлопотали двое – Годунов и Бельский. Что там происходило, уже не узнать. Горсей пишет: «Тем временем он был удушен и окоченел», никак это утверждение не комментируя. Английское выражение «he was strangled» некоторые исследователи переводят как «он задохнулся» или «он испустил дух» – такой перевод позволяет избежать решения этой загадки. Тем не менее, перевод «был задушен» более очевиден, хотя и оставляет множество вопросов.

Итак, два подозреваемых: Годунов и Бельский. Борис Федорович Годунов и Богдан Яковлевич Бельский в последний год жизни Ивана Грозного входят в его ближайшее окружение. Оба выдвинулись во времена опричнины. Оба в близком родстве с Малютой Скуратовым, любимцем Грозного и одной из самых зловещих фигур в русской истории. Годунов был женат на сестре Малюты. Бельский приходился Скуратову племянником. Придворная карьера Годунова пошла в гору, когда его сестра Ирина вышла замуж за второго сына Ивана Грозного слабоумного царевича Федора. Годунов прекрасно образован, чрезвычайно умен, осторожен, представляет интересы «двора» – исторического преемника опричнины.

Богдан Бельский был то ли любовником бисексуального Ивана Грозного, то ли его личным телохранителем («неотходным хранителем»). Он спал в одной комнате с Грозным. «От всего царскаго синклита первоближен и началосоветен при преславнаго царя Ивана». Ему Иван Грозный поручил переговоры с англичанами о возможной женитьбе царя на племяннице английской королевы Мэри Гастингс. Грозный доверил Бельскому воспитание своего сына от Марии Нагой Дмитрия Ивановича. Фаворит ведал и всеми оккультными делами: гадалками, колдунами, астрологами. Иван скончался за игрой в шахматы именно с Богданом Бельским.

Возможную причастность к смерти царя этих двух его приближенных не исключали некоторые серьезные исследователи, например, Степан Веселовский и Александр Зимин.

У Годунова основания для убийства были. Иван Грозный собирался развести своего сына и наследника, царевича Федора, с

его женой, родной сестрой Годунова. Более того, когда утром в день смерти Иван исправлял завещание, он назначил опекунов для своего слабоумного чада – четырех человек. Среди них Годунова не было. Очевидно, что по каким-то причинам царь перестал доверять своему недавнему любимцу.

Иная история с Богданом Бельским. Бельский на момент смерти для Грозного чуть ли не самый близкий человек. Он ему доверяет бесконечно и в опекунский совет, в отличие от Годунова, назначает. Но рядом с Грозным ни один фаворит себя уверенно чувствовать не мог. Сегодня в фаворе. Завтра в опале. С другой стороны, Бельский мог рассчитывать на то, что после смерти Грозного реальная власть окажется у него в руках.

Слабоумный царевич Федор, за которого правит опекунский совет, кто бы ни занял в нем лидирующую позицию – куда безопасней, чем его взбалмошный и легкий на расправу папаша. С именем Богдана Бельского связана одна любопытная история, напрямую относящаяся к смерти царя Ивана. Смерть самодержца была предсказана некими волхвами именно на 18 марта, и среди немногих осведомленных о предсказании был как раз Бельский.

Историю эту помнят все, кто смотрел в театре или читал трагедию Алексея Константиновича Толстого «Смерть Иоанна Грозного». Именно Бельский по заданию Ивана Грозного привез из Карелии полсотни волхвов, которые якобы предсказали смерть царю на 18 марта. Иван Васильевич, в середине последнего в его жизни дня почувствовав себя значительно лучше, собрался уже по своему обыкновению расправиться с ведунами за ложь – то ли сжечь, то ли заживо закопать – но те, через Бельского, передали просьбу дождаться окончания дня, до которого Грозный не дожил. Предсказание сбылось.

Понятно, что никакого вскрытия в 1584 г. не производилось. И мемуары тогда были исключительной редкостью. Соблюдался режим полной секретности. Так что мы могли бы только строить предположения, если бы не результаты изучения останков Грозного, осуществленного группой советских антропологов.

В 1963 г. во время проведения реставрационных работ в Архангельском соборе Кремля был вскрыт ряд могил, среди них могила Ивана Грозного. Исследованием останков занималась группа антропологов во главе с академиком Михаилом Герасимовым. Был проведен химический анализ останков, восстановлена внешность первого русского царя по уникальной методике, разработанной Герасимовым еще в 30-е годы. Таким образом, мы доподлинно знаем, как выглядел перед смертью Иван Грозный.

Герасимов отмел версию удушения, объясняя свои выводы

хорошо сохранившимся щитовидным хрящом гортани. Вероятно, если бы его душили, то этот хрящ каким-то образом был бы поврежден. Не будучи врачом, великий антрополог упустил возможность повреждения других хрящей, например, маленькой подъязычной кости, которая за четыре века до момента раскопок могла сгнить или деформироваться. Так что отвергнуть версию удушения полностью и сейчас невозможно.

Тем более что история показала: именно Борис Годунов и Богдан Бельский стали главными претендентами на власть после смерти Ивана Грозного. Борис Федорович выиграл, стал вначале могущественным регентом при слабоумном царе Федоре, а потом и царем. Богдан Бельский пытался возвести на престол царевича Дмитрия, но проиграл и стал воеводой в Казани – был, так сказать, послан с понижением в провинцию.

Но версия удушения не единственная. Гораздо больше современники склонялись к тому, что Грозного отравили.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ОТРАВЛЕН

Эта версия очень близка к первой, но у нее куда больше сторонников. Уже современники Грозного предполагали, что он был отравлен. Такие слухи ходили в народе. Они зафиксированы в позднейших летописях и в некоторых записках иностранцев. Убийство приписывалось тем же самым Годунову и Бельскому, что не удивительно. У Годунова было больше всего оснований, а у Бельского больше всего возможностей. Называется и еще одно имя, которое не упоминается в версии про удушение – это имя фламандского лекаря Иогана Эйлофа.

В отличие от многих не только своих, но и наших современников, Грозный доверял медицине. Постоянно выписывал себе из-за границы лучших медиков. Он доверял науке, но не доверял людям. Его личные врачи часто менялись. Одного из них – Бомелия – в 1579 заживо сожгли. Этот Бомелий мастерски, по слухам, использовал яды в интересах самого Грозного. Потом вызвал его подозрения, и сам стал жертвой тирана. Последним врачом был Эйлоф, которому Иван так же доверял как врачу, но, видимо, не доверял как человеку. Во время последней болезни все лекарства, которые готовил Эйлоф, царь принимал исключительно из рук своего любимца Бельского. На Бельского же была возложена обязанность следить за тем, чтобы очередное снадобье не оказалось ядом. То есть Эйлоф был непосредственным подчиненным Бельского.

Впрочем, у Бельского, как мы выяснили, не было таких веских оснований желать смерти Грозного, как, например, у Годунова. Его можно подозревать только в том случае, если он состоял в заговоре с кем-то еще. Чаще всего называют имя Годунова. Реже –

имена представителей клана Нагих, родственников последней жены Грозного.

Почему Нагих? Дело в том, что законность последнего, седьмого, брака царя была крайне сомнительна, во-первых, для церкви (больше трех жен даже царям не полагалось), а во-вторых, для самого супруга. Иван был крайне религиозен. Седьмой брак он, вероятно, как православный христианин всерьез не воспринимал. Супругу мог с легкостью упечь в монастырь, как не раз уже делал прежде. Перед смертью же он собирался породниться с английской королевой. Получается, что у Нагих были основания желать смерти родственничку. Если он умрет, останется вдова, Мария Нагая, мать потенциального наследника Дмитрия.

Между прочим, уже во время правления Годунова, когда Эйлоф уезжал из России, он почему-то был вынужден оставить на чужбине своего сына. Такое ощущение, что как будто в заложниках. Можно предположить, что Годунов предпринял меры, гарантирующие неразглашение какой-то тайны.

К тому же в распоряжении знаменитого русского историка Василия Татищева как будто имелась рукопись, прямо указывавшая на Годунова как на заказчика убийства Грозного и его сына Федора. Кстати, в обоих случаях исполнителем назывался Бельский. Архив Татищева погиб в пожаре. Сохранилась только его «Выписка», которую можно рассматривать как вторичный источник, который мы перепроверить не можем: «Другие сказуют, якобы Бельский отцу духовному в смерти царя Иоанна и царя Федора каялся, что зделал по научению Годунова, которое поп тот сказал патриарху, а патриарх царю Борису, по котором немедленно велел Бельского, взяв, сослать. И долго о том, куда и за что сослали, никто не ведал».

Придя к власти, Годунов действительно удалил из Москвы двух потенциальных свидетелей: и Бельского, и медика Эйлофа – предполагаемых соучастников отравления. Что это – совпадение? Тем более что в останках Грозного Михаил Герасимов обнаружил содержание ртути, многократно превышающее норму (сравнительно с другими останками того же времени, вскрытыми одновременно с могилой царя).

Трудно представить, что Грозного отравили самым известным ядом, содержащим ртуть – сулемой. В этом случае он умер бы быстро, и при этом его состояние в те несколько дней, что отделяли его от смерти, непрерывно ухудшалось бы. Но мы знаем, что как раз перед самой кончиной Грозный почувствовал себя лучше. Скорее, смерть Грозного была вызвана хроническим отравлением.

Так как все лекарства, которые принимал Грозный, он получал из рук Эйлофа, а этот последний подчинялся главе Аптекарского приказа Богдану Бельскому, можно предположить, что Грозного систематически травили солями ртути. Тем более, что симптомы хронического отравления ртутьсодержащими соединениями у Грозного присутствуют: утомляемость, мнительность, раздражительность, резкое чередование депрессии и ярости.

К моменту смерти Грозный так изменился, что не заметить этого было нельзя. Выглядел он в свои 53 уже как дряхлый старец. Еле передвигался. Чрезвычайно распух. Какой-то запах неприятный от него исходил.

Но ртутьсодержащие препараты могли давать Грозному не для того, чтобы его отравить, а для того, чтобы вылечить. Ведь Иван Васильевич много лет тяжело болел.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: СИФИЛИС ИЛИ ВОДЯНКА

В последние годы жизни Иван Грозный испытывал постоянные физические мучения. Многократно упоминавшийся фламандский медик Эйлоф пользовал его какими-то хитроумными лекарствами. Внешне болезнь до поры до времени не проявлялась.

Важной вехой стало убийство Иваном своего старшего сына. Убийство, как известно, случайное, во время обычной ссоры. Царь разгневался на беременную жену сына, увидев ее не до конца одетой в ее собственных покоях. Начал ее избивать. Сын стал защищать перед отцом супругу. Тот ударил его жезлом и нанес серьезную рану (черепно-мозговую). Вскоре тот умер, а у его жены от побоев случился выкидыш.

Между убийством сына и смертью прошло всего два года. Эти два года царь находился преимущественно в подавленном настроении, и физическое состояние его ухудшалось. Например, ему все тяжелей было ходить.

В самом начале 1584 г. произошло событие, которое привело Грозного к убеждению, что смерть его не за горами. Вот как пишет об этом Николай Карамзин: «В сие время явилась Комета с крестообразным небесным знамением между церковию Иоанна Великого и Благовещения: любопытный Царь вышел на Красное крыльцо, смотрел долго, изменился в лице и сказал окружающим: вот знамение моей смерти!»

Болезнь, вероятно, вступила в завершающую стадию. Мы уже говорили о том, что перед смертью все тело Грозного как-то распухло и стало издавать зловоние. Горсей особенно указывает, что страшно распухли половые органы. Где-то с конца февраля и до смерти он был очень плох. Последнее время перед смертью

Грозный сам вообще не мог передвигаться, и его носили в креслах. Потом было 18 марта, которое мы ранее разобрали по часам. Предсказание волхвов. Баня. После стало получше. Желание сыграть в шахматы. Упал. Умер.

Легко поддаться искушению и решить, что такова Божья кара за все злодеяния царя. Такому искушению многие и поддавались, например, тот же Карамзин. Его описание смерти Грозного – больше описание всех мерзостей царя, а завершается оно восклицанием: «Безмолвствовал суд человеческий пред Божественным!»

Грозного было за что ненавидеть современникам и историкам. Это был какой-то Чикатило на троне. Чудовищный садист, получавший болезненное удовольствие от человеческих мучений. Итоги его царствования были во всех смыслах катастрофические. Татары впервые за 200 лет сожгли Москву. Проиграна Ливонская война – внешнеполитическая трагедия. Можно говорить о его смерти как суде Божьем. Но в любом случае, этот Божественный суд вершила либо болезнь, либо чья-то человеческая воля.

Исследование Герасимова раскрывает, как минимум, одну загадку последней болезни – почему Грозный не мог самостоятельно передвигаться. На его костях были чудовищные наросты – остеофиты, невероятные для его возраста. Даже у семидесятилетних стариков, по словам Герасимова, такие изменения крайне редки. Его скелет был как будто скован, совершенно неподвижен. Любое движение было для него мучением. Сейчас это называется «Болезнь Бехтерева – Штрюмпеля – Мари». Главный ее итог – окостенение связок между позвонками.

Остеофиты вызываются серьезным нарушением обмена веществ, вызванного какой-то тяжелой и долгой болезнью.

Или предосудительным образом жизни, чрезвычайным невоздержанием ни в чем. Может, тем и другим вместе. Уже в дореволюционной историографии утвердилась точка зрения, что Грозный царь умер от болезни или болезней, ставших следствием его образа жизни или расплатой за него, а именно невоздержанности во всем – в еде, в питие, в пользовании женщинами, т. е., прямо говоря, чудовищном разврате, еще усугубленном зверствами, нечистой совестью и т. д.

Следствием такого образа жизни и стала болезнь, которую дореволюционные историки прямо не называли, но о которой явно думали. Соловьев пишет: «Страшная болезнь – следствие страшной жизни: гниение внутри, опухоль снаружи». Что же за болезнь такая? Пришел нескромный XX век, и ее прямо назвали –

сифилис. Существует такая версия, что Иван Грозный умер от сифилиса.

В конце пятнадцатого века эпидемия сифилиса накрыла Западную Европу, а к середине XVI уже достигла и Руси. Это еще не была такая распространенная болезнь, как в XVIII–XIX веках, но при определенных усилиях заразиться Грозный ею вполне мог. Стоит заметить, что и в допетровские времена Русь не была таким уж рассадником благочестия, чтобы венерические заболевания были в ней редкостью.

Прямых указаний на эту болезнь у Грозного нет и быть не может (она называлась тогда на Руси французской). Описывают какие-то струпья и распухание тела. Облегчение ему приносила баня. Собственно это предсмертное посещение бани, описание которого содержится у Горсея – не прихоть царя, а медицинская процедура. Тот же Горсей рассказывает, что Грозный любил хвастаться, какое невероятное число дев он растлил. Одно к одному. Да еще и повышенное содержание ртути, обнаруженное уже в советское время в останках Иоанна IV.

Известно, что ртутными соединениями с середины XVI века в Европе лечили сифилис (а врачи у Грозного были европейские). Более того, именно соединения этого металла оставались главными антисифилитическими средствами вплоть до начала прошлого века.

Другим повсеместно используемым методом было «чеппучино». В бане устанавливалась большая дубовая бочка с сидением внутри. На него сажался пациент и погружался в горячий настой лекарственных трав. Это уменьшало сифилитическое воспаление и приносило облегчение пациенту. Кстати говоря, продолжительные ванны использовались и для лечения отравления ртутью. Сочетание использования ртутных препаратов с баней можно принять за лечение сифилиса.

Другая медицинская версия – умер от какой-то болезни, которую прямо никто из современников не называет. У нас вообще чрезвычайно мало фактов для установления диагноза. Иностранные медики, лечившие на протяжении жизни Грозного, никаких записок не оставили. Все, на что мы опираемся, это пресловутые воспоминания Горсея, малодостоверные записи еще пары иностранцев и поздние летописи. Если бы не было исследования останков Герасимовым, то фактов было бы еще меньше.

Кстати, Герасимов склонялся к мысли, что Грозный умер от водянки. Его реконструкция выявила, что у Грозного под конец жизни был огромных, просто невероятных размеров живот. Это соответствует описаниям современников, что перед смертью царя

раздуло. Герасимов предположил водянку.

Болезнь, которую называли водянкой, это такое сопутствующее заболевание, симптом, следствие какой-то тяжелой болезни. В случае Грозного, как я сказал, у нас не достает фактов, чтобы сделать предположение о природе этой болезни. Сейчас асцит (брюшную водянку) считают признаком тяжелого поражения печени или почек. А такое поражение могло быть связано и с тяжелым сифилисом, и с ртутным отравлением, и с болезнью Бехтерева. Ртуть в любых дозах токсична, но очень долгое время она была чуть ли не единственным, по крайней мере, самым действенным способом лечения болезни. Да и само лечение сифилиса ртутной мазью может вызвать смертельную интоксикацию.

Мы не знаем, от чего умер Иван Грозный, но смерть его была мучительна.

Дмитрий Углицкий

У Ивана Грозного было четыре сына; судьба каждого сложилась трагически. Первый, Дмитрий, утонул в годовалом возрасте. Иван погиб, предположительно от руки отца. Федор царствовал, но бесславно. Этот очерк – о Дмитрии Углицком.

Царевич Дмитрий – младший сын Ивана Грозного. Юридически вопрос о престолонаследии в отношении царевича выглядел спорным. Церковь считала законными только три последовательных брака. А мать Дмитрия, Мария Нагая, была то ли шестой, то ли седьмой женой первого русского царя. После смерти Ивана Васильевича регентский совет отправил царевича в Углич. Там восьмилетний мальчик умер при загадочных обстоятельствах, до сих пор вызывающих споры. Позже его имя примерила на себя целая плеяда самозванцев. Тем не менее, в 1606 г. он был канонизирован Православной церковью как святой благоверный царевич Дмитрий Углицкий.

Царевич Дмитрий погиб 15 мая 1591 г. в Угличе. Отроду ему было 8 лет. Углич – один из древнейших городов России (сейчас райцентр, административно относится к Ярославской области). Считается, что произошедшее там в конце XVI века преступление (или происшествие) ознаменовало закат Рюриковичей как правящей династии. В эпизоде, связанном с кончиной Дмитрия, историки выделяют три основные версии. Причем все три – совершенно взаимоисключающие. Все три, каждая в свое время, пускай иногда и на короткий исторический отрезок, становились государственными и официальными.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

15 мая 1591 г. 8-летний царевич Дмитрий во дворе своего терема играл с мальчиками в «тычку». Он был эпилептиком, случился припадок; Дмитрий напоролся на острие, поранился и умер от кровопотери.

«Тычка» – почти без изменений дошедшая да наших времен игра в ножики. На земле чертится круг, он делится на сектора. Играющие по очереди кидают ножик. Выигрывает тот, кто последовательно попадает во все сектора. При этом каждый следующий бросок производится из нового положения: ото лба, от груди, от колена и т. д. Ножик, которым играли в тычку, вполне мог быть не детской игрушкой, а настоящим кинжалом.

В поддень 15 мая вдовствующая царица Мария Нагая, мать Дмитрия, села обедать, а сына отпустила поиграть на дворе со сверстниками под присмотром мамки Василисы Волоховой, кормилицы и постельницы. Через несколько минут со двора

раздался громкий крик, царица поспешно спустилась туда и увидела своего единственного сына, истекающего кровью.

Царица, не разбираясь, стала избивать Василису Волохову, обвиняя последнюю в убийстве наследника Московского престола. На колокольне ближайшей церкви ударили в набат. К царскому терему стали сходиться посадские люди Углича. Прискакали братья царицы, срочно прибыл дьяк Михаил Битяговский, главный представитель царской администрации в Угличе. Среди угличан, побуждаемых Нагими, быстро распространилось мнение о том, что смерть царевича – дело рук москвичей, и на Битяговского, его дворовых и родственников напали. Численное превосходство было на стороне угличан, и Битяговский, а с ним и еще 15 человек, были убиты. Заодно разграбили их дома. Расследования не производилось, угличане были убеждены: царевич убит. Возобладали эмоции. Подозреваемых, по сути, линчевали.

Угличане небезосновательно полагали, что московское правительство, руководившее страной от имени слабоумного царя Федора, побаивается царевича и стремится его «извести». Покушение было вполне возможным. Отсюда и реакция.

Вечером 19 мая, через четыре дня после гибели Дмитрия, в Углич прибыла следственная комиссия из Москвы. Состав ее был таков: секретарские обязанности исполнял дьяк Елизарий Вылузгин, патриарха представлял митрополит Геласий, от двора в нее входил окольничий Андрей Клешнин, который одновременно являлся как ставленником Бориса Годунова, всемогущего фаворита царя Федора, так и родственником пострадавшей стороны – бояр Нагих. Глава следственной комиссии – князь Василий Шуйский. Эта фигура будет ключевой в расследовании.

Василий Иванович Шуйский, один из самых влиятельных бояр конца XVI – начала XVII веков. Его взлеты и падения связаны с борьбой за власть с другим фаворитом Ивана Грозного – Борисом Годуновым. Утвердив в качестве главы следственной комиссии версию о нечаянном самоубийстве царевича Дмитрия, Шуйский продемонстрировал лояльность правящему режиму. Позже, став в 1606 г. московским царем, именно он объявил Годунова убийцей Дмитрия. В 1610 г. Шуйский был свергнут с престола и насильственно пострижен в монахи. Умер в польском плену.

Следствие велось прямо у стен царского терема; свидетелей опрашивали публично. Главные очевидцы – кормилица и мамки, а также мальчики, с которыми играл царевич, утверждали: с царевичем во время игры случился приступ эпилепсии и он

порезал себе шею ножом. Вот что показывала, например, Василиса Волохова: «А играл царевич ножиком, и тут на царевича пришла опять та ж черная болезнь, и бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло, и било его долго, да туто его и не стало. А и преж того та ж над ним болезнь была падучий недуг, и он поколол сваею и матерь свою царицу Марью. А в другой раз царевич объел руки Андрееве дочке Нагого».

Материалы следствия доказывали: именно Нагим нужно отвечать за убийство представителей московской администрации. Накануне приезда комиссии они даже решились на авантюру – подбросили к трупам убитых оружие, предварительно зарезав им курицу, чтоб остались следы крови. Однако один из участников этого обмана во всем признался на следствии.

В результате своей деятельности комиссия пришла к однозначным выводам – царевич погиб в результате несчастного случая, мятеж и убийство должностных лиц были абсолютно противоправны, виновные подверглись репрессиям и ссылкам. И даже угличский колокол, созывавший набатом горожан на восстание, сослали в Тобольск, отрезав ему язык.

Вопросы к объективности следствия и достоверности его выводов возникли у современников сразу, и мы их еще коснемся. И у современных медиков картина гибели больного эпилепсией мальчика вызывает вопросы. Случайное, да еще смертельное ранение при эпилептическом припадке – вещь редчайшая. Мышцы в этот момент слабеют, орудие должно было выпасть из рук, а не вонзиться в яремную артерию. Для эпилепсии картина почти невозможная.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: УБИЙСТВО ПО ЗАКАЗУ

Гибель любого государственного деятеля вызывает массу вопросов и порождает слухи. А в случае Дмитрия за его гибелью последовала моментальная карательная акция.

К тому же Нагие сразу заявили об убийстве, обвинив в причастности к нему представителя московской администрации, а фактически Бориса Годунова.

Боярин Борис Годунов начал политическую карьеру с удачного брака. Он женился на дочери любимца Ивана Грозного Малюты Скуратова. Позже, будучи шурином царя Федора Иоанновича, Годунов, с 1587 г., стал фактическим правителем Московского государства. Он полностью сосредоточил власть в своих руках. А после смерти Федора сам взошел на престол.

При Годунове в Москве появился первый водопровод, был избран первый русский патриарх, велось активное градостроительство. Тем не менее, период пребывания у власти Бориса Годунова фактически синоним понятия «Смутное время».

В 1605 г. династию Годуновых свергли, в 1606 г. русским царем бояре выбирают Василия Шуйского.

И первым же делом новый царь отказывается от своих слов в том, что он утверждал, будучи главой следственной комиссии в Угличе. Через 15 лет после окончания следствия он заявил: царевич вовсе не погиб в результате несчастного случая, убийца – Годунов.

По мнению многих историков, об убийстве Дмитрия по приказу Годунова говорит и доныне сохраняющийся в архиве подлинник «Обыскного дела» – следствия, проведенного в 1591 г. комиссией Шуйского. Видно, как его переделывали, чистили, делали таким, чтобы подтвердить версию о несчастном случае.

Английский купец Джером Горсей был по делам в Ярославле и о том, что происходило по соседству, написал в письме, датированном 10 июня 1591 г.: «Юный князь 9-ти лет, сын прежнего императора и брат нынешнего, был жестоко и изменнически убит. Его горло было перерезано в присутствии его дорогой матери, императрицы. Случились еще многие столь же необыкновенные дела, которые я не осмелюсь описать не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это неприятно и опасно».

Почти все пережившие Бориса Годунова свидетели сходились на том, что приказ об убийстве отдал он, а исполнителями стали Битюговские и группа чиновников, присланных из Москвы в Углич.

Так же считали позже и Николай Карамзин, и Александр Пушкин.

Для того чтобы раз и навсегда закрепить эту версию, а заодно предотвратить опасность появления самозванцев, Лжедмитриев, погибший в 1591 г. младенец был канонизирован, объявлен святым Русской Православной церковью.

В знак подтверждения гибели царевича в Углич была направлена специальная комиссия под руководством Филарета (будущего основателя династии Романовых). Могила Дмитрия была вскрыта, при этом по собору якобы распространилось «необычайное благовоние». Мощи царевича обрели нетленными (в гробнице лежал свежий труп ребенка с зажатой в руке горстью орехов). Недоброжелатели, впрочем, распространяли слухи, что Филарет купил у стрельца сына Романа, который был затем убит, а его тело положено в гробницу вместо тела Дмитрия.

Торжественная процессия с мощами двинулась к Москве; она была встречена царем Василием со свитой, а также матерью Дмитрия – инокиней Марфой. Гроб был открыт, однако Марфа, взглянув на тело, не смогла произнести ни слова. Затем к гробу

подошел царь Василий Шуйский, опознал царевича и повелел гроб закрыть. Марфа пришла в себя только в Архангельском соборе, где объявила, что в гробу находится ее сын. Немедленно у гроба Дмитрия начали происходить чудеса – исцеления больных. По приказу царя была составлена грамота с описанием чудес Дмитрия Угличского и разослана по городам. В том же 1606 г. Дмитрий был причислен к лику святых.

Однако это не помогло Шуйскому. Ведь самой популярной в народе была не версия несчастного случая и не версия убийства. Множество людей верило: Дмитрия хотели убить, но он спасся.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ ВЫЖИЛ И СТАЛ ИЗВЕСТЕН ИСТОРИИ КАК ОДИН ИЗ ЛЖЕДМИТРИЕВ

Как ни удивительно, одним из первых в Российском государстве идею чудесного спасения царевича Дмитрия поддержал все тот же Василий Шуйский. Это произошло спустя 14 лет после случая в Угличе, в 1605 г. Это заявление Шуйский сделал, когда войска человека, получившего в истории название Лжедмитрий, подступали к Москве.

Лжедмитрий – одна из самых спорных и темных фигур российской истории. Человек, называвший себя младшим сыном Ивана Грозного, объявился в начале XVII века. Он утверждал, что, узнав о готовящемся покушении, Нагие подменили его мальчиком-простолюдином. Таким образом, произошло чудесное спасение. После этого Дмитрий якобы скитался по монастырям, пока его не узнал один из монахов. Собрав войско в Польше и на Украине, Лжедмитрий пошел на Москву, и в результате в 1605 г. взошел на престол. Правление его было недолгим. Он был убит в 1606-м.

У историков существуют не меньше пяти версий о личности этого русского царя. Одна из них – Лжедмитрием называли настоящего царевича Дмитрия.

Официально об этом заявил Василий Шуйский, но он был, что называется, сума переметная, и говорил не то, во что верил, а то, что ему было выгодно. А из ближайших людей, при вступлении Лжедмитрия в Москву, родного сына признала его мать, Мария Нагая.

В Польше его опознавали как настоящего царевича перебежчики из Московии Петрушка и бояре Хрипуновы. Верила в царственное происхождение Дмитрия и его жена Марина Мнишек; вот что она пишет в своем дневнике: «Тем временем тот влах, видя, как нерадив в своих делах Федор, старший брат, и что всею землею владел конюший Борис, решил, что это дитя ожидает смерть от руки предателя. Взял он его тайно и уехал с ним к самому Ледовитому морю и там его скрывал, выдавая за

обыкновенного ребенка. Потом перед смертью советовал ребенку, чтобы тот не открывался никому и чтобы стал чернецом. Что по совету его царевич исполнил и жил в монастырях».

Судя по сохранившимся портретам и описаниям современников, Лжедмитрий был низок ростом, достаточно неуклюж, лицо имел круглое и некрасивое (особенно уродовали его две крупные бородавки на лбу и на щеке), рыжие волосы и темно-голубые глаза. При небольшом росте он был непропорционально широк в плечах, имел короткую «бычью» шею, руки разной длины. Вопреки русскому обычаю носить бороду и усы, не имел ни того, ни другого. О сходстве двух Дмитриев судить трудно: изображений Дмитрия Углицкого нет, разве что в иконописи. Не говоря о разнице в полтора десятка лет между 8-летним мальчиком и 23-летним предводителем войска. Кстати, бородавки и называли основной схожей чертой.

История о чудном спасении Дмитрия, при всем ее обаянии, все же маловероятна. Сомнений очень много. Хотя эту версию поддерживали многие российские историки.

Не очень-то верили в чудесное спасение царевича польские покровители Лжедмитрия – князья Вишневецкий, Мнишек и Острожский.

Лжедмитрий никогда не указывал на лиц, помогавших ему спастись и выжить, открывших ему, кто он такой на самом деле. Они никак не были отблагодарены, более того ни один русский источник не знает никакого иноземного врача, состоявшего в Угличе при царевиче.

Лжедмитрий путается в показаниях, касающихся его спасения, его жизни в России, он не знает обстоятельств своей жизни в Угличе, не имеет ни малейшего представления о людях, окружавших его тогда, вообще старается молчать о первых двадцати годах своей жизни.

Наконец, все те люди, которые видели и живого царевича Дмитрия, и живого Лжедмитрия, признавшие их тождество, после смерти последнего отказываются от своих признаний и уверяют, что они были сделаны под страхом смерти.

Даже близкие к Лжедмитрию люди, такие как Конрад Буссов или Петр Басманов, хоть и относятся к нему с большим уважением и сочувствием, однако признают, что Лжедмитрий не приходится сыном Ивану Грозному.

И все же его так боятся, уже мертвого, для верности вешают, вынимают из петли, заряжают в пушку, стреляют его телом и, в конце концов, развеивают его прах по ветру. Уже вызрела идея Василия Шуйского сделать Дмитрия святым, убив таким образом двух зайцев: очернить уже покойного Годунова и прекратить

появление новых претендентов на роль младшего сына Грозного.

«Умереть – значит перестать умирать», – сказал английский философ Сэмюэл Батлер. Царевич Дмитрий умирал как минимум трижды. Жизнь его была коротка, зато смерть растянулась на полтора десятка лет и всякий раз как будто происходила заново

Царевич Алексей Петрович

В русской истории много страниц, которые читать тяжело, но необходимо. Если эти страницы выдрать, получится лубок – череда громких побед и гениальных прорывов на фоне мудрых преобразований и судьбоносных решений достойных правителей. Такая история тепла и комфортна – в ней уютно, как в номере хорошего отеля где-нибудь на Мальдивах. Но Россия – не коралловый атолл, а наша история – не лубок, а гремучая смесь шекспировской драмы, военной реляции, семейной хроники и детектива.

Мы обратимся к одной из самых тяжелых для чтения страниц русской истории нового времени – смерти царевича Алексея, сына Петра I. Конфликт с отцом обернулся для царевича гибелью во цвете лет в застенках Петропавловской крепости. Семейная драма с леденящим кровь финалом.

Это сегодня Петропавловская крепость – чуть ли не главный туристический аттракцион Петербурга. Почетные гости города собственноручно стреляют в 12 часов дня из пушки, установленной на Нарышкином бастионе. Гуляющая публика с удовольствием фотографируется на коленях шемякинского памятника Петру I. Проводятся шумные городские и корпоративные празднества. Летом крепость еще превращается и в основной городской пляж.

Трудно поверить, что 200 лет Петропавловская крепость была русской Бастилией, главной политической тюрьмой империи и вселяла ужас в сердца царских подданных. Превращение крепости в тюрьму произошло в тот день, когда туда поместили первого узника. Произошло это 14 июня 1718 г. Узника звали Алексей Петрович. В русской истории он известен как царевич Алексей. Через 16 дней Алексея Петровича похоронили там же, в Петропавловской крепости. Крепость на Заячьем острове стала не только главной русской тюрьмой, но и главным русским кладбищем. Там же через семь лет похоронят первого русского императора Петра I.

Высокородный узник русской Бастилии гибнет непосредственно там, где был заложен первый камень этой столицы, а по сути, и этого государства. Мало того, его и хоронят в том же самом месте – как будто приносят жертву в залог.

История гибели царевича Алексея больше похожа на вымысел романиста, чем на хронику реальных событий. Смерть его преисполнена зловещего символизма. События же, ей предшествовавшие, как мы увидим – полноценный сценарий для

какого-то совершенно невероятного исторического триллера.

Бегство за границу с любовницей, переодетой в мужское платье. Заговор. Большая европейская политика. Шпионы в Вене. Тайные агенты в Неаполе. В финале – пытки и жесточайшие казни. Это было время какое-то совершенно удивительное. В русской истории просто нет аналогов. Недаром Пушкин в споре с Чаадаевым говорил, что «Петр Великий… один есть всемирная история».

Царевич Алексей пал жертвой этого невероятно напряженного времени. Вот уже почти 300 лет вокруг его смерти идут ожесточенные споры. Кто он – наказанный злодей или жертва злодея? Вопрос принципиальный, потому что ответ на него определяет наше отношение к тому, по какому пути пошла Россия с легкой руки Петра.

В бесконечном споре западников и славянофилов царевич Алексей фигурирует неизменно. В славянофильской версии русской истории он поборник русской старины, расплатившийся жизнью за свои убеждения. Он – первая жертва вестернизации России.

Царевич Алексей – сын Петра от первой жены Евдокии Лопухиной. Родился в 1690 г. Рос возле матери до восьмилетнего возраста, когда царица Евдокия была насильно отправлена в монастырь. Воспитывался под присмотром учителей в Москве. С 17-летнего возраста выполнял поручения отца по армии, находясь в глубоком тылу. За несколько лет Петр окончательно разочаровался в сыне, убедившись в его полном равнодушии к делам государства.

В 1711 г. состоялся брак Алексея и принцессы Шарлотты, родственницы австрийского императора. Брак оказался неудачным и недолгим. После смерти жены в 1715 г. Алексей поставлен отцом перед выбором: либо самоотреченный труд на благо страны, либо монастырь. При первой возможности царевич бежит в Вену и более года скрывается во владениях австрийского императора. По возвращении в Россию подвергнут суду, приговорен к смерти, после чего умирает при неясных обстоятельствах.

Кажется, все очевидно. Нелюбимый сын. Властный отец. Спасаясь от монастыря, царевич бежит за границу. Возвращен. Осужден. Умер. Тут, как ни относись к личности и преобразованиям Петра, оправдать его сложно. Такая жестокость по отношению к родному сыну в голове не укладывается.

Но, как говорят французы, дьявол в деталях. Петр действительно не являлся для Алексея образцовым отцом, но отношение его к сыну не было изначально предвзятым. Он его

привлекал к делам государства, брал с собой в походы, пытаясь понять его способности и возможности. Не говоря о том, что заботился о его образовании, назначая учителей и даже отправив ненадолго за границу. Только когда Петр на деле убедился, что сыну не интересны ни учеба, ни труд, что ему безразлична судьба флота, армии, всех отцовских реформ, только тогда Петр занял в отношении сына предельно жесткую позицию.

Это была трагедия не только Алексея, но и Петра. На момент смерти Алексея Петр был убежден не только в том, что сын не разделяет его взгляды на будущее страны, но и в том, что тот выступает его яростным противником. Царевич был приговорен к смерти не за непослушание, а за заговор против отца.

Вопрос в том, был ли этот заговор. Если был, то Петр выступает как жертва – преданный сыном отец вынужден в интересах страны согласиться на смертный приговор собственному чаду. Если заговора не было, то жертва – Алексей. Этот несчастный молодой человек не соответствовал высоким запросам своего великого отца, за что был обвинен во всех смертных грехах и уничтожен.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ И ЕДИНСТВЕННАЯ: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ КАЗНЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗАГОВОРЩИКА

Официально было объявлено, что царевич умер от удара. Сразу же после его смерти в народе пошел слух, что царевич был убит то ли самим Петром, то ли по его приказу. Эта народная версия оказалась чрезвычайно живуча – она периодически всплывала и в XIX, и в XX веках. Тем не менее, никаких серьезных подтверждений в ее пользу нет. Скорее всего – как считают сегодня большинство историков – Алексей умер, не выдержав жесточайших пыток, которым его подвергали в последнюю неделю жизни.

Если Алексея не убили по непосредственному повелению Петра (а так, скорее всего, и было), то никакого преступления нет. Дело в том, что для того времени пытка была совершенно нормальным следственным мероприятием, а царевич находился под следствием. Умер же, потому что здоровьем оказался слаб. Не сознательное убийство, а обычный эксцесс, несчастный случай.

Пытка – закрепленная законом часть следственного процесса в России XVII–XVIII вв. Только показания, данные под пыткой, в глазах суда и следствия представляли настоящую ценность.

В России наибольшее применение находили: подвешивание на дыбе, кнут и пытка огнем. Перед истязанием подсудимого полностью раздевали, таким образом, согласно представлениям времени, человек лишался чести. Женщин пытали наравне с мужчинами. Смерти во время испытания были редкостью. В

задачу палачу вменялось сохранение жизни подсудимого для дачи показаний. В то же время, подвергшись пытке, человек чаще всего оставался инвалидом. Формально пытка в России была запрещена в 1801 г., но неофициально применялась до начала великих реформ.

Алексея Петровича пытали непрерывно. Уже после окончания следствия и приговора суда он подвергался «виске». Тело с завязанными руками поднимали под потолок и били кнутом по натянутой коже. Покрывали кровоточащие раны капустным листом, чтобы затянулись, и через несколько дней били снова. Последние два раза царевичу нанесли 20 ударов кнутом, а перед смертью еще 15. Он мог умереть и от заражения крови, и от болевого шока.

Так мучить сына? Но близких отношений между Петром и Алексеем не было никогда, хотя до поры до времени Петр воспринимал своего сына как будущего наследника, и надеялся, что тот когда-нибудь проявит интерес к делам государства и возьмется за ум. Известно, что больше всего на свете Алексей любил праздность и пьянство. Петр тоже крепко пил, но это никогда не мешало делу.

Как только у Алексея появилась альтернатива, как у наследника, Петр поставил ему ультиматум: либо радикальное исправление, либо лишение наследства. 12 октября 1715 г. у Алексея родился сын Петр, через 10 дней его супруга Шарлотта скончалась, через две недели ее похоронили, а уже на следующий день императрица Екатерина Алексеевна разрешилась от бремени – на свет появился Петр Петрович. Теперь у Петра I появился выбор наследников – два сына и внук. Алексей казался худшим из вариантов.

Осенью 1715 г. Петр окончательно решил для себя, что его сын не годится в наследники, и прямо заявляет об этом Алексею. Царевич решил потянуть время и дождаться, когда гроза пройдет. На тот момент он, вероятно, еще не понимал, насколько серьезны намерения отца. Алексей Петрович посоветовался с близкими людьми. Это были Александр Васильевич Кикин и князь Василий Долгорукий. Кикин – бывший денщик Петра, переметнувшийся к царевичу после того, как был уличен в казнокрадстве. Долгорукий – генерал-лейтенант, представитель знаменитого семейства. Оба посоветовали царевичу отказаться от престола. Алексей пишет отцу, что отказывается от наследства в пользу брата, а собственных детей вручает также на волю Петра.

Но это было только начало зловещей игры между отцом и сыном. Петр был слишком умен, чтобы не понимать, что Алексей пытается выиграть время. Случись что с Петром, и престол,

скорее всего, достанется не его малолетнему сыну от Екатерины, а именно Алексею, на стороне которого симпатии многих представителей знати и некоторых церковных иерархов. Петр не сомневался, что старший нелюбимый сын в случае его смерти тут же откажется от своих слов и заявит права на престол.

Петр постоянно ужесточает требования к сыну. Сначала отречение от престола, потом постриг. Он, очевидно, ищет гарантии, что власть Алексею не достанется. Царь требует от Алексея немедленного решения: «или отмени свой нрав… или будь монах». На это письмо царевич отвечает уже на следующий день: «Желаю монашеского чина».

Конечно, пострижение в монашество дает некоторые гарантии. Монахи не восходят на престол. Василия Шуйского в свое время постригли в монахи именно для того, чтобы он никогда не лез в цари. Но вот уже история с Филаретом Романовым, отправленным в монастырь по приказу Бориса Годунова, показывает: бывают и другие случаи. Сам Филарет на трон не сел, но он фактически правил Россией за своего сына Михаила Федоровича.

Стопроцентной гарантии Петр не получал даже в случае пострига Алексея. Он ему слишком не доверял. И очевидно, что последнее требование было лишь очередным ходом в зловещей партии, которую разыгрывал монарх. Но почему Петр так упорно отказывался верить сыну? Что это – самодержавная паранойя, или у царя были реальные основания не доверять царевичу?

Нет, подозрения Петра были небеспочвенны. Алексей кривил душой, когда выражал согласие уйти в монастырь. Это подтвердилось, когда Петр отправил сыну третье письмо, уже из Копенгагена, куда он отправился для подготовки очередной операции против шведов. В письме царь вновь требовал окончательного решения: либо немедленно постричься в монахи, либо одуматься и присоединиться к отцу и армии и вместе участвовать в войне, как и подобает помощнику и наследнику. После этого третьего письма, Алексей принимает решение бежать за границу. Очевидно, что ни в какой монастырь он не собирался и предпочитает иночеству государственную измену – именно так расценивалось бегство за границу.

Алексей и сам был отнюдь не дурак, и советчики у него были хитроумные. Он не был тем неврастеником, которого мы помним из фильма «Петр Первый» в гениальном исполнении Николая Черкасова. Царевич спланировал и осуществил побег обдуманно и ловко. Назанимал денег. Обманул Петра, сказав, что едет к нему в Копенгаген. И с переодетой в мужское платье любовницей Ефросиньей растворился на просторах Европы и обнаружился в

Вене.

Алексей шел на государственное преступление. Ради чего? Только ли из страха пострижения? Было ли это бегство импульсивным шагом в ответ на деспотизм отца, требовавшего пострижения сына в монахи, или это была часть хитроумного заговора? Это вопрос, на который нам предстоит ответить.

Бежать в Вену Алексею посоветовал все тот же Алексей Кикин. Это был наиболее очевидный выбор. Император Карл VI – могущественный европейский монарх, и Алексею он приходится родственником. Покойная жена царевича была сестрой жены цесаря.

У Карла Алексей не просто просит политического убежища, но и отдается под его родственное покровительство. Император оказывается в таком положении, что не может выдать беглеца без ущерба для собственной репутации. Он этой репутацией дорожит и с соблюдением полной секретности прячет родственничка в дальней крепости Эренберг в Верхнем Тироле. Алексей прибывает туда в самом конце 1716 г. В это время агенты Петра рыщут по всей Европе, разыскивая высокородного беглеца.

Поведение царевича в Вене если и не наводит на мысль о заговоре, то, как минимум, подтверждает факт его измены. Алексей заявляет, что стал жертвой деспотизма отца и клеветы Меншикова и Екатерины. Якобы Петр по науськиванию жены и своего визиря решил отстранить от наследства Алексея и его детей, родственников австрийского цесаря, в пользу только родившегося сына от Екатерины. Таким образом, он делал и самого Карла пострадавшим от своеволия русского царя.

Мол, сам Алексей перед отцом чист, ничего против него никогда не злоумышлял и всегда добросовестно выполнял его волю. Далее он прямо оговаривает и Петра, и Меншикова, и Екатерину. Рассказывает о жестокости и кровопийстве царя. Утверждает, что Петр и Екатерина ненавидели его покойную жену Шарлотту, цесарскую родственницу, и так же ненавидят ее детей. Эта была откровенная ложь, потому что как раз Алексей больше всех в Петербурге отравлял жизнь своей супруги, которую на дух не выносил, и это свое отношение к ней перенес и на собственных от нее детей. Напротив, Петр с Екатериной всегда той покровительствовали.

Алексей не расставался с мечтой занять русский престол после отца. Бежал не к врагу в Швецию, оставил открытыми двери для будущего возвращения. Отрицал факт собственного добровольного отказа от наследства, хотя он подтверждается его собственным письмом, которое сохранилось. Очевидно, что, прося политического убежища в Вене, он рассчитывал дождаться смерти

Петра и собирался потом предъявить свои претензии на трон.

Были ли планы о грядущей власти просто пустыми мечтами или за действиями царевича стояли какие-то силы внутри страны? Позднейшее следствие по его делу вскрыло огромное количество если не сторонников Алексея, то людей, ему сочувствующих. У Петра, как у любого радикального реформатора, было множество недоброжелателей. Его не любили ни старая московская знать, ни среди простого народа.

Алексею симпатизировала большая часть русского духовенства, включая иерархию. Они все ненавидели Петра I. Стефан Яворский, которого иногда называют несправедливо местоблюстителем патриаршего престола, в 1712 г. произносит проповедь об Алексие, человеке божьем. Это патрональный святой царевича Алексея. И в конце там молитва Алексию, человеку божьему, и в ней говорится о том, чтобы он помог своему тезоименнику, единой надежде России.

Так что если заговора царевича против Петра и не было, то социальная база для него очевидно была. Была могущественная, хотя и не оформившаяся организационно партия, стаявшая за Алексея. Ему было на кого рассчитывать.

Сбежавший сын представлял для Петра реальную опасность. Мы пока не выяснили, плел ли он заговор по смещению с трона Петра, но получили подтверждение тому, что в случае смерти отца он определенно собирался побороться за власть. Для Петра это было неприемлемо. Он считал Алексея непригодным к управлению государством.

Царь послал по следам сына своих агентов. Вскоре он выяснил, что тот скрывается во владениях австрийского императора. Задача возвращения беглеца оказалась предельно сложной. Тягаться с таким могущественным монархом было непросто. Необходим был какой-то неординарный человек для выполнения этой задачи. Им оказался Петр Андреевич Толстой. Пожалуй, он был единственный, на кого царь мог возложить эту миссию.

Петр Андреевич Толстой – государственный деятель и дипломат. Из мелкопоместных дворян. До воцарения Петра выступал на стороне его противников Милославских. Единственный из проигравшей партии сделал карьеру в петровское время. Учился в Италии на моряка. По возвращению отправился посланником в Стамбул, где добился серьезных дипломатических успехов. Абсолютно беспринципный дипломат и политик. В 1718 г. возглавил тайный политический сыск. С воцарением императора Петра II, сына царевича Алексея, в 1727 г. был подвергнут суду, отправлен на Соловки, где и умер

через два года. Основатель графского рода Толстых. Прапрадед Льва Толстого.

В помощь Толстому Петр снарядил другого неординарного человека, гвардейского капитана Александра Ивановича Румянцева. Если Толстой был ушлый дипломат, то Румянцев – настоящий тайный агент, русский Джеймс Бонд начала XVIII в. Кстати, потомки Румянцева прославились в русской истории так же, как и потомки Толстого. Самый известный из них – сын нашего капитана, граф и фельдмаршал Румянцев-Задунайский.

Летом 1717 г. Румянцев с Толстым в Вене. Румянцеву удалось выяснить точное местонахождение царевича, которого к тому времени перевели в Неаполь, недавно перешедший к австрийцам. Теперь очередь Толстого, которому предстоит добиться от императора разрешения действовать, то есть начать операцию по возвращению Алексея.

Задача перед Толстым и Румянцевым, кажется, стоит невыполнимая – уговорить Алексея добровольно вернуться на родину, к отцу, которого он боится и ненавидит.

Но Петр Толстой проявляет весь свой дипломатический талант. Дружеский австрийский двор он просит не вмешиваться в чисто семейную ссору между отцом и сыном.

Царевичу Алексею гарантирует прощение и дает ему письмо от отца: «Сынок, возвращайся, ничего плохого с тобой не случится». Он завербовывает посулами и деньгами Ефросинью, и та начинает уговаривать Алексея послушаться царя. И, в конце концов, Алексей Петрович не выдерживает и отправляется обратно на родину.

До возвращения Алексея на родину речь о заговоре и не шла. Очевидно, что, если бы над царевичем тяготело обвинение в заговоре, никакому Толстому его бы из Неаполя выманить не удалось. Алексей отлично знал нрав своего отца, и знал, как тот поступает с теми, кто посягает на его власть. Дело о заговоре возникнет, как только царевич появится в Москве, пред очами родителя. Было ли это дело искусственно сфабриковано, наподобие сталинских политических процессов, или Алексей представлял собой просто дрянного сына гениального отца?

Итак, Алексей решил вернуться, получив от отца обещание прощения и разрешения жениться на своей любовнице, крепостной девке Ефросинье. 3 февраля 1718 г. он прибывает в Москву. В тот же день официально оформляется его отречение от престола в пользу единокровного брата Петра Петровича. По завершении церемонии Петр во всеуслышание задает вопрос сыну о том, кто были его сообщники, т. е. кто стоял за организацией побега. И тут Алексей совершает роковую ошибку – называет

имена. Так начинается самый громкий политический процесс в русской истории XVIII в.

Уже на следующий день Петр лично составил список вопросов, на которые его сын должен был ответить: о сообщниках, об изменнических разговорах, о тайной переписке с Россией во время побега, о письмах, отправленных из Австрии, об австрийских советчиках. В конце же была угроза, что если царевич что-то в показаниях утаит, то «за сие пардон не в пардон», то есть обещанного прощения не будет.

Слабохарактерный и трусоватый Алексей в панике начинает засыпать следствие именами, сваливая всю вину на собственное окружение, якобы ведшее его своими советами по пути измены. Реальных сообщников во время побега были единицы. Алексей называет десятки – тех, кто, как ему казалось, сочувствует царскому сыну, кто ему давал деньги в долг, с кем говорил на отвлеченные темы. Он идет даже на откровенный оговор, называя имена тех, кто ему где-то когда-то не угодил.

Это была огромная ошибка. Во-первых, создавалось ощущение разветвленного заговора. Во-вторых, появлялись новые арестованные по делу, которые под пытками давали показания против царевича, разрушая его собственную легенду о пассивном участии. Процесс разрастался, и вскоре, наряду с Алексеем, появился второй главный фигурант – его мать, Евдокия Лопухина.

Евдокия Федоровна Лопухина, царица Евдокия – первая жена Петра I. Из небогатого и незнатного дворянского рода. Выбрана в жены Петру его матерью, Натальей Нарышкиной. Отличалась исключительной красотой и недалеким умом. Брак был несчастливым. Петр не испытывал к Евдокии никаких чувств.

По возвращении из заграничного путешествия в 1698 г. Петр настоял на пострижении жены в монахини. В иночестве приняла имя Елены. Помещена в Суздальский Покровский монастырь. После суда над царевичем Алексеем переведена в Успенский Ладожский монастырь фактически на положении арестантки. По воцарении ее внука, императора Петра II, в 1727 г. возвращена в Москву и вновь стала именоваться царицей Евдокией Федоровной. После чего прожила еще четыре года.

Не принимала никакого участия в побеге сына. Следствие по делу Алексея случайно вскрыло ее связь с полковником Глебовым и менее тяжкие нарушения монашеских обетов, а также преступные разговоры с епископом Досифеем. В деле оказалась замешена даже сестра Петра Марья Алексеевна. Наказания были суровые. Следствие искусственно придало делу политический оборот.

Никакого преступления Евдокия Лопухина на самом деле не

совершала. Петр сослал ее в монастырь молодой женщиной, вероятно, и там, может быть, она вступила в связь со Степаном Глебовым, но это не государственное преступление. Степан Глебов мучительно погиб, посаженный на кол. Ростовский митрополит Досифей был лишен сана и казнен, потому что как правящую царицу поминал Евдокию, а не Екатерину.

Во время следствия царевича Алексея спрашивают: «Ты говорил своему духовнику Якову Игнатьеву, что ты ждешь смерти отца?» «Ну, говорил, да, говорил». А Яков Игнатьев ему говорил: «Да какой же это грех? Мы все ждем его смерти, потому что в народе тяготы много».

Допросы показали, что многие действительно надеялись на смерть Петра. Алексей Петрович, если угодно, был со своим народом. Народ испытывал бесконечные тяготы от правления Петра Великого. Население России в его царствование уменьшилось на треть. И в основном все хотели, чтобы это мучение бесконечных войн и реформ наконец закончилось, и можно было хоть немножко пожить спокойно.

Как минимум, дело о заговоре было непомерно раздуто. Это политический процесс, очевидно преследующий какие-то иные цели, помимо выяснения истины. Процессом против Алексея Петр пытался выбить почву из-под ног у оппозиции, противников его реформ, видевших в царевиче символ возвращения к старым порядкам. Недаром в своих показаниях Алексей называл множество имен людей, ведших с ним сочувственные разговоры – это были виднейшие сановники, представители знатнейших родов.

Если бы всех их привлекли к делу, то 1718 г. вошел бы в историю России как первая в стране Большая чистка, а Петр бы выступил как прямой предшественник Сталина. Но Петр, несмотря на упорные сравнения, не был Сталиным. Он умышленно затормозил расследование, не дал бесконечно расширяться кругу обвиняемых.

Верил ли он в реальность заговора или нет – вопрос. То, что он согласился принести сына в жертву интересам государства – факт. В тех же интересах государства он не дал превратиться этому процессу в Большую чистку, как поступил бы Сталин. Это серьезно бы ударило по имиджу страны, поставив ее наравне с восточными деспотиями, а не европейскими государствами. Именно поэтому Петр по завершению процесса организовал суд над царевичем, который и вынес приговор. Сам он как бы отстранялся от решения судьбы сына, хотя имел полное право как абсолютный монарх.

Петр обещал сыну прощение. Грубо нарушить обещание он не

мог. Суд снимал эту проблему. Также суд над царским сыном демонстрировал, что в России есть законы. Кроме того, заставив выносить приговор по этому делу всех государственных сановников, Петр как бы связывал их круговой порукой.

Алексею не дали опомниться. Как только Петр запустил этот процесс, начал организовывать суд, Алексей был переведен в камеру Петропавловской крепости. И вскоре он подвергся пыткам, которые несколько раз повторялись и при которых, как мы уже говорили, порой присутствовал его отец. Это самая жуткая часть нашей истории. Пытки были совершенно не нужны. Дело фактически завершено. Показания собраны. Все виновные казнены. Удивительно и то, что, проявляя на всем протяжении процесса абсолютное безволие, Алексей, пережив ужасные мучения, вышел на суд совсем другим человеком – спокойным, решительным, полным внутренней силы. Он заявил судьям о своем непосредственном участии в заговоре против царя, фактически подписав себе смертный приговор.

Суд вынес смертный приговор, но царевич умер не от рук палача, а в своей камере в Петропавловской крепости. Эта смерть окутана тайной. Скорее всего, его отравили или задушили, потому что допустить публичную казнь царевича Петр не мог. Версии смерти: от последствия пыток либо убийство по приказу Петра. Истину нам установить невозможно.

Итак, никакого «заговора царевича Алексея» не было. Царевич, конечно, рассчитывал пережить отца и вернуться в Россию и взойти на престол. А Петр хотел лишить Алексея Петровича престолонаследия. У Петра родился от Екатерины другой сын, Петр Петрович. И Петр хотел оставить престол ему. Для этого нужно было уничтожить своего старшего сына, Алексея Петровича

Петр Первый

Петербург. Зимний дворец. Январь 1725 г. Умирает величайший в истории России государственный деятель. Умирает мучительно. Страшная агония длится 15 часов. Он кричит так громко, что его стоны слышны за пределами дворца. У постели умирающего его ближайшие сподвижники, руководители созданной им империи, полководцы его армии, супруга, дочери, ближайшие родственники. И каждый из них втайне ждет, когда же Это случится. Каждый больше боится живого царя, чем надеется на его выздоровление. Смерть Петра Великого.

Когда умирает великий правитель, страна оказывается на распутье. Что будет завтра, не знает никто. История вершится на глазах. Империя Александра Македонского распалась сразу после его смерти – мир в одночасье стал другим. Смерть Цезаря неожиданно обернулась окончательной гибелью республики и возникновением Римской империи. Смерть Сталина, напротив, привела к ослаблению государственного гнета и целому ряду либеральных реформ, осуществленных преемниками власти тирана. Эти смерти остаются в памяти современников как величайшие потрясения и требуют осмысления потомками. К числу таких смертей, несомненно, принадлежит и смерть Петра I. Было совершенно неочевидно, что страна дальше пойдет по пути, намеченному великим реформатором.

Петр I – первый император Всероссийский. Родился в Москве в 1672 г. Провозглашен царем в 1682 г. Формально делил власть со своим старшим братом Иваном до смерти последнего в 1696 г. Став единоличным правителем и жестко подавив оппозицию, Петр на рубеже веков начал осуществлять масштабную программу реформ. Создание регулярной армии и флота сопровождалось модернизацией экономики, централизацией власти и насаждением европейских норм поведения среди высшего сословия.

Выиграв длившуюся более 20 лет войну со Швецией и значительно расширив границы страны на запад, Петр в 1721 г. принимает титул императора, Великого и Отца Отечества. В следующем году издает указ, по которому обладает исключительным правом назначать наследника. Скончался на 53 году жизни в Петербурге 29 января 1725 года, не оставив завещания.

Вот это и есть главная загадка смерти Петра. Трудно представить, что его не волновала дальнейшая судьба империи. Тем не менее, он сам создал ситуацию, при которой имя

наследника мог назвать только он, но не сделал этого. Почему? Болезнь поразила его внезапно, и он не успел? До последнего не верил, что умрет? Может, просто не видел достойного преемника – промедлил, и смерть его перехитрила? Множество вопросов.

Мы постараемся выяснить обстоятельства, в том числе и медицинские, смерти Петра Алексеевича. Но главный вопрос в другом. Смерть Петра вызвала цепь дворцовых переворотов, которые продолжались весь XVIII век, вплоть до 1801 г. Почему мудрый властитель, отец империи обрек страну на десятилетия хаоса, не оставив наследника? Логично предположить, что развитие болезни было столь стремительным, что он попросту не успел сделать этого важнейшего распоряжения. Врачи до последнего надеялись его спасти. Сам царь тоже не думал умирать. Когда, наконец, стало понятно, что император обречен, было уже поздно. Петр I не успел назвать своего наследника.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ

О смертельной болезни Петра известно довольно много. Здоровье императора в последние годы жизни было не идеальным и особенно оно ухудшилось за год до смерти. При нем постоянно были врачи. Они обращались за консультациями к своим коллегам за границей. Петр, начиная с 1711 г. раз десять бывал на заграничных и отечественных курортах, пользовался водами. Из писем явствует: после лечения испытывал облегчение в мочеиспускании. Налицо продолжительное лечение, которое не увенчалось успехом. Вопрос в том, отчего лечили?

Версий существует огромное множество. Официальная была – «каменная болезнь». Смерть Петра наступила в результате задержки мочеиспускания, которая может объясняться каменной болезнью, то есть, говоря нынешним языком, камнями в почках. Результатов вскрытия у нас нет, но оно проводилось. Камней обнаружено не было. Следовательно, нужно искать другую причину.

В последующие века медики, историки и беллетристы регулярно выдвигали различные альтернативы. Называли и рак, и отравление, и некий загадочный чирей, и сифилис.

Версия сифилиса в силу своей сенсационности как-то особенно укоренилась в массовом сознании, хотя для историков медицины она представляется наименее правдоподобной.

О сифилисе у Петра впервые сообщил французский посол при русском дворе Кампердон, ссылаясь на лекаря императора итальянца Азарини. Эту версию принимали польский историк и публицист Казимир Валишевский и пламенный большевик, академик Михаил Покровский. Ее разделял и Лев Толстой, написавший о Петре «сдохший от сифилиса зверь». Но ни один из

источников как русского, так и иностранного происхождения не подтверждает донесений Азарини.

В самой этой болезни не было бы ничего удивительного. Петр был охоч до прекрасного пола и в своих заграничных поездках не раз прибегал к услугам «метресс», средства же предохранения в те времена отсутствовали.

С середины 1930-х Петр Великий твердо входит в пантеон героев русско-советской истории. Следовательно, он просто не может, по политическим причинам, страдать «дурной болезнью». Дважды, в 1970 и в 1990 гг. сначала московские, а потом ленинградские врачи проводят посмертную экспертизу и официально заявляют: смерть Петра произошла от уремии – самоотравления организма токсическими продуктами азотистого обмена, чаще мочевиной.

Одной из основных причин возникновения уремии является воспаление мочевыводящих путей. Инфекция через мочеточники попадает в почку и вызывает нарушения в ее работе. При этом очищающая функция органа снижается. Продукты азотистого обмена не выводится из организма с мочой, а обратно попадают в кровь. В больших концентрациях мочевина крови отравляет многие органы и ткани и может привести к смерти больного. По последней версии причиной смерти Петра был уросепсис в сочетании с острой печеночной недостаточностью, осложненной уремией.

Итак, медицина сходится на том, что смерть Петра наступила в результате долгого хронического заболевания – он не сгорел в три дня. Каменная болезнь, о которой говорили тогдашние врачи, проявляла себя в закупорке мочеточников и, как результат, тяжелыми болями при мочеиспускании.

Скорее всего, болезнь предстательной железы и мочевыводящих путей связана была с гонореей, которой Петр заразился во времена Великого посольства. Он вынужден был пользоваться катетерами для облегчения мочеиспускания (они и ныне хранятся в Эрмитаже) – операция мучительная. Длина трубки, вставлявшейся в мочевой канал – сантиметров 40, диаметр – полсантиметра.

Пользование катетером само по себе способно вызвать сепсис предстательной железы, что еще больше осложняло роковую болезнь.

Итак, болезнь смертельная. Но чувствовал ли это Петр? Понимал ли он, что остается все меньше времени для выбора наследника?

Хроника последних месяцев и дней императора позволяет ответить на этот вопрос двояко.

Получается, что у него были возможности подготовить завещание.

Но исторические источники не дают нам оснований предположить, что Петр знал о своей скорой смерти. В то же время Петр привык к тем мучениям, которые причиняла ему болезнь. Врачебные операции приносили ему временное облегчение и дарили надежду. Нет никаких подтверждений тому, что Петр осознавал скорое приближение смерти. До последнего кризиса он вел тот же самый образ жизни, что и в предыдущие годы.

29 октября 1724 г. Петр отправляется за водой в Сестербек (нынешний Сестрорецк) и, встретив по дороге севшую на мель шлюпку, по пояс в воде помогает снимать с нее солдат (впрочем, многие историки опровергают эту лубочную историю, известную нам только от Якова Штелина). Лихорадка и жар заставляют его 2-го ноября вернуться в Петербург, 5-го он сам себя приглашает на свадьбу булочника, 16-го казнит фаворита своей жены Вильгельма Монса, 24-го празднует обручение дочери Анны.

Бурное пьянство возобновляется по случаю выбора нового князя-папы 3-го и 4-го января 1725 г. Петр полностью отстоял на холоде на Неве возле Иордани традиционную рождественскую службу и в результате простыл.

Время оказывается упущенным, а болезнь неисцелимой; 16 января 1725 г. Петр слег. 22-го января воздвигают алтарь возле комнаты больного и причащают его, 26-го «для здравия» выпускают из тюрем колодников, а 28-го января в четверть шестого утра Петр умирает, не успев распорядиться судьбой государства.

Обострение последнего заболевания наступило после рождества, а через десять дней Петр слег. Вплоть до смерти царь был прикован к постели. Конец его был мучительным. Современник записал: от боли он несколько дней непрерывно кричал, и тот крик далеко был слышен; затем, ослабев, глухо стонал. Екатерина во время болезни Петра ни на шаг не отходила от его постели. Скончался Петр, как уже сказано, в ночь на 28 января, в страшных мучениях.

Завещания Петр не оставил. По крайней мере, нам ничего о нем неизвестно. Почему?

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ПРЕСТОЛ ЗАВЕЩАН ЕКАТЕРИНЕ

Необходимо понять, в какой момент для врачей и самого императора стало очевидно, что болезнь смертельна? Действительно ли Петр не успел назначить преемника?

Современники и историки здесь расходятся в показаниях.

Главная проблема: император, вся жизнь которого была

проникнута волевым началом, непрерывно думал о будущем России, о своих наследниках. Правильный выбор в какой-то степени гарантировал, что его дело будет продолжено. Наличие таких гарантий, несомненно, облегчило бы его уход из жизни, но их не было. Умирал он, возможно, мучаясь не только от нестерпимой боли, но и от осознания того, что не на кого оставить государство.

Мы уже упоминали закон о престолонаследии 1722 г. В нашем расследовании эта дата ключевая. Традиционно на Руси власть переходила по мужской нисходящей линии – от отца к сыну, хотя были и исключения. Сам Петр унаследовал власть после смерти старшего бездетного брата, царя Федора Алексеевича, причем долгое время официально делил ее с другим своим братом Иваном, а первые семь лет этого царствования реальная власть принадлежала регентше царевне Софье.

Приятных воспоминаний об этом времени у Петра быть не могло. Сестра Софья пыталась узурпировать власть при помощи стрельцов. Все мы помним про стрелецкие бунты, и особенно про стрелецкие казни. Чтобы ничего подобного после его смерти не повторилось, Петр в 1722 г. издает закон, вводящий новый принцип престолонаследия. Монарх сам при жизни выбирает себе преемника – кого считает наиболее достойным. Это означает, что Петр думал о том, кому передать власть не то что перед смертью, но за три с лишним года до кончины. Этот вопрос имел для него первостепенное значение.

С точки зрения предшествующего законодательства или, скорее, обычая, сложившегося на Руси в допетровское время, по смерти государя ему наследовал старший сын, затем (если сыновей не было), старший брат и, наконец, внук. Своего сына от первого брака Петр уморил в тюрьме, сын от второго брака с Екатериной умер во младенчестве. Наследником становился внук. Появление закона 1722 г. и было связано с необходимостью лишить права на престол великого князя Петра Алексеевича, на тот момент единственного законного наследника. Петр опасался, что его внук не только не продолжит его дела, но и разрушит все то, что было создано ценой неимоверных усилий.

К началу 1722 г. Петр I вчерне закончил построение нового государства – Российской империи. Одержана важнейшая победа в долгой войне. Созданы мощные армия и флот. Возведена новая столица. Проведены различные реформы. И тут силы начинают покидать этого невероятного человека. Он понимает, что все усилия могут оказаться напрасными, если не будет достойного восприемника его власти. Он совершает единственный возможный шаг – принимает закон, по которому сам выбирает

наследника.

Завещание, скорее всего, было составлено, и оно было в пользу старшей дочери, Анны Петровны. Позже Петр изменил свой выбор в пользу жены. Анну решено было выдать за герцога Голштинского, что, в результате, и произошло, а Екатерине передать российскую корону. Более того, этот свой план Петр осуществил уже при жизни. В 1724 г. Екатерина была помазана на царство. Формально она разделила власть со своим мужем. Это верный знак того, что в тот момент Петр видел именно ее своей наследницей. Перед коронацией он, вероятно, уничтожил завещание в пользу дочери.

Екатерина I – императрица Всероссийская, вторая жена Петра I. Урожденная Марта Скавронская. Родилась в 1684 г. в семье ливонского крестьянина. Осиротев в младенчестве, воспитывалась в доме пастора, прислуживая по дому. В 17 лет вышла замуж за шведского драгуна, а вскоре была захвачена русскими войсками в крепости Мариенбург. Как военная добыча досталась графу Шереметеву, от которого перешла к князю Меншикову. От Меншикова Марту забрал Петр и сделал своей любовницей.

В православном крещении приняла имя Екатерины. Отношения с Петром переросли в глубокую взаимную привязанность и увенчались официальным браком в 1712 г. От Екатерины у Петра было двое детей, переживших младенческий возраст – Анна и Елизавета.

Екатерина была коронована в Успенском соборе Московского Кремля 7 мая 1724 г. Скорее всего, сразу было составлено новое завещание на ее имя. То, что его не оказалось в наличии на момент смерти Петра, связано с теми драматическими событиями, которые произошли в императорской семье в ноябре 1724 г.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: ЗАВЕЩАНИЕ В ПОЛЬЗУ ДОЧЕРИ УНИЧТОЖЕНО

Петр уличил жену в измене. Любовником Екатерины оказался Виллим Монс, ее камергер и родной брат бывшей любовницы самого Петра. Уже через неделю после ареста Монс был казнен по официальной версии за взяточничество и махинации. Ярость Петра была столь велика, что он не удовлетворился казнью, но после еще и возил Екатерину любоваться отрубленной головой ее любовника. Вероятно, тогда же он уничтожил завещание. Для Петра измена долго, горячо и все более любимой жены стала тяжелой трагедией.

Тогда у него появился план сделать наследником одного из будущих детей своей старшей дочери Анны. Через две недели

после истории с Монсом подписывается брачный контракт с герцогом Голштинским. В нем есть секретный артикул, по которому дорога к Российскому престолу открывается детям от брака Анны с герцогом. Только ранняя смерть Петра помешала осуществиться этому плану немедленно. Мысль же его была прозорлива. Потомки Анны и герцога Голштинского начиная с Петра III правили Россией до февраля 1917 г.

Существует легенда: перед смертью Петр потребовал себе грифельную доску, на которой слабеющей рукой успел вывести только: «Отдайте все…» и обронил грифель. Вот что пишет об этом голштинский посланник Басевич: «Страшный жар держал его почти в постоянном бреду, наконец, в одну из тех минут, когда смерть перед окончательным ударом дает обыкновенно вздохнуть несколько своей жертве, император пришел в себя и выразил желание писать, но его отяжелевшая рука чертила буквы, которые невозможно было разобрать, и после смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: «Отдайте все…» Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему принцессу Анну, которой хотел диктовать. За ней бегут, она спешит идти, но, когда является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвращались. Какие кошмары мучили его в предсмертной агонии, мы гадать не будем».

Впрочем, голштинцы – сторона заинтересованная, так что запискам Басевича, не имеющим подтверждения в других источниках, вряд ли можно верить.

КАК И ПОЧЕМУ ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА НЕ ВЫПОЛНИЛИ

Когда всем стало ясно, что император умирает, у смертного ложа разыгрался настоящий политический триллер. Внутри властной элиты всегда и везде существуют различные партии. В конце января 1725 г. при петербургском дворе таких партии было две – партия сторонников внука Петра, великого князя Петра Алексеевича, и партия Екатерины.

Партия великого князя – представители старых боярских родов: Долгорукий, Голицын, Репнин, Апраксин, Мусин-Пушкин. За Екатериной – выдвиженцы Петра: безродный Меншиков, такой же безродный кабинет-секретарь, фактически глава аппарата, Алексей Макаров, главный идеолог реформ архиепископ Феофан Прокопович, а также глава тайной канцелярии граф Петр Толстой.

Это разделение на партии многие историки трактовали как противостояние сторонников продолжения реформ и реакционеров, желавших возвращения старых порядков. На самом деле, шла банальная борьба за власть. В тот момент все думали

только о том, как бы обезопасить собственную жизнь, сохранить положение и состояние. Начало XVIII века в России – время не самое вегетарианское. Победители с побежденными могли особо не церемониться. Поэтому действовать нужно было решительно.

Партия Меншикова и его давней приятельницы Екатерины I в начале 1725 г. переживала не лучшие времена. Императрица, обличенная в супружеской измене, находилась в глубокой опале. Казнокраду Меншикову Петр долго прощал мздоимство, но незадолго до смерти и его терпение истощилось, и «полудержавный властелин» оказался под следствием.

В русской истории второй человек в государстве чаще всего проигрывает (вспомним хотя бы Троцкого и Берию). Против очевидного преемника объединяются все. Александр Данилович Меншиков оказался всех решительней. В случае поражения он терял все – огромное богатство, высочайшее положение, а возможно, и жизнь. За ним не стояло влиятельных родственников. Он первым поставил подпись под смертным приговором отцу предполагаемого наследника Петра Алексеевича.

Его ненавидели буквально все за невероятную заносчивость и ту огромную власть, которой он обладал и которую использовал исключительно в своих корыстных целях. Единственной гарантией для Меншикова было воцарение Екатерины. Он его добился. Сразу после смерти Петра он фактически организовал государственный переворот в пользу его вдовы.

Здесь важны, конечно, и качества самой «матушки Екатерины», любимицы гвардейцев, их боевой подруги.

И уже во время болезни императора Меншиков роздал гвардейцам жалование и подготовил план на случай смерти Петра.

Сторонники Екатерины, не имея письменного завещания, требовали ее воцарения на основании якобы высказанного устно желания императора, подтвержденного коронацией 1724 г. И последнее слово сказала гвардия – впервые в русской истории – фактически под угрозой физической расправы вынудив сторонников противной партии подписать спешно составленный манифест.

Ситуация, сложившаяся после смерти Петра – отсутствие легитимного наследника – обернулась первым дворцовым переворотом. Воля Петра выполнена не была. Царь-реформатор, умирая, не смог застраховать дело всей своей жизни – найти достойного преемника своей власти и продолжателя начатых преобразований.

Решающим оказался следующий месяц после смерти Петра. Его похоронили только 10 марта, через 40 с лишним дней после

кончины. По традиции русских царей хоронили в усыпальнице собора Михаила Архангела в Кремле. Раздавалось множество голосов, что именно там нужно похоронить и Петра I. Но первого русского императора похоронили, как мы знаем, в Петропавловской крепости в Петербурге, то есть в новой столице, главном символе тех грандиозных преобразований, которые осуществил Петр. Как бы ни были мелочны наследники власти этого великого правителя, они осуществили важнейший символический акт, похоронив Петра не как царя Московского, а как императора Всероссийского.

Петр Великий не оставил завещания, власть перешла к его жене, с которой он практически разорвал отношения. За Екатериной стоял Александр Данилович Меншиков, которого сам Петр хотел казнить по обвинению в казнокрадстве. Но несмотря на то, что к власти пришли те, кого сам Петр не хотел бы видеть на троне (через два года императором стал Петр Второй), его главное наследство осталось – Российская империя со столицей в Петербурге. Даже нежданная смерть не смогла воспрепятствовать его воле

Павел I

Император Павел I родился в Петербурге в 1754 г. в семье Великого князя Петра Федоровича, будущего Петра III, и Екатерины Алексеевны, будущей Екатерины II. Сразу после рождения взят от родителей императрицей Елизаветой для воспитания в качестве будущего наследника. Смерть Елизаветы в конце 1761 г. возвела на престол отца Павла, императора Петра III, который вскоре был свергнут, а затем и убит. Трон заняла Екатерина II.

Существовавший в России закон о престолонаследии позволял Екатерине надолго или навсегда устранить от управления страной своего сына, которого она откровенно не любила. Только смерть матери в 1796 г. даровала Павлу российский престол.

Царствование длилось четыре с половиной года и было отмечено метаниями во внешней политике, коренной реформой армии и ограничением дворянских свобод. Император Павел I был убит группой заговорщиков в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском дворце в Петербурге.

За четыре с половиной года своего царствования Павел успел сделать довольно много. Проблема в том, как мы оцениваем результаты этого царствования. Есть точка зрения, что Павел был русским Калигулой – тираном и самодуром, и тогда его свержение и убийство – своего рода «революция», закономерная реакция общества на невыносимую тиранию, акт освобождения.

Есть и другая точка зрения. Согласно ей, Павел последовательно проводил в жизнь определенные идеи, направленные на коренные изменения во внутренней и внешней политике России. Эти изменения затрагивали интересы некой влиятельной группы внутри страны, а также меняли политический расклад в Европе.

Павел нажил себе опасных врагов – они и осуществили убийство, которое мы в этом случае обязаны трактовать как политический переворот. Сразу должен сказать, что сильные аргументы есть как у одной, так и у другой версии.

Итак, убийство Павла – либо своеобразная революция, либо дворцовый переворот, либо теракт, организованный из-за границы. В любом случае нам необходимо начать с выяснений обстоятельств того, что случилось в Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.

Ближе к полуночи Михайловский замок был оцеплен войсками – несколько батальонов Преображенского и

Семеновского полков. Во главе – офицеры, вовлеченные в заговор. Две колонны заговорщиков проникают внутрь. Одну возглавляет военный губернатор Петербурга граф Пален. Другую – генерал Беннигсен. Вместе с ним последний фаворит Екатерины Великой Платон Зубов и его брат Николай.

Колонна Беннигсена направляется в покои императора. Преодолев незначительное сопротивление, оказывается в спальне. Павел прячется за ширмой. Его обнаруживают. Заговорщики объявляют о низложении. Происходит перепалка. Затем – драка. Беннигсен и братья Зубовы выходят из комнаты. В это время оставшиеся в покоях несколько пьяных офицеров набросились на Павла. Его буквально забили насмерть: кто-то душил, кто-то наносил удары, кто-то прижимал к полу, лишая сопротивления.

Император был убит группой малоизвестных нетрезвых военных, среди которых не было непосредственных руководителей заговора. Как произошло само убийство? Спонтанно или по заранее выработанному плану? Почему в этот момент и Беннигсен, и Зубовы неожиданно решили удалиться из комнаты по каким-то неотложным делам? Ведь, скорее всего, именно Николай Зубов нанес первый удар – табакеркой в висок, показав пример остальным. Итак, три версии мотивов убийства.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: УНИЧТОЖЕН БЕЗУМНЫЙ ТИРАН

Павел – безумный, не контролирующий свои поступки тиран, в руках которого огромная власть. Его устранение – мера вынужденная и патриотическая – спасение отечества. Эта версия подтверждается множеством мемуарных свидетельств, иллюстрирующих предполагаемое безумие Павла. Именно так объясняли впоследствии свои действия сами заговорщики – Беннигсен и Пален.

Когда мы говорим о русском обществе в применении к той эпохе, мы говорим о дворянстве – единственном свободном сословии. Подданные же – это все 20 миллионов, в основном крестьяне – немая массовка. Голос и возможность демонстрировать политическую волю есть только у дворянства.

С самого начала царствования действия Павла в отношении первенствующего сословия воспринимались очень многими как бессмысленные и вредные проявления опасного сумасшествия.

Придя к власти, Павел принимает целый ряд мер, ограничивающих дворянские привилегии. Объявлен полный смотр офицерскому составу армейских и гвардейских полков. Не явившихся – тысячи. Кто-то был записан при рождении, чтобы к совершеннолетию получить офицерский чин. Кто-то занимал важные государственные должности, числясь в гвардии, где легко было дослужиться до высших чинов. Кто-то банально был болен.

Все не явившиеся уволены.

Появляется множество не служащих дворян. Особым указом их ограничивают в правах, запрещая занимать выборные должности. Другим указом обязуют вступать на реальную военную службу, причем предельно усложняют переход в гражданскую. Вводится дополнительный дворянский налог. Особым манифестом ограничивается время барщины.

Павел не только отчислил из гвардии сотни родовитых дворян, но и поставил в невыносимые условия оставшихся. Принят непривычный прусский устав. Гвардейцы переодеты в крайне неудобную, некрасивую и откровенно старомодную форму. Они кажутся в ней посмешищем сами себе.

Форма предполагает еще особую сложную прическу и кучу пудры. Привычная к роскоши золотая молодежь расхаживает по столице в каком-то клоунском наряде. Не так расчесался – на гауптвахту.

В 1782 г. Павел получает в подарок от матери имение Гатчина. Гатчина – столица в миниатюре. Там малый двор. Малые дворцовые праздники. Малые войска – небольшие отряды, изображающие гвардейские полки. Гатчинцы – это те, кому нет места в настоящей гвардии, младшие офицеры из бедных и неродовитых семей. Огромное количество малороссов. «Дух Гатчины» в петербургских дворцах и особняках ненавидят.

Гатчинские войска копируют прусскую армию – с ее железной дисциплиной, фрунтом и парадностью. Гвардейцы обучаются премудростям прусской шагистики – у Павла страсть к вахтпарадам. Ничего не получается. Гвардию наполняют в качестве инструкторов гатчинцы, которые все это умеют и знают.

Гатчинцы занимают видное место в военной иерархии. На них возложена реализация реформы, которая была воспринята большинством офицерского состава как унижение, а гатчинцы заслужили всеобщую ненависть. Из 182 офицеров, служивших в аристократическом лейб-гвардии конном полку к концу царствования в строю осталось всего трое. Гвардия унижена, а это, зная русскую историю – вещь крайне опасная.

Своими действиями царь настраивал против себя дворянство в принципе. Но даже не это самое главное. Он решительно вступил в конфликт со столичным дворянством – с влиятельными семьями, формировавшими общественное мнение. В опалу мог попасть любой.

Опала – это увольнение с хорошей должности и высылка, как правило, в деревню. Таких были десятки, если не сотни. Ссылке подвергались целые семьи. За семьями стоят кланы, связанные родством, свойством, общей службой, взаимными услугами.

Павел наживал себе врагов пачками.

Главное, что никто не знал, кто будет следующим. Люди солидные, влиятельные дрожали за свое будущее, и склонны были видеть в действиях императора безумие. Царь сделал невыносимой жизнь очень многих людей – тех, кто при Екатерине привык к тому, что их частная жизнь – территория абсолютной свободы. Павел постоянно в эту частную жизнь грубо вмешивался.

Павел ввел строгую регламентацию одежды – пресловутые круглые шляпы, фраки, жилеты и некоторые другими детали гардероба строго запрещены. То есть поставили вне закона все то, что тогда как раз и носили. Представляете, вам объявляют однажды, что вся одежда в вашем гардеробе отныне запрещена законом, за нарушение которого можно попасть в кутузку.

Мы уже знаем о том, как Павел вынуждал законодательными мерами вступать в военную службу. Тоже, знаете, радости мало – отправляйся в армию или живи на правах, грубо говоря, условно освобожденного.

Павел запретил ввоз в Россию всех новых иностранных книг, включая сборники нот, опасаясь, как бы чего из революционной Франции не проникло. Требовал, чтобы любая карета, встретившаяся у него на пути, останавливалась, а пассажиры выходили его приветствовать. Нужно заметить, что Павел, став царем, стал еще и невероятно подвижен – по несколько раз на дню выезжал из дворца и колесил по городу, как будто специально проверяя, соблюдается ли его указ о выходе из карет.

Кроме того, столицу наводнили сотни полицейских, следивших за соблюдением всех этих странных нововведений. Одним словом, куча каких-то странных законов, цель которых – ограничить личные свободы дворян. Читайте, что положено. Пойте, что положено. Надевайте, что положено. А лучше – отправляйтесь в армию и сутками отрабатывайте навыки хождения в строю.

Павел I запретил выезд молодых людей за границу на учебу, закрыты частные типографии. Устанавливалось время, когда в домах полагалось тушить огни. Некоторые слова русского языка изымались из официального употребления и заменялись на другие. Вместо «гражданина» и «отечество» – «обыватель» и «государство»; слово «отряд» менялось на «деташемент» или «команда», «выполнить» на «исполнить», а «врач» на «лекарь».

Одною из мер, которой Павел считал возможным закончить европейскую войну, стало предложение решать конфликты поединками государей. Об этом он приказал напечатать в газетах заявление: «Нас извещают из Петербурга, что русский император, видя, что европейские державы не могут согласиться между

собою, и желая положить конец войне, уже одиннадцать лет терзающей Европу, намерен предложить место, в которое он пригласит всех прочих государей прибыть – и сразиться между собою на поединке, имея при себе в качестве приспешников судей поединка и герольдов самых просвещенных своих министров и искуснейших генералов, как гг. Тугута, Питта, Бернсторфа; причем он сам намерен взять с собою генералов Палена и Кутузова».

Н. М. Карамзин: «По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных претерпленных им неудовольствий, он хотел быть Иоанном IV, но россияне уже имели Екатерину, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности… Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества; к неизъяснимому удивлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом…». Я. И. де Санглен: «Он явился после Екатерины, после века снисходительности, милосердия, счастья и получил титул тирана».

«Царствование Павла, – писал Пушкин, – доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы». Можно сказать, что, ограничив дворянские свободы, постоянно вмешиваясь в личную жизнь дворян, карая опалой представителей знатных родов, Павел создал невыносимые условия существования для целого сословия. Он восстановил против себя множество людей и стал жертвой жестокого, но справедливого самосуда.

Мы рассмотрели первую версию смерти императора Павла I. Согласно ей, Павел был убит в результате своеобразного кровавого гвардейского бунта. Павел стал жертвой мести. Он оскорбил слишком много влиятельных, гордых и жестоких противников. Убийство, напоминающее пьяную разборку, и, в то же время, спонтанный бунт аристократов.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ДВОРЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Смерть Павла I необычайно напоминает кончину его отца – Петра III. Убитый по приказанию супруги, Екатерины II, матери будущего Павла I, он после смерти был выставлен своими убийцами ничтожным идиотом, исторической случайностью, устраненной патриотами родины. Между тем, посмертное обвинение жертвы во всех грехах, обеляющее преступников – в русских исторических нравах. Николай II становится «Николаем кровавым», Александр Керенский – «Главноуговаривающим», Лев Троцкий – «Иудушкой Троцким» и т. д.

Однако, обладая холерическим темпераментом и некоторыми несомненными странностями, Павел действовал, тем ни менее, согласно заранее выдуманному плану, подчиняясь ясной

идеологии.

Его политика понятна как естественная реакция на царствование Екатерины II.

«Времена Очакова и покоренья Крыма» были наполнены несправедливостью, ханжеством и воровством. Недаром их так не любили Александр Пушкин и Александр Грибоедов.

«Никогда еще преступления не были так наглы, как ныне, – писал в годы екатерининского царствования Федор Ростопчин графу Семену Воронцову. – Безнаказанность и дерзость дошли до крайнего предела. Один Рибас ворует более 500 тысяч рублей в год». «Государственная сволочь» (по выражению К. Масона) манкировала службой. В Сенате скопилось до 12 тысяч неразобранных дел.

Из 400-тысячного списочного состава в армии не хватало до 50 тыс. солдат, а их содержание шло на расходы полковых командиров; при численности мушкетерского полка в 1726 человек на плац редко выводилось более 800; 75 % офицерского корпуса существовало лишь на бумаге. Всюду «радели родному человечку». Представление к очередному чину происходило исключительно по протекции.

Дезертирство стало массовым явлением. Только в шведской армии на службе находилось 2 тысячи русских перебежчиков.

В Петербурге служили и получали жалование сотни офицеров без определенной должности; в полках ротами командовали прапорщики. Армейские боевые офицеры по 15 лет служили в одном чине, а им в качестве командиров навязывали неучей-гвардейцев, переходивших в армейские полки с двойным повышением в чине.

Срок службы одного ружья доходил до 40 лет; флот вооружен пушками петровского литья.

Страной правили ничтожные фавориты. Дубровские были в загоне, властвовали Троекуровы. Словом, как писал об императрице Пушкин: «Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивления потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Со временем История оценит влияние ее

царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».

Испытавший все несправедливости царствования своей матери, Павел стремился побороть коррупцию и придать стране новый импульс к развитию.

Он отменил петровский указ о назначении самим императором своего преемника на престоле и издал новый указ о престолонаследии, прекративший дворцовые перевороты (хотя сам Павел был убит, его сменил законный наследник).

Павел восстановил петровскую систему коллегий, уменьшил государственные расходы. Павел подтянул армию и гвардию, искоренил фаворитизм. В его царствование русская армия под предводительством Александра Суворова разбила сильнейшую тогда в Европе французскую армию в Итальянском и Швейцарском походах. Люди, выдвинутые Павлом: Федор Ростопчин, Алексей Аракчеев, Семен Воронцов, Александр и Христофор Бенкендорфы оставались видными государственными деятелями и после убийства государя.

Значит, дело не только и не столько в личности Павла, дело в его политике. И действительно, к весне 1801 г. в обществе существовал запрос по крайней мере на две альтернативы правлению Павла.

Осенью 1799 г. в Петербург приезжает из Берлина блестящий молодой дипломат Никита Петрович Панин, племянник и тезка воспитателя Павла I. Панин тут же становится вице-президентом Коллегии иностранных дел. По словам современника: «В молодости своей имеет приличное зрелому веку прилежание к работе и к порядку, довольно знания и смысла и пером владеет изрядно. Благородная амбиция и негибкость духа суть в нем господствующие качества».

Никита Петрович Панин – сторонник политического строя, который позже был идеалом и для Пушкина, и для Вяземского, и для многих умеренных декабристов. Он желал «лордства», т. е. конституционной монархии на манер английской. При этом императорская власть должна быть ограничена законодательной палатой, выбранной родовитым и просвещенным дворянством.

Вначале принятый императором с восторгом и обласканный им, Панин довольно быстро разочаровывается в государе:

суровый деспотизм, который торжествует при Павле, ему не по душе. Да и император не доволен племянником своего любимого наставника: он просит передать, чтобы тот не забывался «и что он не что иное, как инструмент».

Панин в свою очередь пишет приятелю: «Я погибаю. Мы здесь как рабы на галерах. Я стараюсь держаться против течения, но силы мне изменяют, и стремительный поток, вероятно, скоро унесет меня в какую-нибудь отдаленную деревню».

С лета 1799 г. Никита Петрович Панин начинает готовить почву для государственного переворота. Речь идет прежде всего не о личностях, а о системе. Павел объявляется недееспособным, но остается живым, здоровым и даже формально остается императором. Его права и обязанности отходят к регенту – великому князю Александру Павловичу, будущему Александру I. Тот обладает примерно теми же функциями, что и президент в США. Создается парламент, который формирует кабинет министров.

Как писал один из будущих убийц Павла генерал Леонтий Бенигсен: «Принято было решение овладеть особой императора и увезти его в такое место, где он мог бы находиться под надлежащим надзором и где бы он был лишен возможности делать зло».

Именно вокруг Панина формируется ядро заговора. Именно Панин инициирует начало переговоров с наследником, либеральным Александром Павловичем (будущим Александром I). Тот в целом согласен с конструкцией Панина, не желает активно участвовать в самом заговоре, но согласен с целью и готов воспользоваться плодами.

С самого начала Павлова царствования именно вокруг Александра группируются все недовольные. Александр – воспитанник и любимец покойной Екатерины, а после того, как Павел принял закон о престолонаследии, по которому власть передается непременно старшему сыну, Александр превратился в единственного легального наследника. Заговорщики без Александра обойтись просто не могли. Наследник – известный либерал и гуманист: он готов на ограничение собственной власти, если станет государем.

Однако Никита Панин уже в ноябре 1800 г. окончательно попал в опалу. Его лишают должности и отправляют в Москву. Это в корне меняет последующие, упрощает и огрубляет их характер.

Руководство заговором переходит в руки графа Петра Палена, завербованного Паниным. Граф Петр Алексеевич Пален, генерал от кавалерии, герой русско-турецких войск. Способствовал

присоединению к Российской империи Курляндии, нынешней Латвии, где и занял генерал-губернаторский пост на исходе екатерининского царствования.

С восшествием на престол Павла попал в опалу и был отправлен в отставку. Опала длилась недолго. Уже летом 1798 г. вызван в Петербург, приближен к императору и назначен на ряд должностей, в том числе военного губернатора столицы. Путем умелых интриг сосредотачивает в своих руках огромную власть. В марте 1801 г. – фактически второе лицо в государстве.

Энергичному генералу потребуется менее четырех месяцев, чтобы осуществить план переворота, задуманный Паниным. Заручившись пассивной поддержкой наследника, Пален, занимая ключевую должность петербургского генерал-губернатора, завербовал в ряды заговорщиков примерно 100 участников, прежде всего генералов и офицеров гвардии.

«Я обязан в интересах правды сказать, – говорил через много лет Пален, – что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца; я дал ему слово. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена, то произойдет страшнейшая реакция и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обагрит и столицу, и губернию».

Предполагается, что так же как Александр Павлович, было настроено большинство заговорщиков, которым было страшно поднять руку на монаршую особу, а организаторы заговора с самого начала планировали кровавую развязку.

Самый сильный ход Пален сделал в конце октября 1800 г., когда, пользуясь всецелым расположением к нему Павла, добился от императора амнистии всем тем, кто был отставлен от службы после прихода Павла к власти. Таких людей были тысячи. Согласно указу, они были обязаны вернуться в Петербург и подавать императору на рассмотрение каждый свое дело в индивидуальном порядке.

В первую очередь Пален добился возвращения братьев Зубовых, чрезвычайно влиятельных в столичном обществе и лично ненавидевших Павла. Вслед за ними он организует возвращение 55-летнего генерала Беннигсена, на личную храбрость которого он в первую очередь рассчитывает в осуществлении намеченного. К концу года в Петербурге собрались все главные участники событий 11 марта. Пролог закончен. Начинается сама пьеса.

Заговорщики вербуют сторонников. Кольцо вокруг Павла

сужается. В конце февраля 1801 г. Пален добивается отставки Федора Ростопчина, главы Иностранной коллегии и правой руки Павла. Именно с этого времени Пален – второе лицо в государстве.

Ростопчин был единственным, кто всерьез мог помешать заговорщикам – умный, волевой и явно что-то подозревавший. Немаловажно, что Пален вошел хитростью и подкупом в доверие к графу Кутайсову, человеку лично наиболее близкому к Павлу. Это бывший пленный турчонок, выросший при дворе вместе с Павлом, его камердинер и брадобрей, возведенный впоследствии в графское достоинство. Палену кажется, что он предусмотрел все, но, тем не менее, 9 марта (то есть за два дня) император вызывает его к себе и объявляет, что знает про заговор и про его участие в нем.

Любой другой с той аудиенции отправился бы прямиком в Петропавловскую крепость, но только не граф Петр Алексеевич. Разоблаченный Пален, не моргнув глазом, заявляет императору, что, конечно, он состоит в заговоре, потому что как иначе он сможет его раскрыть? Это, можно сказать, его прямой профессиональный долг – состоять в заговоре, потому что именно Пален стоит на страже священной особы венценосца.

Павел не то чтобы оказался наивным простаком. Подозрения у него остались. И он предпринял определенные шаги. Вызвал в Петербург несколько лично ему преданных людей, находящихся в опале, в том числе знаменитого Аракчеева. В день же своей смерти он заставил всю свою семью принять какую-то присягу, вероятно, присягали на неучастие в заговоре.

Павел подозревал и старших сыновей, и собственную жену в возможном участии. Тем не менее, Пален и здесь его переиграл. В оставшиеся два дня он сумел окончательно все подготовить и осуществить задуманное.

Посвященных слишком много: у Палена не остается другого выхода, как действовать молниеносно. Он тут же отправляется к наследнику Александру. Требует от него решительного согласия. Все предыдущие разговоры не отличались конкретностью, и, возможно, Александр до последнего сомневался. Пален настаивает на осуществлении намеченного 10 марта, то есть на следующий день. Разумный Александр предлагает отсрочить до 11 марта, когда в охране Михайловского замка будут стоять семеновцы, полк ему лично преданный. Рубикон пройден, назначена дата – 11 марта.

Переворот, задуманный как дворянская революция с широкой политической программой, превращается в отвратительное убийство, которое Пушкин опишет так:

«…в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.
Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной…
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары…
Погиб увенчанный злодей».

Итак, политическое движение, стремившееся к мирному изменению государственного строя, волею судеб обернулось очередным дворцовым переворотом. Пьяные ненавистники Павла из числа гвардейских офицеров в последний момент оказались эффективнее просвещенных реформаторов. Дворянская революция, обернувшаяся цареубийством.

Впрочем, есть и еще одно объяснение этой истории.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: АНГЛИЙСКИЕ ДЕНЬГИ

Во внешней политике Павел также был крайне оригинален. Его короткое правление выпало на очень бурное время – начало наполеоновских войн. Перекраивалась карта Европы, да и не только Европы.

Россия к концу XVIII века – мощная военная держава. Ее внешняя политика – во многом определяющая для континента. Есть вполне убедительная версия, что за убийством Павла стояло иностранное государство, и цель этого убийства была в изменении внешней политики России.

В 1798 г. Россия входит в военную антинаполеоновскую коалицию вместе с Англией и Австрией. Эскадра адмирала Ушакова громит французов в Средиземном море и на Адриатике. Суворов совершает блестящий итальянский поход.

Но успехи русского оружия не приносят стране никаких дивидендов. Освобожденную от французов Мальту занимают англичане. Северную Италию оккупируют австрийцы.

Павел решает выйти из коалиции и начинает вести переговоры с Наполеоном о совместных действиях против бывших союзников. Мир с Францией. Подготовка к войне с Англией на всех фронтах – от Балтийского моря до Индии. На стороне России северные соседи: Пруссия, Швеция, Дания. На южном фронте планируются совместные действия с Францией. Согласно этому

плану, в январе 1801 г. 30 тысяч донских казаков получают приказ идти в Индию для войны с англичанами.

Все эти действия Павла нам сегодня кажутся бредом, потому что мы знаем, как развивалась дальнейшая история. Никакой русской Индии, война 1812 г., союзные войска входят в Париж. На самом деле ничего этого могло и не быть, если бы 11 марта 1801 г. Павел не был бы убит. Была бы война России в союзе с Францией против Англии и Австрии. Кто бы вышел победителем, неизвестно, но Европа стала бы совсем другой.

Политика Павла в конце царствования представляла серьезную опасность для Англии, и возможно, именно Англия стояла за его убийством.

У британской дипломатии были в России серьезные союзники: российское дворянство. Британия была главным внешнеэкономическим партнером России. В порты Англии на британских кораблях шли русские пенька, поташ, древесина, солонина, полотно, чугун. А обратно в русские порты – машины, ткани, колониальные товары. Война с англичанами означала колоссальные убытки для русских помещиков. Прекращение всякого ввоза и вывоза, не только из Англии. «Владычица морей» наверняка подвергла бы российские порты полной блокаде.

Англичане издавна умели заводить в разных странах «агентов влияния». Никита Панин, инициатор заговора, страстный англоман. Опала Панина по времени близко совпадает с развалом коалиции Англии и России и с высылкой из страны английского посланника лорда Витворта. Чем обычно объясняется высылка дипломата, все мы хорошо знаем.

Заговор окончательно оформился в ноябре 1800 г., когда руководство в свои руки взял граф Пален. Что в это время происходит в англо-российских отношениях? 22 ноября Россия объявляет о полном торговом эмбарго Англии. В портах арестованы около трехсот английских кораблей. Приостановлены все выплаты по осуществленным торговым операциям. Полный запрет на продажу в России английских товаров.

С начала 1801 г. Россия начинает полномасштабную подготовку к войне. Параллельно Пален бросает все силы на дискредитацию Федора Ростопчина, на тот момент второго человека в государстве. Этот факт можно расценивать как попытку Палена устранить с пути возможное препятствие к осуществлению заговора. После смещения Ростопчина именно Пален занял его место. Но не стоит забывать и то, что именно Ростопчин был главным сторонником союза с Францией.

20 февраля Ростопчин отставлен, но это никак не влияет на ход событий. Россия по-прежнему готовится к войне, а Павел

продолжает контакты с Наполеоном. Донские казаки движутся по направлению к Индии. Чуть больше, чем через две недели, Пален говорит наследнику Александру, что готов совершить переворот в его пользу уже на следующий день.

Главным английским агентом в России современники и историки считают Ольгу Жеребцову, любовницу английского посла в России лорда Витворта и сестру Николая, Дмитрия, Платона и Валериана Зубовых. Платон Зубов – последний екатерининский фаворит, и его братья ненавидели Павла лютой ненавистью.

Жеребцова – женщина необычайной красоты и любвеобильности; среди ее любовников были и сам Павел (в бытность его цесаревичем), и английский король Георг III. О тесной связи Никиты Панина, инициатора заговора, Ольги Жеребцовой и лорда Витворта в Петербурге хорошо знали – об этом есть мемуарные свидетельства.

Князь Петр Лопухин вспоминал: «Витворт через посредство О. А. Жеребцовой был в сношениях с заговорщиками; в ее доме происходили сборища, через ее руки должна была пройти сумма, назначенная за убийство или по меньшей мере за отстранение императора Павла от престола… За несколько дней до 11 марта Жеребцова нашла более безопасным для себя уехать за границу и в Берлине ожидала исхода событий… Как только известие о кончине императора Павла дошло до Берлина, Жеребцова отправилась дальше, в Лондон. Там она получила от английского правительства сумму, соответствовавшую 2 млн руб. Эти деньги должны были быть распределены между заговорщиками, в особенности между теми, которые принимали участие в убийстве. Но Жеребцова предпочла удержать всю сумму за собою, будучи уверена, что никто не отважится требовать заслуженного вознаграждения».

Заговорщики по всеобщему мнению финансировались именно Англией. Косвенное тому подтверждение – неожиданно крупные суммы, которыми они ворочали во время подготовки заговора. Например, есть сведения, что за содействие в возвращении в Петербург Зубовых Пален дал на лапу Кутайсову 200 тысяч – это огромная сумма. Такие субсидии были очень в духе тогдашнего премьер-министра Англии Вильяма Питта.

Итог: есть странного происхождения деньги, есть женщина, есть высланный посол и отставленный от должности крупный МИДовский чиновник Панин, стопроцентный англоман. И, главное – полное совпадение интересов Англии и той группы, которая составляла ядро заговора (кстати, первое, что сделал Александр I в качестве главы государства, это остановил почти

начавшуюся войну с Англией).

Итак, три версии: спонтанное убийство, попытка политической революции, переворот, инспирированный извне. Думается, что все три примиряет очень разумное предположение историка Натана Эйдельмана: в заговоре против Павла переплелось все – и ненависть дворянства, и личные амбиции заговорщиков, и происки английских спецслужб. В заговор было вовлечено на последнем этапе огромное количество людей, и, скорее всего, большинство из них в последнюю очередь думало об интересе Англии или запрещенных круглых шляпах. История всегда сложней любой схемы.

Александр Радищев

Александр Радищев – выходец из знатного дворянского рода. Образование получил в Пажеском корпусе и Лейпцигском университете. Служил в Петербурге, делал блестящую карьеру. Человек строгих принципов и большой оригинал. В бытность директором Петербургской таможни он никогда не брал взяток – единственный случай в истории этого заведения. После его смерти, работавшие в Петербурге английские купцы даже предлагали сыновьям Радищева полностью оплатить долги покойного – так были поражены бессеребреничеством писателя, с которым сталкивались по делам в течение 12 лет.

В 1790 году сорока лет в собственной домашней типографии напечатал «Путешествие из Петербурга в Москву» – книгу, в которой невероятно резко критиковал политическое и общественное устройство русского государства. Подвергнут суду. Приговорен к смерти. Помилован Екатериной II. С лишением чинов и наград сослан в Сибирь. Из Сибири возвращен через шесть лет Павлом I. Еще через пять – окончательно помилован императором Александром. Привлечен в Комиссию по составлению законов. Скончался через год, в ночь с 11 на 12 сентября 1802 г., от отравления.

Смерть Радищева подробно описана ее очевидцем и первым биографом писателя, его сыном Павлом Радищевым. Утром 11 сентября Александр Радищев, находясь у себя дома, приняв лекарство (какое-то успокоительное), неожиданно схватил стакан так называемой «царской» или «крепкой» водки и выпил.

Царская водка – смесь концентрированных кислот: соляной и азотной в соотношении 1 к 3; жидкость желтого цвета, с запахом хлора и окислов азота. В Европе ее называют королевской водой – «аква регия». Русское название «царская водка» происходит от способности вещества растворять царский металл – золото. Крайне опасна для человека. Относится к группе прижигающих ядов. Самый уязвимый орган – желудок. Отравление сопровождается острой «кинжальной» болью вплоть до потери сознания и смертельного травматического шока. Яд действует на слизистую оболочку и изменяет ее структуру. Наиболее частое осложнение – нарушение целостности стенки желудка. В этом случае страдают соседние органы, и развивается перитонит.

Под рукой у Радищева царская водка оказалась случайно: старший сын писателя, офицер, чистил ею мишуру на поношенных эполетах. Так вот, выпив царскую водку, Радищев обезумел от боли и пытался перерезать себе бритвой горло.

Сыновья его обезоружили. Вызвали священника. Радищев исповедовался. Приехал императорский лейб-медик Яков Виллье, который пытался остановить действие яда какими-то микстурами. Тщетно. Приехал другой придворный медик и констатировал, что помочь нечем. В полпервого ночи в страшных мучениях Радищев умер.

Описание Павла Радищева сомнению никто до сих пор не подвергал. Нет никаких оснований хоть в чем-то не доверять сыну писателя. Загадка в другом. Вот уже полтора столетия ведутся споры о причинах, побудивших Радищева выпить стакан этой адской смеси. На этот счет существуют три версии, за каждой из которых множество сторонников с очень громкими именами. Спор этот начал, как ни удивительно, Александр Пушкин. Фактически, он автор одной из этих трех версий.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: ИМПУЛЬСИВНОЕ САМОУБИЙСТВО

Пушкинская версия была озвучена в 1857 г., через 20 лет после смерти Александра Сергеевича и через 55 после смерти самого Радищева. Вышел 7-й том первого научного, относительно полного собрания сочинений Пушкина, изданного Павлом Анненковым. В этом томе впервые была опубликована написанная еще в 1836 г., но не пропущенная тогда цензурой статья Пушкина «Александр Радищев». К середине XIX века Радищев – уже фактически забытый автор. Биографических сведений о нем в печати не появлялось. Бунтарская его книга, само собой, не переиздавалась. Публикация статьи Пушкина напомнила русской публике о том, что такой писатель вообще был.

Статья едкая. Поздний Пушкин политических взглядов Радищева совершенно не разделял, «…преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего. Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха – а какого успеха может он ожидать? – он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а "Путешествие в Москву" весьма посредственною книгою; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося

конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостию».

О смерти Радищева Пушкин сообщает следующее. Работая в Комиссии по составлению законов, Радищев предложил начальству излишне революционный проект в духе своего «Путешествия». За неуместную инициативу получил шутливый упрек от начальника, графа Завадовского: «Мало тебе было что ли Сибири?» Увидев в шутке реальную угрозу, Радищев вернулся домой и отравился. По современной психиатрической классификации версия Пушкина – автоматическое или импульсивное самоубийство: «Конец, им давно предвиденный и который он сам себе напророчил!»

Импульсивное самоубийство – результат мгновенного решения. Его может спровоцировать вид какого-то предмета, пригодного для самоубийства – ножа или того же стакана ядовитого вещества. На такое самоубийство идут люди не совсем психически уравновешенные. Чтобы утверждать, что Радищев принадлежит именно к этому типу самоубийц, необходимо глубже разобраться в его психическом складе.

Самый неадекватный поступок Радищева, помимо выпитого стакана кислоты, – это, собственно, его главная книга. Пушкин прямо называет издание «Путешествия из Петербурга в Москву» «действием сумасшедшего». Практической пользы – никакой. В конце XVIII века в России даже самая блестяще написанная революционная книга не вела ни к чему, кроме уголовного преследования автора. Образованное сословие в большинстве своем по-русски ничего не читает. Читают по-французски. Какого-то революционного подполья в стране нет и быть не может. То, что в России народ плохо живет – не новость, в том числе и для самой Екатерины. Издание книги – поступок бессмысленный и самоубийственный.

Но когда, вслед за Пушкиным, говорят об издании книги как о самоубийственном поступке сумасшедшего – это определенная метафора. В остальном Радищев был вполне нормален: последователен, практичен и благоразумен. Карьера блестящая – до ареста. В ссылке тоже никак не чудит. Только перед самой смертью, по словам сына, из-за неприятностей с Петром Завадовским и общих служебных неудач впал в уныние.

Он действительно говорил детям, что боится вновь оказаться в Сибири. Его грызли какие-то страхи. Чудовищная ипохондрия. Лечение не помогало. Тем не менее, он сам понимал, что с ним что-то не так. Обратился к врачу по собственной инициативе. Добросовестно принимал лекарства, в том числе и перед тем как хлебнуть стакан кислоты. Но беспокойство не проходило. Все

завершилось неожиданным отравлением случайно попавшей на глаза царской водкой.

Итак, по Пушкину, Радищев предложил Завадовскому какой-то революционный проект (речь идет о проекте Гражданского уложения), тот пошутил про Сибирь, после чего писатель вернулся домой и в сердцах отравился.

В этой версии самый принципиальный момент – боязнь вновь оказаться в Сибири. Григорий Чхартишвили (больше известный как Борис Акунин) в своей книге про писателей-самоубийц относит случай Радищева к так называемому лагерному синдрому – это когда бывшие узники совершают самоубийство из боязни повторения того, что с ними было. Такое очень часто можно наблюдать в XX веке на примере бывших узников немецких и советских лагерей.

Но эта версия многих не устраивала и не устраивает до сих пор, несмотря на весь авторитет Пушкина. Чтобы принять ее, необходимо согласиться с тем, что, как минимум, перед смертью Радищев не был до конца адекватен. Следуя рассказу Пушкина, мы обнаруживаем в действиях Радищева малодушие: его кончина – эдакая смерть чиновника. Странно: издавая «Путешествие», Александр Николаевич напротив проявил редкостное, хотя и безрассудное мужество.

Первым на публикацию статьи Пушкина ответил Павел Радищев в специальных «Замечаниях». Он последовательно разбирает очерк, опровергая разные биографические неточности, и попутно защищает отца от критических пушкинских стрел. Комментируя пушкинское описание смерти писателя, Павел Николаевич замечает: «О смерти Радищева Пушкин пишет совсем не то, не знавши достоверно, как она происходила». Возразить трудно. Компетенция в этом вопросе у Павла Радищева выше. Пушкин опирался в основном на слухи и предания, а его оппонент видел все сам.

По словам Павла Радищева, оснований опасаться повторной ссылки у его отца не было. Самое начало Александрова царствования. Молодой император всерьез думает о либеральных реформах. Он и Радищева призвал к правительственной деятельности как фигуру знаковую, легендарного либерала. Его назначение в Комиссию по составлению законов – важный символический акт. Большая часть задуманных реформ так и останется в проектах, но об этом знаем мы сейчас, а тогда этого не знал и сам Александр.

Император не стал бы ссылать Радищева даже за самые отчаянные проекты, это не в его обыкновениях. К тому же, главный покровитель Радищева при дворе, граф Александр

Воронцов – непосредственный начальник графа Петра Завадовского, государственный канцлер и собственно глава Комиссии. Скорее всего, бывший екатерининский фаворит Завадовский неуместно пошутил. Оснований опасаться за свою судьбу у Радищева не было. Но оскорбиться он мог.

Согласно версии Павла Радищева, проект был составлен, но не подан. Завадовский был раздражен Радищевым всерьез, но не за конкретный проект, а за общее направление мыслей, и грозил ему неприятностями, упоминая Сибирь. То есть были реальные угрозы, а не только тонкий начальственный юмор. Дальше – самое серьезное расхождение. По словам сына, то ли разговор с Завадовским, то ли какие-то другие причины повергли Радищева в уныние. Он впал в тяжелейшую депрессию, которая, усиливаясь, приобрела характер душевного расстройства.

В этом состоянии он и хватанул стакан кислоты. Итак, самоубийство не было бессмысленным. Спонтанным, но и закономерным.

И Пушкин, и Павел Радищев, по большому счету, – сторонники одной и той же версии. Просто, согласно Пушкину, решение о самоубийстве Радищев принял без особых причин.

А Павел Радищев считает: самоубийство отца – результат душевного расстройства, тяжелейшей депрессии и оскорбительного обращения Завадовского.

Статья Пушкина сделала Радищева вновь актуальным, да и время подходящее: конец 50-х – начало 60-х – зарождение эпохи огромных перемен в русской общественной и политической жизни. Скоро Радищев станет для русской интеллигенции очень важной фигурой. Его смерть будет интересовать уже не только членов семьи. Тогда и появится вторая версия смерти Александра Радищева.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ФИЛОСОФСКОЕ САМОУБИЙСТВО

Вторую версию самоубийства можно обозначить как «философское», т. е. уход из жизни как глубоко осознанный шаг, определенный месседж, вскрыв значение которого мы поймем побудительный мотив. Таких самоубийств мы знаем множество. Споры о них не утихают столетиями и даже тысячелетиями. Самоубийство как жест! Самоубийство как последнее слово! Самоубийство как пуант в конце жизни! Для XVIII века эта тема вообще очень важна. Можно сказать, что тогда философское самоубийство вошло в моду.

Для подтверждения версии философского самоубийства необходимо доказать, что Радищев был последовательным революционером, и тогда его добровольный уход из жизни мы можем рассматривать не как импульсивный поступок, а действие,

направленное на достижение определенной цели.

Публикация статьи Пушкина о Радищеве в 1857 году привлекла к этому забытому писателю внимание Александра Герцена. Уже через год Герцен в своей Вольной русской типографии впервые после 1790 г. издает полный текст «Путешествия из Петербурга в Москву» с собственной вступительной статьей. В ней Радищев называется историческим предшественником декабристов и следующего поколения революционеров, к которому принадлежит и сам Герцен. У Пушкина Радищев – мечтатель, вначале увлекшийся идеями революции, а потом разочаровавшийся и умерший, до конца не понимая, чего хочет. У Герцена – последовательный сторонник освобождения. Начинается посмертный спор с Пушкиным о Радищеве. Появляется большое количество критических статей, затем научные исследования. Выявлено множество новых сведений, проливающих дополнительный свет на гибель Радищева.

Этот спор продолжается до сих пор, а то, что его начали Пушкин и Герцен, сегодня просто не все и помнят.

О заранее обдуманном, выношенном способе ухода заставляет думать вся жизнь Александра Николаевича Радищева.

У Пушкина Радищев выглядит наивным мечтателем, не до конца понимающим значения своих поступков. Все, кто учились в советской школе, знают другого Радищева – первого русского революционера, борца с режимом, не сломленного до конца. В школьных учебниках эти слова звучат шаблонно – им скучно верить. На самом же деле восприятие Радищева как последовательного революционера на протяжении всей его жизни коренится во всей традиции русской либеральной историографии – от Александра Герцена до Натана Эйдельмана и Юрия Лотмана. Революционер и Просветитель. Образец римских республиканских добродетелей. Такой Радищев не мог истерично выхлебать стакан какой-то дряни и умереть невероятно глупо.

Натан Эйдельман писал: «Решительно отбрасываем версию о сумасшествии: сохранившиеся документы и воспоминания о последних месяцах Радищева свидетельствуют о разуме и энергии. Угроза Завадовского – «мало тебе… Сибири» – не может довести до самоубийства того, кто действительно крепко стоит за свое, кто ясно видит в Завадовском и ему подобных ненавистных противников. Нет, революционер не кончает жизнь самоубийством при ухудшении обстоятельств, усилении осады».

Юрий Лотман, известнейший русский филолог и историк культуры – последовательный сторонник версии философского самоубийства. Ученый считал, что Радищев подчинил свою жизнь

и даже смерть доктринам философов, но по своему человеческому складу он не был философом-стоиком, напротив, был человеком страстным и импульсивным. Отсюда парадоксальный вывод: импульсивные поступки Радищева носят обдуманный характер. Он думал о самоубийстве многие годы, шел на него осознанно, но само исполнение задуманного носило полуспонтанный характер: не нашлось яду – выпил «царской водки», а потом пытался зарезаться.

Радищев, согласно Юрий Лотману, плоть от плоти XVIII века, или, как его еще называют, века Просвещения или века философов. Краеугольным камнем просветительской философии была идея освобождения через знание. Знание, очищенное от предрассудков, делает человека свободным – он начинает мыслить и действовать рационально. Отсюда один шаг до требования политической и духовной свободы, потому что власть церкви и монарха зиждется на предрассудках.

Идеологической базой Великой французской революции была как раз философия просветителей. Некоторые влиятельные философы этого направления рассматривали самоубийство при определенных обстоятельствах как свободолюбивый акт. Это не было четко сформулировано где-нибудь в одном месте. Книги, которую можно назвать «Катехизис самоубийц», нет. Самоубийство – крайний случай, последний аргумент, но философ при необходимости может к нему прибегнуть, потому что право распоряжаться своей жизнью – право свободного человека. Чаще всего такого типа самоубийства совершались, когда человека физически лишали свободы выбора: в ситуации ареста или смертного приговора. Таков в античности был выбор Сократа.

Великая французская революция ознаменована первой в истории нового времени эпидемией самоубийств. Кто-то зарезался прямо в зале революционного трибунала. Кто-то покончил с собой в тюрьме. Знаменитый философ Кондорсе отравился опиумом, Робеспьер пытается застрелиться, его брат выбрасывается из окна. Шестеро якобинцев, выслушав приговор к гильотине, по очереди зарезали себя одним кинжалом. Уходили из жизни немыслимыми способами. Один из сторонников Робеспьера наглотался гвоздей и умер в мучениях. Сотни и тысячи рядовых участников революции резались, стрелялись, травились, захваченные повальной эпидемией и пользуясь правом свободного человека на добровольный уход из жизни.

Когда ненавистные противники, растоптав твои идеалы, пытаются лишить тебя жизни по своей воле – ты противопоставляешь им собственную волю и уходишь из жизни

добровольно.

Философия Просвещения не противопоставляет идею самоубийства идее бессмертия души. Более того, некоторые философы две эти идеи увязывают напрямую, рассматривая смерть Христа как своего рода самоубийство. Он знал, что его убьют, и шел на смерть осознанно. Несколько логических умозаключений, и получается, что самоубийца не губит свою бессмертную душу. Кстати, самоубийство трактовал как тягчайший грех только блаженный Августин – это не библейская традиция, а более поздняя.

Согласно Юрию Лотману, Радищев, как и деятели французской революции, рассматривал самоубийство как гражданский акт. По большому счету, какая разница – умереть на гильотине или зарезаться. На гильотине даже менее болезненно. У самоубийства одно преимущество – даже в смерти ты оставляешь себе право свободно выбирать, право гражданина. Это такая античная модель.

В эпоху Просвещения копировали античные образцы. Самоубийство Радищева воспроизводило смерть Катона Утического, легендарного римлянина, покончившего с собой в момент падения республики. Катон добился своего – его героическое самоубийство уже два тысячелетия воспламеняет души борцов за свободу. Таким русским Катоном и хотел стать Радищев. Выпивая яд, он не только добивался личного освобождения, но и надеялся на политические последствия.

Радищев, совершая самоубийство, добивался изменения государственной политики. Работать в Комиссии по составлению законов означало встать на путь медленного реформаторства, постепенного просвещения. Если Радищев действительно не отказался к тому времени от идей своей знаменитой книги, то это – не его путь. Александр не был настолько радикален, чтобы пойти на резкое освобождение своего народа.

Продолжение жизни означало для писателя многочисленные унизительные компромиссы. Радищев был бы вынужден отказаться от своих прежних взглядов либо поступать вопреки им.

Пробуждение народа мыслилось Радищеву как результат своего рода психологического шока: героическая гибель великодушного философа, сознательно идущего на смерть, потрясет народ и разбудит его политическое самосознание. Если же надежды вызвать свободолюбивый взрыв современников нет, то «пропагандистское» самоубийство может иметь другую цель – обращение к истории и потомкам, к тем, кто воскресит память своих героических предшественников.

Большинство исследователей до сих пор склоняется к версии

самоубийства спонтанного или философского – спорят только о мотивах. Слишком много Радищев думал и писал о самоубийстве. Эта тема для него была крайне важна. На это еще Пушкин обратил внимание. Авторитет Пушкина слишком велик.

Но и эта версия не окончательная.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Третья версия – самая экзотическая и наименее распространенная. Радищев и не думал травиться. Его смерть – случайность. Стакан царской водки писатель выпил нечаянно, перепутав с водой. Попытка суицида была, но уже после неумышленного отравления, когда, осознав случившееся, Радищев пытался зарезаться, чтобы прекратить мучения. Помешали дети. Так что, согласно третьей версии, Радищев не покончил с собой, а умер из-за роковой случайности.

Врачи постоянно сталкиваются с подобными случаями. Радищев накануне смерти пребывал в угнетенном состоянии. Именно в таких обстоятельствах, теряя концентрацию, как правило, люди и травятся неумышленно.

Наиболее обстоятельно версию случайного отравления выдвинул ленинградский литературовед Дмитрий Семенович Бабкин. В его монографии о Радищеве, вышедшей в 1966 г., утверждается: писатель умер, случайно выпив стакан царской водки. Основной довод, впрочем, анекдотичен: Радищев не мог пойти на суицид, т. к. до последних дней сохранял непреклонную волю к революционной борьбе. А борцы с режимом не сдаются. Книга Бабкина настолько по-советски конъюнктурна и слабо аргументирована, что изложенная в ней версия смерти была воспринята историками и филологами не больше, чем курьез. Тем не менее, возможно, Бабкин не ошибался, а случайно набрел на истину.

Ведь действительно, начало Александрова царствования для Радищева – время наибольшего успеха. Павел вернул его из Сибири, но при этом всего лишь поменял место ссылки на Калужское имение, не восстановив в правах. Для начала XIX века дворянин, лишенный прав, – парий.

И вот приходит Александр. Приговор демонстративно и полностью отменен. Более того, Радищева призывают в Петербург, назначают на ответственный пост. Он единственный из всей Комиссии по составлению законов, кроме высшего начальства, кто вызван на коронацию в Москву. Его друг и покровитель Воронцов в силе. Радищев мог воспринимать все происходящее как торжество справедливости.

Но Радищев тяжело болен, у него застарелый сифилис. Как пишет современный исследователь Владимир Кантор, «Не похоже

и то, чтоб человек, знавший, что болен дурной болезнью, убивший по сути жену, наградивший своих детей всеми последствиями этой болезни, затем таким же образом убивший свою свояченицу – вторую жену и ни разу не подумавший о самоубийстве как жесте раскаяния, испугался бы пустых слов вельможи, которые ему, человеку опытному, прошедшему реальный арест и острог, разумеется, не могли показаться серьезными. Каковыми они и не были. К тому же, как всем известно, самоубийцы хотят умереть, чтобы не страдать в этой жизни, и по возможности избегают мучительных смертей».

Его смерть не вызвала со стороны властей никаких специальных действий, никто не воспринял ее как политический акт. Александр, конечно же, Радищева не запрещал. Через пять лет после смерти вышло собрание сочинений писателя, но «Путешествия из Петербурга в Москву» в нем не было. Каким бы ни был в то время либералом царь, такую жесткую критику общественного устройства России он не мог позволить обнародовать. Тем более что «Путешествие» в не лучшем свете выставляет его горячо любимую бабушку Екатерину. А все написанное Радищевым, кроме «Путешествия», для неспециалиста особого интереса не представляет. Издание его сочинений прошло незамеченным. Вот писателя и забывают. Потом времена изменились. Николай – император, при котором и за меньшие грехи, чем радищевские, упекали в солдаты и отправляли на дальние окраины империи. Упоминать Радищева в печати стало невозможно. Так наступило забвение.

А когда благодаря Герцену, а потом Плеханову и Ленину, Радищев был провозглашен эдаким Иоанном Крестителем российского свободомыслия, стало важно, чтобы первый русский революционер своей смертью, самоубийством, расквитался бы с самодержавием.

Между тем, человеку больному, ипохондрику и сифилитику, ничего не стоило спутать воду с царской водкой. Только что приготовленная царская водка бесцветна, и лишь спустя несколько секунд она приобретает оранжевый цвет. Хватить стакан (как сказано во врачебном заключении) с «приготовленной в нем крепкой водкой для выжиги старых офицерских эполет старшего сына» можно и машинально.

В документах о захоронении говорится о естественной смерти. В ведомости церкви Волковского кладбища в Петербурге от 13 сентября 1802 года в числе погребенных указан «коллежский советник Александр Радищев; пятидесяти трех лет, умер чахоткою, при выносе был священник Василий Налимов»

Николай I

Внук Екатерины Великой, сын Павла I и брат Александра I взошел на престол 14 декабря 1825 г. И это было очередное в российской истории вступление в царствование, сопровождавшееся кровью. Тридцатилетнее правление Николая I началось с подавления бунта декабристов.

Николай считал, что все беды России – от Запада; у Российской империи должен быть собственный путь. Главной защитой самобытности России должны стать могучая армия и флот. Ведь со времен Петра Великого страна шла от победы к победе. Вся жизнь Николая Павловича была посвящена русской вооруженной мощи. В 1853 г. Россия вступает в войну сначала с Турцией, а потом и с Англией и Францией. Эта война, получившая название Крымской, стала последней в его жизни.

Николай Павлович скончался 18 февраля 1855 г. (по старому стилю). Несмотря на то, что в последние недели государь не без оснований находился под присмотром группы высококлассных медиков, для близких и современников его смерть выглядела скоропостижной.

Государя почитали здоровяком. Он был склонен к «спартанской» обстановке, был отличным наездником, мастером фрунта. До старости выглядел богатырем. Не жаловался на недомогания. Его никогда не видели больным. Император не курил, почти не употреблял спиртного, любил простую, здоровую пищу. Ежедневно его осматривали лейб-медики и всегда находили его здоровье превосходным.

Фрейлина Александра Федоровна Тютчева писала: «Никто лучше, как он, не был создан для роли самодержца, его внушительная величественная красота, величавая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд – все, кончая его улыбкой нисходящего Юпитера, все дышало в нем земным божеством, всемогущим повелителем».

В возрасте «ближе к 60» (а умер он на 59 году жизни) у любого человека выползают те или иные болячки. Император казался исключением. Тем неожиданнее, в связи с распространенным мнением о могучем здоровье государя, прозвучала официальная версия кончины государя: «Смерть от паралича легких, вызванного пневмонией, которая, в свою очередь, выросла из гриппа».

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: СМЕРТЬ ОТ ПНЕВМОНИИ

30 лет на вершине власти – для России неординарный срок. От правителя он требует, как минимум, выносливости и

отменного здоровья. Между тем единственная болезнь, от которой лечили Николая I в последние годы – обыкновенная подагра.

В январе 1855 г. у него случился грипп. Считается, что заболел он, отправившись на свадьбу дочери своего любимого подчиненного генерала Клейнмихеля, слишком легко одетым (на нем был легкий конногвардейский мундир и лосиные панталоны).

Тем не менее, несмотря на болезнь, Николай I продолжал «работать царем». Мы не встречаем указаний, что в первую неделю февраля болезнь была серьезной, и жизнь царя находилась под угрозой. Он был простужен, но вел обычный, деятельный образ жизни.

9 февраля император довольно много передвигается по городу (посещает Манеж, свою золовку великую княгиню Елену Павловну). С 11 февраля Николаю Павловичу становится по настоящему плохо: жар, кашель, озноб. И вот только тогда болезнь начинает быстро прогрессировать. Грипп, согласно основной версии кончины Николая I, превращается в тяжелую форму пневмонии. Дальнейшее опишем глазами министра государственных имуществ графа Павла Киселева.

«По возвращении Государь почувствовал лихорадочный припадок – в ночь или на другой день, т. е. в пятницу, он жаловался на тупую боль в боку. Доктора должны были обратить внимание на печень, – говорил Государь – тут мой недуг, и затем кашлял и с трудом освобождался от мокрот. Орлов, к которому доктор Карелль приезжал ежедневно, говорил мне 10-го числа, что у Государя грипп очень сильный, но что опасности нет.

15-го в воскресенье Государь докладов уже не принимал и лежал в постели. Мне сказали, что болезнь серозная, но что прямой или положительной опасности нет. В четверг, 17 февраля, я поехал во Дворец, дабы от камердинера узнать о состоянии Его Величества – ответ был довольно темный – Государь очень жалуется на боль в боку, худо почивал – много кашлял, а теперь успокоился. На другой день, т. е. в пятницу, я послал во Дворец за Бюллетенем – мне привезли копию под № 3-м, который изумил меня и растревожил – я немедленно отправился во Дворец. Здесь мне объявлено, что Государь находится в безнадежном состоянии, что он исповедовался. Призывал всех детей и внуков, прощался с Императрицею, выговорил ей и прочим членам своего Семейства утешительные слова, простился с прислугою своей и некоторыми лицами, которые тут находились – и, наконец, последний и тихий вздох отделил душу от тленного тела». Император умер 18 февраля 1855 г. около полудня.

Итак, диагноз – осложнение гриппа. Пневмония или воспаление легких. Термин объединяет группу болезней, при которых происходит инфекционное поражение легочной ткани, вплоть до их разрушения. Преимущественно страдают альвеолы. Одна из причин смерти при пневмонии – деструкция легкого. У больного развивается кислородный дефицит, что в тяжелых случаях приводит к сердечной недостаточности. Пневмония может протекать как самостоятельное заболевание или как осложнение других болезней. Сегодня основной метод диагностики – рентген. Но будущий нобелевский лауреат Вильгельм Рентген откроет свои лучи лишь спустя сорок лет после кончины Николая I.

В случае Николая I пневмония носила, скорее всего, бактериальный характер. Диагностика в этом случае осложняется. Пневмонию выявляют, в первую очередь, по клинике. При пневмонии гриппозной этиологии на ранней стадии нет хрипов – есть одышка, кашель, слабость, усталость, температура 37,3 – 37,5. И ее трудно отличить от других простудных заболеваний.

Но даже если бы диагноз был поставлен вовремя, это не гарантировало бы выздоровления. И сейчас, после появления антибиотиков, люди, случается, умирают от тяжелого воспаления легких.

Но болезнь и смерть Николая I случилась так неожиданно быстро и была так тесно связана с политическими событиями, что сразу после его смерти поползли слухи: дело нечисто. Перед нами не естественная смерть, а самоубийство.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: НЕПРОТИВЛЕНИЕ БОЛЕЗНИ

Смерть Николая I стала колоссальным потрясением для современников. Молчаливое большинство предвидело перемены и боялось их. Политические и культурные элиты не скрывали радости. Не говоря уже об открытых противниках деспотического правителя, даже люди еще недавно лояльные высказывались о покойнике отнюдь не по-христиански. Федор Тютчев:

«Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,
—
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей».

Всем было интуитивно понятно: неожиданная кончина императора как-то связана с политической ситуацией. А она была трагической для Николая.

Почти полтора века с 1711 г. Россия не знала поражений в войнах с внешними врагами. Русские громили турок, шведов, пруссаков, французов, брали Варшаву, Берлин и Париж. Российская империя расширялась непрерывно и превратилась в единственную сухопутную сверхдержаву.

Всю свою жизнь император посвятил армии. Военный человек, он готовил себя и страну к войнам. Крупнейшие в мире вооруженные силы (миллион человек и двести тысяч лошадей), третий в мире по количеству вымпелов флот, мощная оборонная промышленность, железный порядок, обязательный патриотизм.

И вот – очередная война с Турцией. Этого вековечного противника Россия непрерывно побеждала со времен Миниха и Румянцева. Война, начавшаяся в октябре 1853 г., не обещала неожиданностей. Уже в ноябре Черноморский флот под командованием Павла Нахимова в Синопском сражении уничтожил турецкую эскадру. Русские сухопутные войска готовятся перейти через Дунай, устремиться к Константинополю и водрузить наконец православный крест на Святой Софии.

Однако в марте 1854 года ситуация меняется. В войну на стороне Турции вступают великие европейские державы Англия и Франция. Австрия и Пруссия, которых Россия в свое время спасла от Наполеона, не только не приходят на помощь, но готовы в любой момент перекинуться на сторону врага. Войска антирусской коалиции высаживаются в Крыму и осаждают Севастополь. Черноморский флот ввиду явного преимущества англичан и французов приходится затопить. Английские корабли нагло и невозбранно обстреливают русское побережье Черного, Балтийского и Белого морей, Камчатку. Британский флот демонстративно крейсирует в виду Петергофа, любимой резиденции Николая.

5 февраля 1855 г. русские войска в Крыму совершают попытку разгромить тыловую базу врага – Евпаторию. Это последний шанс навязать противнику инициативу, внести в ход войны перелом. Император с напряжением ждет известий об операции. 12 февраля 1855 г. курьер принес во дворец весть о поражении под Евпаторией. Это стало страшным ударом по самолюбию государя. Теперь следовало либо продолжать обреченную на поражение разорительную и кровопролитную войну, либо соглашаться на позорный мир. Ни проигрывать, ни сдаваться Николай I не желал и психологически не мог.

Он слег, не принимал докладов, не желал знать, что происходит на театре военных действий.

«Факт был несомненный: Николай Павлович умирал от горя и именно от русского горя. Это умирание не имело признаков

физической болезни, – она пришла только в последнюю минуту, – но умирание происходило в виде несомненного преобладания душевных страданий над его физическим существом», – писал князь В. П. Мещерский. Злоехидный Герцен позже заметит: у Николая была «Евпатория в легких».

Существует предположение, что Николай умер оттого, что не хотел жить. Позору он предпочел смерть. Как человек глубоко верующий, пойти на откровенное самоубийство государь не мог; он просто прекратил сопротивление болезни и даже, некоторым образом, способствовал ее развитию. Например, вопреки рекомендациям врачей, не долечив грипп, в суровую февральскую пору совершал поездки, наносил визиты.

Граф Блудов в брошюре «Завещание и последние дни жизни императора Николая Первого» приводит диалог между императором и одним из его лечащих врачей от 9 февраля 1855 г.

«Ваше Величество, – сказал доктор Карелль, – нет ни одного медика из Вашей армии, который позволил бы рядовому выписаться из госпиталя в таком положении, в каком Вы находитесь и при таком морозе (22 градуса).

Ты исполнил свой долг, – отвечал Государь, – позволь же Мне исполнить Мой».

В час пополудни Государь отправился в Экзерциргауз, не взяв даже предосторожности одеться потеплее обыкновенного».

Как проницательно заметил Федор Тютчев, главное в Николае – лицедейство. Его роль – роль несгибаемого отца нации, героя, не идущего на компромиссы, победителя, военного и государственного гения.

И вдруг пьеса, в которой он привык играть, меняется. В ней появляются новые персонажи. Его реплики летят в пустоту, партнеры их не подхватывают.

Это чудовищный стресс, величайшее отчаянье. Он делает, что должно, и милосердная судьба приносит ему последнее успокоение.

Николай I умер потому, что не хотел больше жить.

Но смерть, как героический конец трагедии, требует определенности. Болезнь может затянуться, и император превратится в раба немощи. Поэтому для героического конца надо знать точно, сколько времени осталось.

Такую возможность дает только самоубийство. И сразу после смерти императора слухи о том, что он отравился, распространились по России.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: САМОУБИЙСТВО

Не успели опустить гроб в могилу в Петропавловском соборе, а в церквах отслужить панихиду, как пронесся слух: дело нечисто.

Николай Добролюбов записал: «Разнеслись слухи о том, что царь отравлен… Слух этот произвел различное впечатление: одни радовались, другие удивлялись, третьи говорили, что так и должно быть – поделом ему, мошеннику. Но особенно замечательно, как сильно принялось это мнение в народе, который верует, что русский царь и не может умереть естественно, что никто из них своей смертью не умер».

Таинственные смерти императоров были в русской традиции. Все знали, как на самом деле погибли Петр III и Павел I, хотя официальная и неоспоримая версия их смерти: геморроидальными колики и апоплексический удар.

И чем больше власти старались уверить, что Николай умер своей смертью, тем меньше в это верилось. 24 марта 1855 г. вышла даже специальная брошюра графа Дмитрия Блудова «Последние часы жизни Императора Николая Первого». В книге отдельно и специально исключалась возможность самоубийства императора «как достойного члена Церкви Христовой». Блудов писал: «Сей драгоценной жизни положила конец простудная болезнь, вначале казавшаяся ничтожною, но, к несчастью, соединившаяся с другими причинами расстройства, давно уже таившимися в сложении лишь по-видимому крепком, а в самом деле потрясенном, даже изнуренном трудами необыкновенной деятельности, заботами и печалями».

Подозрения усилила поспешность похорон: бальзамированное тело предали земле не через два месяца, как обычно, а через полтора. Странным образом протокол о вскрытии исчез.

Говорили, что тело императора разлагалось с необычной скоростью, как если бы он был отравлен. Уста были приоткрыты, видны были редкие зубы. Черты лица, сведенного судорогой, свидетельствовали: император умирал в сильных мучениях. Все это – признаки возможного отравления. В городе поговаривали: анатом Венцель Груббер, не сумевший скрыть роковых следов, был заключен в Петропавловскую крепость. Князь В. П. Мещерский: «Процесс разрушения шел так быстро, и оттого немедленно после этой почти внезапной кончины по всему городу стали ходить легенды: одна о том, что Николай Первый был отравлен его доктором, и другая – о том, что он сам себя отравил».

В конце концов появилась и законченная версия самоубийства государя. В 1859 г. издававшийся в Лондоне журнал Александра Герцена «Колокол» (с ссылкой на некие «Письма русского человека») сообщал, что Николай I отравился с помощью лейб-медика Мартина Мандта.

Мартин Мандт, с 1839 г. – один из пяти лейб-медиков при дворе Николая I. Родился в Германии. В Россию был приглашен членами царствующей семьи. Пользовался исключительным доверием Императора. Благодаря своему влиянию, внедрял собственные взгляды во врачебную практику русской армии. Считался основоположником так называемой атомистической системы лечения, которая позже преобразовалась в одну из ветвей гомеопатии. Репутация у Мандта во врачебных кругах была не блестящая, многие, в том числе Николай Пирогов, считали его шарлатаном. После смерти государя Мандт выехал за границу, где спустя три года скончался.

Мария Фредерикс, фрейлина при дворе Николая I пишет: «Государю во время последней болезни Мандт приносил свои порошки в кармане. Других медиков он не подпускал во время этой же болезни, уверяя до последней минуты, что опасности нет».

Существуют два свидетеля, утверждавших, что Мандт дал яд Николаю Павловичу по его желанию. В 1914 г. в журнале «Голос минувшего» были опубликованы воспоминания некоего А. Пеликана, внука Евгения Пеликана, бывшего во времена Николая I председателем Военно-медицинского комитета, директором Медицинского департамента военного министерства и президентом Медико-хирургической академии.

Евгений Пеликан дружил с Мандтом и часто бывал у него дома. Кроме того, по своему положению он был очень хорошо осведомлен о состоянии здоровья государя. Пеликан рассказывал Пирогову, что Мандт дал яд желавшему покончить с собой Николаю I. Однако он оправдывал Мандта, т. к. «отказать Николаю в его требовании никто не осмеливался; ему не оставалось ничего другого, как подписать унизительный мир или покончить с собой».

Адъютант Александра II И. Ф. Савицкий (позже польский инсургент) в своих мемуарах не только уверенно подтверждает версию о самоубийстве царя, но и сообщает, со слов Мандта, массу дополнительных подробностей.

«После получения депеши о поражении под Евпаторией вызвал меня к себе Николай I и заявил: «Был ты мне всегда преданным, и потому хочу с тобою говорить доверительно – ход войны раскрыл ошибочность всей моей внешней политики, но я не имею ни сил, ни желания измениться и пойти иной дорогой, это противоречило бы моим убеждениям. Пусть мой сын после моей смерти совершит этот поворот. Ему это сделать будет легче, столковавшись с неприятелем. Дай мне яд, который бы позволил расстаться с жизнью без лишних страданий, достаточно быстро,

но не внезапно (чтобы не вызвать кривотолков)».

Итак, все свидетельства об отравлении императора основаны якобы на словах его медика. Сам Мандт, перебравшийся после смерти своего принципала на родину, в Германию, мемуаров не оставил.

Судить, насколько эти воспоминания отражают истину, а насколько стремление к сенсации, трудно.

У знаменитого социолога начала XX века Эрика Дюркгейма есть понятие «Альтруистическое самоубийство». Заранее обдуманная смерть с целью принести пользу близким и обществу. Смерть Николая I похожа именно на альтруистическое самоубийство. Она открывала возможности к глубоким преобразованиям в России, к выходу из злосчастной Крымской войны.

Николай I при жизни подражал Наполеону, в частности, спал на походной железной кровати, укрывшись военным плащом. Умирая, он лежал на той же железной кровати с солдатским тюфяком. Перед смертью Николай попросил, чтобы его облачили в мундир, вызвал наследника и сказал ему: «Сдаю тебе, Саша, пост не в полном порядке», а прощаясь со старшим внуком, промолвил: «Учись умирать».

18 февраля, к четырем часам утра, когда стало ясно, что надежды на выздоровление нет, Николай I исповедался и причастился Святых Тайн «в полном присутствии духа». Затем в пять часов утра император сам продиктовал депешу в Москву, в которой сообщил, что умирает, и простился с древней столицей.

Утром состояние царя продолжало ухудшаться. «Наступил паралич легких, и, по мере того как он усиливался, дыхание становилось более стесненным и более хриплым. Император спросил Мандта: «Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка?» Затем он прибавил: «Если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать»

Александр II

1 марта 1881 г. по столице Российской империи мчится карета. Ее окружают грозные казаки, охраняют бдительные полицейские. В карете – император Александр II. Он и не догадывается, что быстрые лошади несут его к лютой гибели. Уже выходит из глубин петербургских дворов тот, кто нанесет смертельный удар. Надежды на спасение нет. Как и почему произошло одно из самых трагичных событий в отечественной истории, к каким последствиям оно привело?

Старший сын императора Николая I. Вступил на престол в 1855 г. В возрасте 36 лет в период острейшего экономического и политического кризиса. Закончил неудачную Крымскую войну. Освободил крестьян. Ввел суд присяжных, местное самоуправление и всеобщую воинскую обязанность. Смягчил цензуру. Облегчил выезд за границу. Однако непосредственный итог «Великих реформ» Александра II был неутешителен: крестьянские восстания, обеднение дворянства, коррупция, обидные промахи внешней политики. На жизнь императора было совершено шесть покушений. В результате последнего, 1 марта 1881 г., на 63-м году жизни, Александр II был смертельно ранен.

Вторая половина XIX века. Радикально меняется отношение к царственным особам. Если в XVIII веке царей смещали с помощью гвардии аристократы, то теперь круг потенциальных заговорщиков расширился. Прошли времена, когда император спокойно прогуливался по столице. Первым это ощутил Александр II. В 1866 г. стреляет Дмитрий Каракозов. В 1867 г. во Франции стреляет Антон Березовский. Александр Соловьев смог выстрелить в императора на Дворцовой 5 раз. Затем ряд покушений, и в конечном итоге террористы достигли своего.

1 марта 1881 г. Александр II выехал из Зимнего в Манеж. По традиции, идущей еще от Павла I, император присутствовал каждое воскресенье на разводе караулов. Его сопровождали казаки охраны и полицейские во главе с полицмейстером Дворжицким. После Манежа, откушав чаю в Михайловском дворце, царь отправился обратно в Зимний через Екатерининский канал. Именно здесь история совершила свой крутой поворот.

Третий час дня. Едва экипаж начал движение по набережной, раздался оглушительный взрыв. Карета императора была повреждена, но сам он остался жив. Александр выходит из кареты: увидеть преступника и место преступления. Звучит второй взрыв. Когда Дворжицкий подбежал к Александру, то увидел, что обе ноги его совершенно раздроблены, и из них

обильно течет кровь. Александр успел только сказать: «Холодно!» и потерял сознание. Его положили в сани и отвезли в Зимний.

Вот воспоминания очевидца, гоф-медика Федора Маркуса, врача, который находился рядом с умирающим императором в покоях Зимнего дворца: «…Первое, что мне бросилось в глаза, это страшно обезображенные нижние конечности, в особенности левая, которая, начиная от колена, представляла раздробленную кровяную массу; правая конечность была тоже повреждена, но менее левой. Обе раздробленные конечности были на ощупь холодные. Государь находился в полном бессознательном состоянии. Все старания врачей, прибывших после меня, оставались тщетными – жизнь государя угасала».

По мнению врачей, тогдашних и современных, последний шанс спасти жизнь императора был упущен на Екатерининском канале. Если бы на месте преступления был врач, который наложил бы жгут на бедра императора для предотвращения кровотечения, и если бы его повезли не в Зимний дворец, а в находящийся буквально в двух шагах Придворный госпиталь, какой-то шанс у медиков был бы. Военно-полевые хирурги и тогда, случалось, спасали людей с обеими ампутированными конечностями.

Но время было упущено. Врача рядом с императором не оказалось (после стольких покушений непонятное упущение). Он скончался около половины четвертого пополудни от потери крови, так и не придя в себя.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: УБИТ «НАРОДНОЙ ВОЛЕЙ»

«Народная воля» – первая в мире нелегальная террористическая организация. Состояла по преимуществу из революционеров-профессионалов. Имела строгую централизованную структуру. Немногочисленный исполнительный комитет «Народной воли» контролировал сеть провинциальных кружков, военную и рабочую организации, тайные типографии, динамитные мастерские, конспиративные квартиры, лаборатории по созданию фальшивых документов. Всего в движении участвовало около 3 тысяч человек.

На своем первом же заседании в 1879 г. члены Исполнительного Комитета единогласно приговорили к смерти императора Александра II. И приступили к «охоте на царя», серии терактов, направленных против монарха. Император обвинялся в обмане народа мизерными реформами, обнищании большинства для сверхобогащения дворцовой клики, кровавом подавлении восстания в Польше, репрессиях против демократической оппозиции. Было принято решение начать подготовку покушения на царя немедленно.

Народовольцы пытаются взорвать царский поезд, подрывают бомбу невероятной разрушительной силы в Зимнем дворце, закладывают взрывчатку под мост, по которому должен проехать монарх. Первые покушения не достигают цели.

В последние годы царствования Александр оказался в западне. В нем разочаровались и левые, и правые круги. Российское общество напряженно ожидает грядущих изменений. Популярность реформ падает. Личный престиж государя стремится к нулю. Симпатии многих вполне мирных и законопослушных граждан на стороне революционеров.

Федор Достоевский спрашивает журналиста Алексея Суворина: «Если бы Вы узнали о готовящемся покушении на императора, вы бы донесли? – Нет. И я нет», – сказал Достоевский.

В последние годы Александр II – загнанный зверь. Он не уверен, что проживет ближайший день. Не было покоя ему и в Зимнем дворце. И не только взрыв Халтурина здесь причиной. Буквально в ночь на 1 марта внезапно умирает любимый пес императора, Тристан. Поползли слухи, что собаку отравили.

Из дневника императора: «Воскресенье, 22 февраля, 10 часов вечера. Меня посетил граф Лорис-Меликов с обычным докладом. Между прочим, спросил меня: «Вполне ли надежны часовые, стоящие во дворце?» «Неужели я окружен предателями даже в собственном доме? – возразил я, – коли так, то любой бедный крестьянин в моей империи счастливее меня, русского царя!» Видя мое возбуждение, граф просил меня сохранять спокойствие и не тревожиться».

Для народовольцев 1 марта поистине последний шанс.

Ходят слухи о возможных либеральных реформах. Революционеры понимали: после обнародования конституции спадет волна революционного напряжения. Как говаривал заговорщик Сергей Нечаев: «Чем хуже жизнь народная, тем лучше для дела революции».

Во-вторых, разбуженная Лорис-Меликовым, до того бездействовавшая полиция арестовывает главных заговорщиков: Александра Михайлова, а за несколько дней до покушения – Андрея Желябова. Казалось, можно забыть не только о покушении, но и о существовании организации. Но здесь проявляет себя Софья Перовская. Для нее это теперь не только дело чести, но и возможность отомстить за любимого человека (она жила с Желябовым).

На заседании Исполнительного комитета 28 февраля Перовская объявляет: 1 марта жизнь императора должна оборваться. Вслед за этим начнутся народные выступления. Они

перерастут в революцию.

В этот день, как всегда по воскресеньям, государь инспектирует войска в Михайловском манеже. Из Зимнего дворца он добирается до Манежной площади по Невскому проспекту и короткой, узкой Малой Садовой улице. Основное место нападения – Малая Садовая. Здесь народовольцами был арендован магазин сыров. Оттуда под улицей прорыли подкоп, заложили мины. На случай неудачного взрыва есть запасной вариант – ручные бомбы. Четыре «метальщика» подбегут к карете и забросают ее метательными снарядами.

Однако неожиданно маршрут императора изменился. Он едет в Манеж по Екатерининскому каналу, Инженерной и Итальянской улицам. Перовская знает, обычно кортеж государя возвращается во дворец точно так же, как выезжал из него. На повороте Екатерининского канала к Конюшенной площади карета непременно скинет скорость.

Пока государь находится в Манеже, а потом пьет чай у кузины в Михайловском дворце, Перовская расставляет «метальщиков» с бомбами по набережной канала. Четверо народовольцев – Гриневицкий, Рысаков, Емельянов, Михайлов – занимают позиции от Инженерной улицы до Михайловского сада. Когда царская карета начала двигаться по Инженерной улице к набережной, мелькнул платок Перовской: условный сигнал «Приготовиться!»

Первым бомбу должен бросать молодой рабочий Тимофей Михайлов, но он струсил и ушел с поста. В сторону царской кареты бросает свою бомбу 19-летний студент мещанин Николай Рысаков, по прозвищу «Беломор». Это была первая бомба; смертельной оказалась вторая. Ее бросил 24-летний студент, поляк, дворянин Игнатий Гриневицкий по прозвищу «Котик». Кроме императора и Гриневицкого, было смертельно ранено трое, в том числе случайно проходивший мимо ребенок, пятеро тяжело ранены. Картина произошедшего заставила содрогнуться всех, даже террористов. Четвертый «метальщик», Емельянов, был так потрясен, что спрятал бомбу и бросился помогать истекавшему кровью императору.

Казалось бы, все ясно. Но в этой истории много загадочного.

Государя неоднократно предупреждали о новом покушении, рекомендовали отказаться от поездок в Манеж и не покидать стен Зимнего. В одном из писем открыто говорится о необходимости уговорить императора не ездить на воскресные разводы караулов в Михайловский манеж: «Вероятно, по пути царя будет брошена бомба или путь будет заминирован…» Кто-то втайне хотел предупредить о смертельной опасности.

Более того, о том, что на Малой Садовой неладно, полицию заранее предупредил бдительный горожанин. Поздно вечером в лавку заходят, а рано утром расходятся атлетического вида мужчины. Купчиха Кобозева (под этими документами скрывалась народоволка Анна Якимова) замечена в курении пахитосок: вещь для дамы из торгового сословия немыслимая.

Итак, в градоначальство Петербурга поступило тайное сообщение: в сырной лавке Кобозевых на Малой Садовой улице (сыры там и изготовлялись, и продавались) нашла прибежище подпольная организация, планирующая очередное покушение на Императора. И вправду, сырную лавку открыли два члена руководства «Народной воли» Юрий Богданович и Анна Якимова. А подкоп по ночам копали офицеры-народовольцы.

Полиция вроде бы отреагировала: 28 февраля в лавку отправилась комиссия в составе старшего техника при петербургском градоначальнике генерал-майора К. И. Мравинского (дед знаменитого ленинградского дирижера) и двух его помощников (полицейского пристава П. П. Теглева и начальника канцелярии градоначальства В. В. Фурсова). Инспекторы оглядели все помещения, включая подвалы, где на полках хранились сыры, но бомб, о которых сообщали осведомители, нигде найдено не было. Мрачное настроение ревизоров развеялось, они с радостью воспользовались угощением, любезно им предоставленным хозяином там же, на прилавке, покрывшемся скатерочкой. «Извольте коньячку, да с сырком отведать!» – и весь рейд государственной важности завершило непринужденное застолье.

Много вопросов и к охране императора. Командир императорского эскорта допустил серьезнейшую ошибку: не дал инструкций казакам охраны. Когда Александр вышел из кареты, казаки не последовали за ним. Нелепо действовал и капитан Кох, отвечавший за расстановку агентов общественной безопасности на пути следования императора. Вместо того чтобы обезопасить императора, он стал спасать террориста от ярости толпы. Полицмейстер, полковник Дворжицкий, не оттеснил толпу. Император, по сути, остался один.

Перед нами что-то похожее на саботаж или всеобщее нерадение. Не были ли террористы просто игрушкой в руках кого-то, кто прятался за сценой?

В устранении Александра II были заинтересованы многие. У него было больше противников, чем сторонников. В этой истории множество загадок и любопытных фактов. Террористы и сердечная привязанность, дворцовые интриги и заговоры.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ЗАГОВОР НАСЛЕДНИКА

В начале 1881 г. Россия переживает два кризиса: политический и династический. Через 40 дней после смерти первой жены императрицы Марии Александровны, государь венчается с Екатериной Долгоруковой.

Екатерина Михайловна Долгорукова происходила из захудалой ветви знаменитого княжеского рода. Тайные встречи 47-летнего императора и 17-летней Долгоруковой начались в 1865 г. Это была страстная взаимная любовь. Император поселил свою вторую семью в Зимнем дворце, бок о бок с официальной супругой императрицей Марией Александровной. Долгорукова имела от Александра II четверых детей. После смерти императрицы Александр II венчался с Долгоруковой, ей был дарован титул Светлейшей княгини Юрьевской. Большая часть Романовых ненавидела Долгорукую, считая ее опасной авантюристкой. Вскоре после похорон Александра II она вместе с детьми эмигрировала в Ниццу, где умерла в 1922 г.

«Жениться по любви не может ни один король». Но Александр едва смог выдержать приличного срока после смерти законной жены, Марии Александровны и тайно обвенчался с Долгоруковой. И тут понятно, что вряд ли это вызывало у наследника Александра Александровича, будущего императора Александра III, положительные эмоции.

Жизнь императорской семьи в конце царствования Александра II напоминает классическую коммунальную квартиру. За улыбками не всегда хорошо скрываемая ненависть, интриги. Идет борьба за влияние. Наследник Александр Александрович (будущий император Александр III) настроен против мачехи. Козни строит и жена наследника, Мария Федоровна.

Сын был недоволен, что отец обижает, как он считал, мать, императрицу Марию Александровну, совершенно открыто живет с другой женщиной. Поселил в Зимнем дворце ее и их общих детей, и все это достаточно открыто, было известно всему Петербургу.

Екатерина Долгорукая стала Юрьевской отнюдь не случайно. Не было секретом, что фамилия стала производной от имени одного из предков Екатерины Михайловны – князя Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха. Это подчеркивало высокородное происхождение детей Александра II от нового брака: они Романовы и Рюриковичи, что не могло не вызвать негодования со стороны Александра Александровича, официального престолонаследника.

Все чаще в последние годы император стал говорить о том, что хотел бы удалить Александра Александровича из столицы. А однажды царь (о чем сразу стало известно в Аничковом) неудачно пошутил, а возможно, и выразил тайную мысль, спросив своего

сына от Юрьевской, юного Георгия (Гого), не хочет ли он стать царем.

Может, это была и шутка, может зондаж. А вот то, что Александр вынашивал планы коронации Юрьевской – это несомненный факт. Если бы Александр уцелел в марте, в скором времени Россия получила бы императрицу Екатерину III. В петербургских салонах озвучивали говорившееся во дворце – Юрьевская погубит Александра и монархию.

Так что это не столько конфликт отца и сына, сколько двух группировок: сторонников реформ, вокруг императора, и противников, группировавшихся вокруг цесаревича.

В создавшихся условиях император пытается переломить общественное мнение, привлечь его на свою сторону.

24 февраля 1880 он подписал указ об учреждении Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Председателем ее назначил Михаила Лорис-Меликова, боевого генерала, героя последней войны. У него значительные полномочия; время его правления войдет в историю как «диктатура сердца»: не таской, а лаской. Он должен вдохнуть жизнь в угасающие реформы. Его деятельными сторонниками становятся великий князь Константин Николаевич, министры Дмитрий Милютин и Петр Валуев.

Но и Александр II, и его окружение, властный брат Константин Николаевич и первый министр Михаил Лорис-Меликов понимали опасность и хотели предупредить ее.

Вызывало опасение у консерваторов и то обстоятельство, что Лорис-Меликов сумел найти подход к цесаревичу, и отец-император смог привлечь сына к разработке губительного с точки зрения правых проекта конституционных реформ.

По городу распространяются слухи о завершении подготовки того, что получило название «конституции Лорис-Меликова». Документа, предусматривавшего введение в Государственный совет выборных от дворянских собраний, земств, городских самоуправлений и превращение этого, существовавшего с 1810 г. законосовещательного органа империи в законодательный. Создание чего-то похожего на настоящий парламент.

1 марта Александр, по сути, одобряет конституцию, на 4 марта было назначено ее утверждение. Император решил связать два важнейших события, коронацию супруги и дарование конституции. Они должны предопределить судьбу России и его собственную судьбу. Об этом в последние дни, последние часы были мысли императора. Из дневника Александра II 1 марта 1881: «Я сказал Кате, что публикация настоящей конституции

дело решенное; она будет обнародована 22 мая, в один день с Указом о ее коронации…Лорис-Меликов уверен, что публикация конституции даст империи мир, а мне – возможность жить спокойно, не опасаясь новых покушений. Коронация состоится 1 августа в Москве».

Написано в день смерти. Можно предположить, что с этой мыслью император ехал в свой последний путь.

Это был удар как по левым, так и по правым. Правые боялись, что Юрьевская заставит императора подписать еще более радикальный вариант конституции. Вероятно, появится и новый наследник. Император укрепится либеральным общественным мнением.

Второй сын Александра II, будущий Александр III, обладал сильной волей и упрямым характером. Образцовый семьянин. Ненавидел коррупцию и аморальность. Решительный противник реформ своего отца. С 1870-х гг. вокруг него группируются оппозиционные консерваторы.

«Партия Аничкого дворца», где жила семья наследника, состояла из приверженцев ортодоксального абсолютизма, противников реформаторского курса. Великий князь Константин Николаевич называл ее «ретроградной». К концу правления Александра II их позиции значительно усилились. Их штаб-квартирой как раз и становится резиденция наследника престола, Аничков дворец. Тайные встречи привлекают все больше незаурядных людей из высших кругов. Здесь утверждали, что политика императора ошибочна, реформы приводят к отрицанию самого царизма. Александр II разрушает верховную власть. Россия на краю пропасти.

Граф Дмитрий Толстой, граф Илларион Воронцов-Дашков, генерал Николай Игнатьев, князь Владимир Мещерский, редактор самого популярного русского журнала и самой влиятельной газеты Михаил Катков – представители знаменитых, высокородных фамилий, амбициозные, волевые, чутко чувствующие политическую конъюнктуру; в будущем они будут играть важные роли в управлении государством. Да и в царствование Александра II они влияли на ключевые сферы. Их влияние на наследника престола, чувствовавшего свою неуверенность в вопросах политики, было чрезвычайно велико.

Император знал об этом, и это раздражало его. Однако сделать он уже ничего не мог. При жизни Александра II ультрамонархистов сдерживала воля царя, но после смерти государя они вытеснят оппонентов с политического Олимпа. «Партия Аничкова дворца» представляла солидную силу и заставляла с собой считаться.

Возглавлял эту группу Константин Победоносцев – наставник и идеолог Александра III и Николая II. Более полувека являлся обер-прокурором Священного Синода, то есть фактическим главой Русской православной церкви. Считал правление Александра II гибельным для России, неизбежно ведущим к революционному хаосу.

Именно единомышленники Победоносцева создали тайную монархическую организацию «Священная дружина», призванную бороться с врагами России любым, в том числе террористическим путем. После убийства Александра II стал идеологом следующего царствования. Рекомендовал Александру III новых министров.

Отношения между наследником и Победоносцевым все крепли. Во многом благодаря цесаревичу Победоносцев сделался сенатором и тайным советником. Военный министр Дмитрий Милютин называл Победоносцева «нимфой Эгерией Аничкова дворца», нимфой-вдохновительницей. Серый кардинал. Победоносцев утверждал: «Конституция и парламент – великая ложь нашего времени». О нетерпимом отношении Победоносцева к Александру II говорят его письма: «Как тянет это роковое царствование – тянет роковым падением в какую-то бездну. Прости, Боже, этому человеку – он не ведает, что творит, и теперь еще менее ведает. Судьбы Божии послали нам его на беду России. Даже все здравые инстинкты самосохранения иссякли в нем: остались инстинкты тупого властолюбия и чувственности. Мне больно и стыдно, мне претит смотреть на него…»

Что же произошло после смерти Александра II в Зимнем дворце?

Вскоре после вступления на престол Александр III отказывается от утверждения конституционных проектов своего отца. Те, кто поддерживал Александра II, были выброшены с политической сцены. Юрьевская вынуждена была покинуть страну. Теперь альянс Александра III и Победоносцева стал определять пути развития России. Смерть Александра II помогла партии Аничкова дворца достичь своих целей.

Вместе с тем, как показали события, устранение императора России дивидендов не принесло. Погубили свое будущее и правые, и левые. Народовольцы уничтожили возможность дать стране хотя бы возможность выбрать путь реформ. Их противники, хотя и одержали локальную победу, не смогли удержать страну от тяжелых потрясений. Кризис нарастал, а возможности эволюционным путем изменить ситуацию уже не было.

Михаил Дмитриевич Скобелев

Генерал от инфантерии. Герой завоевательных походов в Средней Азии и русско-турецкой войны за освобождение балканских славян. Из потомственных военных – не родовит. Скромное происхождение не помешало блестящей карьере. Незадолго до смерти выслужился в полные генералы. Скончался в июне 1882 г. в Москве в возрасте 38 лет. На момент смерти – самый популярный человек в стране. С генералами такое в русской истории случается. Вспомните хотя бы Лавра Корнилова, Григория Жукова, Александра Лебедя.

Слава Скобелева объясняется просто. После поражения России в Крымской войне и позорного мира нация чувствовала себя униженной. Поэтому с невероятным энтузиазмом народ воспринял успешные завоевательные походы в Среднюю Азию, позволившие значительно расширить границы империи, а так же победоносную русско-турецкую войну 1877-78 гг., когда русские войска принесли свободу братьям-болгарам. Скобелев умело создал себе репутацию чуть ли не самого успешного военачальника этих компаний. Постаралась пресса. Реально он руководил только последней своей операцией – Ахал-Текинским походом. Присоединением Туркмении Россия обязана именно Скобелеву.

В остальных компаниях он был на вторых и третьих ролях. Но стоит отметить, что Скобелев всегда выигрывал конкретные сражения. Победителей любят. К тому же Михаил Дмитриевич отличался невероятной храбростью: в первых рядах, под пулями, всегда в белом мундире и на белом коне, за что был прозван «Белым генералом». Его обожали солдаты за невероятный демократизм и искреннюю о них заботу.

Он был отличный оратор. С военной прямотой в своих выступлениях всегда, без дипломатических экивоков, отстаивал интересы России. К концу жизни он уже так невероятно популярен, что его литографированные портреты продавались по всей России, как в наше время продаются постеры поп-звезд.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: ИНФАРКТ

Получив месячный отпуск 22 июня 1882 г., М. Д. Скобелев выехал из Минска, где стоял штаб его корпуса, в Москву. Его сопровождали несколько штабных офицеров и командир одного из полков барон Розен. По обыкновению Михаил Дмитриевич остановился в гостинице «Дюссо», намереваясь 25 июня выехать в свое рязанское имение Спасское, чтобы пробыть там «до больших маневров». По приезде в Москву Скобелев встретился с князем

Дмитрием Оболенским, по словам которого генерал был не в духе, не отвечал на вопросы, а если и отвечал, то как-то отрывисто. По всему видно, что он чем-то встревожен. 24 июня Скобелев пришел к знаменитому публицисту Ивану Аксакову, принес связку каких-то документов и попросил сохранить их, сказав: «Боюсь, что у меня их украдут. С некоторых пор я стал подозрительным».

На другой день состоялся обед, устроенный бароном Юлием Розеном в честь получения очередной награды. Скобелев был задумчив и мрачен. «А помните, – сказал он сотоварищам, – как на похоронах в Геок-Тепе поп сказал: слава человеческая, аки дым преходящий… подгулял поп, а… хорошо сказал».

После обеда вечером Скобелев отправился в гостиницу «Англия», которая находилась на углу Столешникова переулка и Петровки. Здесь на первом этаже огромный номер занимали девицы легкого поведения, в том числе и Шарлотта Альтенроз (по другим сведениям ее звали Элеонора, Ванда, Роза).

Далее предоставим слово знаменитому московскому репортеру Владимиру Гиляровскому. «Двое ворот вели во двор, одни из Столешникова переулка, а другие с Петровки, рядом с извозчичьим трактиром. Во дворе были флигеля с номерами. Один из них двухэтажный сплошь был населен содержанками и девицами легкого поведения, шикарно одевавшимися. Это были, главным образом, иностранки и немки из Риги. Большой номер, шикарно обставленный в нижнем этаже этого флигеля, занимала блондинка Ванда, огромная, прекрасно сложенная немка, которую знала вся кутящая Москва.

И там, на дворе от очевидцев я узнал, что рано утром 25 июня к дворнику прибежала испуганная Ванда и сказала, что у нее в номере скоропостижно умер офицер. Одним из первых вбежал в номер парикмахер И. А. Андреев, задние двери квартиры которого как раз против дверей флигеля. На стуле, перед столом, уставленным винами и фруктами, полулежал без признаков жизни Скобелев. Его сразу узнал Андреев. Ванда молчала, сперва не хотела его называть. В это время явился пристав Замойский, сразу всех выгнал и приказал жильцам: – Сидеть в своем номере, и носа в коридор не показывать!

Полиция разогнала народ со двора, явилась карета с завешенными стеклами, и в один момент тело Скобелева было увезено к Дюссо, а в 12 часов дня в комнатах, украшенных цветами и пальмами, высшие московские власти уже присутствовали на панихиде».

Вскрытие производил профессор Московского университета Иван Нейдинг. В протоколе было сказано: «Скончался от

паралича сердца и легких, воспалением которых он страдал еще так недавно».

Результаты полицейского расследования не обнаружены. Что происходило в «Англии», мы доподлинно не знаем. Между тем смерть обрастала слухами.

Известный коллекционер Петр Щукин в 1912 г. утверждал со слов давно умершего министра внутренних дел Дмитрия Толстого: «Скобелев был найден в «Англии» голым и связанным. Якобы он приказал хлестать себя розгами или мокрыми полотенцами».

Правда, стоит уточнить, что источник этих сведений – слухи, циркулировавшие по Москве и записанные графом де Волланом, путешественником, писателем и дипломатом, к Скобелеву не расположенным. Кстати, де Воллан пишет, что Скобелев развлекался тогда в «Англии» одновременно с пятью девицами.

Некий А. Ф. Снегирев в 1917 г. в газете «Утро России», ссылаясь на ведшего дело Скобелева судебного следователя И. П. Победимова, утверждал: на теле Скобелева после смерти найдены были следы розог, к которым он прибегал как к «возбуждающему средству». Именно садо-мазохистские игры с «девушками» Ванды и способствовали инфаркту.

Каким-то сверхъестественным сладострастником Скобелев не был, но и монахом тоже. Все в пределах нормы. Женщин любил. В молодости даже, говорят, слишком. В юности вел такую гусарскую жизнь – пиры и много доступных женщин. С возрастом остепенился. Пить пил, но в пределах нормы – предпочитал вино. Крепкого вообще не употреблял. То же и с женщинами. Он был разведен, то есть свободен.

Пользовался услугами дам, подобных Шарлоте Альтенроз, но не больше, чем среднестатистический богатый, молодой, свободный и здоровый мужчина. История про оргию в «Англии» вполне правдоподобна: он в те дни был на взводе, даже пил больше обычного, мешал шампанское с портером. Можно, конечно, предположить, что, подпив, он позволил себе больше обычного и с женщинами.

Организм боевого генерала, не раз рисковавшего жизнью, не выдержал. В Туркестанских походах он получил несколько шашечных ранений, а в войне с турками был дважды контужен. Нервное возбуждение, алкоголь и секс – все сверх нормы – дают в сочетании инфаркт. У Скобелева оказалось слабое сердце, и стрессовая ситуация (экстремальный секс с несколькими проститутками) привела его к преждевременной смерти.

Вот как описывает здоровье генерала его лечащий врач Оскар Гейфельдер: «Сравнительно с ростом и летами пульс у Скобелева

был слабоват и мелкий, и соответственно тому деятельность сердца слаба и звуки сердца хотя и чистые, но глухие. Этот результат аускультации и пальпации, состояние всех вен и артерий, насколько они доступны наружному осмотру, вместе с патологическим состоянием вен, дали мне основание заключить о слабо развитой сосудистой системе вообще и о слабо развитой мускулатуре сердца».

Итак, все до банального просто. Тридцативосьмилетний богатырь стал жертвой собственной невоздержанности.

Но герои так не умирают – не героически и не светски. Немедленно после смерти поползли слухи: Скобелев убит.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: УБИТ ШПИОНАМИ

Тот же боевой товарищ Скобелева доктор Гейфельдер, впервые высказавший мысль о предрасположенности генерала к ишемической болезни, отмечал его необыкновенную выносливость и энергию. «Белый генерал» мог сутками без сна совершать длительные переходы верхом, сохраняя бодрость и работоспособность. Это позволяет предполагать, что в действительности сердечная система Скобелева не могла стать причиной преждевременной смерти.

Меж тем известно, что Скобелев никогда на сердце не жаловался. На протяжении всей своей жизни этот человек отличался невероятной выносливостью. В седле мог проводить недели. Ему нипочем были пустыни Туркестана и горные перевалы Балкан. Как-то все это не вяжется с образом больного-сердечника. Ну, желудок, печень и кишечник были не совсем в порядке – об этом сообщает тот же Гейфельдер. А у кого они в порядке, особенно при путешествии по Средней Азии?

Сослуживец Скобелева генерал Каспар Блюмер утверждал: никакого медицинского вскрытия не было, более того, по его словам, власти не допустили к телу генерала лично тому преданного врача-черногорца. Посмертный диагноз – фальсификация.

Многие полагали (и полагают) – Скобелева отравили немцы. Так говорили в народе. Так считали и многие представители образованного сословия. Стоит напомнить, что в Российской империи значительная часть бюрократического аппарата состояла из этнических немцев. В результате, на Руси немцев не любили, и приписывали им всякие гнусности – нормальная ксенофобия. Но в случае генерала Скобелева поиски немецкого следа – не такой уж и бред. Определенные основания для таких подозрений были.

По большому счету, в то время оставалось два немецких государства – Австро-Венгрия и собственно Германия – две мощные империи. Германская империя возникла только в 1871 г.

Генератором объединения немецких земель вокруг Пруссии был Отто фон Бисмарк, знаменитый Железный канцлер. Этот отец немецкой государственности на протяжении всех 70-х и начала 80-х определял внешнюю и внутреннюю политику Германии, и именно он в глазах Скобелева представлял наибольшую опасность для России. Соответственно, русский патриот Скобелев считал Бисмарка личным врагом. Иметь такого врага, как Скобелев, в Европе не хотел бы никто – гениальный полководец, плюс неформальный лидер нации. Для Бисмарка Скобелев был постоянным раздражителем. Смерть белого генерала для Железного канцлера – настоящий подарок.

В феврале 1878 г. Россия, по сути, выиграла войну с Турцией. Авангард русской армии стоял в одном дне перехода до Стамбула (Константинополя). Командовал им Скобелев. Войди он в Стамбул, над Айя-Софией мог бы взметнуться православный крест. А Скобелев стал бы не менее знаменитым, чем Наполеон или Александр Македонский. Россия получила бы выход к Средиземному морю. Но европейские дипломаты, собравшиеся через несколько месяцев на Берлинский конгресс, объявили: захват Константинополя означает войну европейской коалиции против Российской империи. И если Австро-Венгрию и Англию Россия рассматривала как противников, то измена Бисмарка и Германии стали ножом в спину. Бисмарк украл у России победу, а у Скобелева – мечту и мировую славу.

Скобелев, ввязавшись в политику, действовал так же, как на поле боя: подставлялся под пули на белом коне и в белом мундире. Рубил с плеча, но, судя по всему, действовал отнюдь не спонтанно. Его первое громкое политическое выступление произошло в январе 1882 г. в Петербурге, и был это, как ни удивительно, тост. На праздновании годовщины взятия Геок-Тепе, предопределившего успех Ахал-Текинской экспедиции, Скобелев произнес тост, в котором воззвал к патриотическому чувству собравшихся.

На специально устроенном празднике в ресторане Бореля он говорил об исторической миссии России как лидера и защитника славянских народов и о неких иноплеменниках-недоброжелателях, не позволяющих эту миссию осуществить. В конце он прямо обвинил Австро-Венгрию, как сейчас бы сказали, в геноциде славян: «Господа, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность – именуют разбойниками и поступают с ними, как с таковыми!.. Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единоверные нам груди… Я не

договариваю, господа… Сердце болезненно щемит. Но великим утешением для нас – вера и сила исторического призвания России».

Упомянутым тостом Скобелев не ограничился. В 1882 г. он отправляется в Париж, а Франция была главным врагом Германии. И там выступает с антигерманской речью перед сербскими студентами: «Враг – это Германия.

Борьба между славянством и тевтонами неизбежна. Она даже очень близка. Она будет длительна, кровава, ужасна, но я верю, что она завершится победой славян. Могу вас заверить, что если будут задеты государства, признанные европейскими договорами, будь то Сербия или Черногория… одним словом… вы не будете биться в одиночку. Еще раз благодарю и, если то будет угодно судьбе, до свидания на поле битвы плечом к плечу против общего врага».

Скобелев был, конечно, прекрасным оратором, но в первую очередь он был человеком действия, поэтому речами не ограничился. В Париже он устанавливает тесный контакт с лидером республиканцев, премьер-министром Франции Леоном Гамбетта и его ближайшей помощницей Жюльеттой Адам. Ведет какие-то переговоры, сопровождающиеся заявлениями о необходимости союза Франции и России против Германии и Австро-Венгрии. Такой союз станет реальностью уже после смерти Скобелева еще в царствование Александра III. Скобелев верно чувствовал грядущие изменения политического расклада в Европе.

Это уже настоящая политика. Скобелев становится главным в России врагом Германии и врагом опасным. В Петербурге при дворе германофильская партия еще очень сильна. Генерала отзывают из отпуска. Он возвращается, а через полгода умирает при загадочных обстоятельствах в Москве, в гостинице «Лондон».

Правда, убийство не оставило следов. Те, кто говорил о немецком следе, приводили только один аргумент – Скобелев скончался в номере у австрийской подданной Шарлоты (или Ванды) Альтенроз, которая, выходит, была агентом Бисмарка. Официальные результаты вскрытия об отравлении не говорят.

Тело Скобелева после смерти лицезрели многие. Несколько мемуаристов описывают странное явление. Тело быстро разлагалось. Самое подробное описание оставил друг Скобелева писатель Василий Немирович-Данченко. Стоит заметить, что среди современников у Немировича была репутация враля (Немирович-Вральченко). Это, правда, не обязательно значит, что его описание не соответствует действительности. «На желтом, страшно желтом лице Скобелева проступали синие пятна… Губы

слиплись, слились… Глаза ввалились… И весь он как-то ввалился… Ввалилась грудь так, что плечи с эполетами торчали вперед, ввалилась шея, точно голова была отделена от нее».

Если не считать шепота народа на улицах Москвы и разговоров в светских гостиных, которые начались сразу – об этом свидетельствуют очень многие (тот же Немирович в поздних мемуарах, а также Карцов, Толбухов, Марков и др.), то первой версию убийства Скобелева враждебной разведкой озвучила та самая Жюльетта Адам, помощница Гамбетта. Она об этом прямо писала. Но стоит учитывать, что у Адам были поводы говорить о немецком следе. Она была заинтересована в продолжении дела, начатого Скобелевым – создании антигерманского союза России и Франции. Приписать немцам убийство героя нации – отличный ход.

«Замечательно, – отмечал современник, – что и в интеллигентных кругах держалось такое же мнение. Здесь оно выражалось даже более определенно: назывались лица, которые могли участвовать в этом преступлении, направленном будто бы Бисмарком… Этим же сообщением Бисмарку приписывалась пропажа плана войны с немцами, разработанного Скобелевым и выкраденного тотчас после смерти генерала из его имения».

Эту версию поддерживали и некоторые представители официальных кругов. Советник императора князь Владимир Мещерский в 1887 г. писал Победоносцеву: «Со дня на день Германия могла наброситься на Францию, раздавить ее. Но вдруг благодаря смелому шагу Скобелева сказалась впервые общность интересов Франции и России, неожиданно для всех и к ужасу Бисмарка. Ни Россия, ни Франция не были уже изолированы. Скобелев пал жертвою своих убеждений, и русские люди в этом не сомневаются. Пали еще многие, но дело было сделано».

Впрочем, если Бисмарк и послал к Скобелеву свою агентшу, то политической цели он не достиг. Россия все больше сближалась с врагом Германской империи – республикой Франция.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО, ИНИЦИИРОВАННОЕ АЛЕКСАНДРОМ III

Третья версия – самая захватывающая. Впервые о ней заговорили через тридцать с лишним лет после смерти Скобелева. Раньше и не могли. Должна была произойти революция, потому что открыто заявить, что Скобелева отравили по заданию или, как минимум, с ведома императора Александра III, до этого по цензурным условиям было просто немыслимо.

Итак, согласно этой версии, русский царь стоял за убийством одного из лучших своих полководцев, который завоевывал для

империи новые земли и считал врагов родины своими личными врагами. Чтобы пойти на этот шаг, основания должны быть очень вескими.

И они были. Есть серьезные основания полагать, что Скобелев представлял опасность для Александра III, неожиданно оказавшегося на троне после трагической гибели своего отца.

Стоит напомнить историю восшествия на престол императора Александра III.

Александр III унаследовал престол в марте 1881 г. после убийства народовольцами императора Александра II. Наследником стал после смерти в 1864 г. старшего брата Николая. Официально короновался только в мае 1883 г. – два года паузы вызваны трауром по отцу. Сразу после коронации выступил с программой создания мощной властной вертикали, которую и начал незамедлительно проводить в жизнь.

Отношения между императором и полководцем, получается, были недолгими – чуть больше года. Историю этих отношений проследить легко. Она хорошо документирована.

Вскоре после гибели Александра II Скобелев возвращается победителем из Ахал-Текинского похода. По всей стране его поезд встречают многотысячные толпы народа и славят его как национального героя. Скобелев приезжает в Петербург.

Прием у нового самодержца. Александр подчеркнуто холоден и почти груб. Ни слова о грандиозном военном успехе. И на прощание едкий вопрос: «А как у вас, генерал, с дисциплиной в отряде?» Скобелев выходит в бешенстве. Разговор пересказывают во всех столичных гостиных, что только подливает масла в огонь. Честно говоря, вопрос о дисциплине – не такой уж и пустой. Сам Скобелев дисциплиной не страдал. Почему бы не предположить, что и в отряде у него вольница.

Возможно, до Александра доходили какие-то слухи о том, что Скобелев отзывался о нем как о полнейшем ничтожестве и вполне обоснованно полагал: в новое царствование ему, Скобелеву, будет несладко.

При дворе старого императора у Михаила Дмитриевича была мощная поддержка – целая россыпь его родственников в эпоху реформ занимала видные посты, к тому же сам Александр II относился к Скобелеву с искренней симпатией. Скобелев, например, считал, что Александрова реформа армии была величайшим благом для России. Зная же нового царя еще наследником, он – справедливо, как показала история – опасался контрреформ.

Одним словом, от Александра III «Белый генерал» не ждал ничего хорошего. Где-то чего-то он сказал – а то, что он говорил,

мы знаем точно (об этом пишут Валуев и Врангель) – Александру об этих высказываниях, вероятно, стало известно. Это как раз то время, когда из полководца Скобелев начал превращаться в политика. Его словам придавали особое значение.

Вот тут и начинается настоящий политический триллер. Само победоносное возвращение Скобелева из Средней Азии в момент, когда верховная власть переживала кризис – убийство императора серьезно подорвало авторитет монархии – заставило некоторых современников искать параллели с возвращением Наполеона из Египта.

При дворе поползли слухи. Первый – что Скобелев во время коронации устроит государственный переворот и сам займет престол под именем Михаила III. Второй – что Скобелев устроит военный переворот в пользу одного из великих князей.

Для историков, занимавшихся этой версией, очевидно, что Скобелев в последний год-полтора своей жизни что-то действительно замышлял. В последний приезд в Москву у него на руках, как сообщает князь Дмитрий Оболенский, был миллион рублей, который таинственно исчез чуть ли не накануне смерти.

Скобелев, по словам того же Оболенского, обернул в деньги ценные бумаги и что-то продал из своего рязанского имения и, якобы, так собрал эту огромную сумму. Скобелев намекал, что собирается истратить эту сумму на болгарские дела, но можно предположить – и такие предположения делались – что эти деньги генерал пустит в ход не в Болгарии, а на родине. Период между смертью старого императора и коронацией нового – самый удобный для переворота.

Есть мемуарное свидетельство народовольца Сергея Иванова, что в Париже Скобелев пытался наладить контакт с «Народной волей», то есть с террористами, убившими предыдущего императора. Скобелев предлагал встретиться для переговоров патриарху народничества Петру Лаврову, но тот отказался.

Параллельно – и об этом мы тоже знаем из мемуаров народовольцев (тот же Иванов и Эспер Серебряков) – в Петербурге были контакты с «Народной волей» у генерала Драгомирова, одного из наиболее близких к Скобелеву русских армейских начальников.

Есть и еще один важный факт – в 1881 г. в разговоре с графом Валуевым Скобелев обмолвился, что немедленная война с Германией поможет решить России в том числе и династический вопрос.

Были ли такие планы опасными? Несомненно. Император знал, «Народная воля» еще смертельно опасна. Опасна настолько, что Александр предпочитал находиться в Гатчине: в столице

могли убить. Откладывалась и коронация – она по традиции проходила в Москве.

Мог ли Скобелев действительно планировать переворот? Как и все бескорыстные заговорщики в мировой истории, Скобелев желал величия и благоденствия родине. Скобелев по взглядам был близок к славянофилам – отсюда идеи панславизма и т. п. Он не был прожженным консерватором, как не были им, в сущности, и русские славянофилы, о чем сегодня иногда забывают. Герцен, например, считал умеренных русских националистов своими стратегическими союзниками, потому что они делали одно дело, подходя с разных сторон.

Скобелев мечтал о великой России во главе свободного славянского мира. Величие России, судя по некоторым сведениям, генерал видел в представительном правлении с сохранением в каком-то виде монархии. По крайней мере, он был сторонником проектов Игнатьева о созыве Земского собора, отклоненных в начале царствования Александром III. То есть он был за углубления реформ, в которых видел залог величия России. Он не был патриотом в сегодняшнем понимании, когда между патриотизмом и сугубым консерватизмом ставится знак равенства. Одним словом, Скобелев был за все то, чего от нового императора ожидать не приходилось.

В 1917 г. были опубликованы мемуары некого Федора Дюбюка, в котором он рассказывает о слышанной им из достоверных источников истории. В ближайшем окружении Александра III под председательством великого князя Владимира Александровича был учрежден специальный тайный суд, приговоривший большинством в 33 голоса из 4 ˚Скобелева к смерти за подрывную антигосударственную деятельность. Этот приговор и был приведен к исполнению в гостинице «Англия».

Ряд мемуаристов говорит о том, что Скобелев был убит агентами «Священной дружины», тайной монархической организации – тоже очень близко связанной с двором, соответственно с ведома царя. «Священная дружина» возникла после убийства Александра II с целью противодействия революционному террору методами самих террористов.

Куда-то исчез и таинственный скобелевский миллион. История очень темная. Сам генерал рассказывал князю Оболенскому, что пропал он следующим образом. Некто Маслов, близкий человек к семье Скобелевых, безусловно им преданный, на протяжении десятилетий вел все денежные дела семьи. Так вот этот Маслов по указанию Михаила Дмитриевича миллион этот забрал, а потом неожиданно сошел с ума. Был полностью невменяем. Добиться от него, где лежат деньги, сам генерал так и

не смог. Правду ли говорил Скобелев Оболенскому, мы не знаем. Миллион пропал. Скобелев по этому поводу накануне смерти крепко пил.

Сторонники версии убийства «Белого генерала» царским двором, упирают на следующий факт. В ту ночь, когда Скобелев расслаблялся в номере у Шарлоты Альтенроз, по соседству, за стеной, гуляла дружеская компания. Зная, что Михаил Дмитриевич рядом, они громогласно провозглашали тосты за «Белого генерала». Закончилось тем, что соседи послали ему бокал шампанского, который Скобелев и выпил. Вот там и был яд. Компания была вполне себе русская и немцы ни при чем.

Вокруг трагедии в московской гостинице, как снежный ком, нарастал клубок легенд и слухов. Высказывались самые различные, даже взаимоисключающие предположения, но все они были едины в одном: смерть М. Д. Скобелева связана с таинственными обстоятельствами.

Передавая широко муссируемый в России слух о самоубийстве, одна из европейских газет писала, что «генерал совершил этот акт отчаяния, чтобы избежать угрожавшего ему бесчестия вследствие разоблачений, удостоверяющих его в деятельности нигилистов».

Отчего бы ни умер Скобелев, он ушел из жизни хотя и безвременно, но вовремя. Такие как он при дворе Александра III чувствовали себя белыми воронами.

Скобелев похоронен в своем родовом имении, селе Спасском-Заборовском Раненбургского уезда Рязанской губернии, рядом с родителями, где еще при жизни, предчувствуя кончину, приготовил место для могилы

Петр Ильич Чайковский

Петр Ильич Чайковский. Выпускник Императорского училища правоведения. Автор 10 опер, в том числе «Пиковой дамы» и «Евгения Онегина», балетов «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик», 40 инструментальных произведений. Почетный доктор Кембриджского университета. Самый знаменитый в мире русский композитор, любимец Александра III. С 1888 г. находился на государственном обеспечении. Чайковский получал государственный грант 3000 рублей в год, что сопоставимо с жалованием генерала.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: ХОЛЕРА

Величайший композитор XIX столетия П. И. Чайковский скончался 24 октября (по старому стилю) 1893 г. в Петербурге. Обстоятельства болезни, приведшей к трагическому исходу, широко освещались в тогдашних газетах. В Петербурге свирепствовала эпидемия холеры, и Чайковский стал одной из ее жертв.

Возбудитель холеры – вибрион, открытый Робертом Кохом в 1883 г. За свою форму микроорганизм получил название «холерная запятая». Бактерии поражают желудочно-кишечный тракт, активно размножаются и вырабатывают токсины, которые увеличивают проницаемость стенок тонкого кишечника. В результате жидкая составляющая крови выводится из организма. Стремительное обезвоживание при отсутствии лечения приводит к смерти почти половины больных.

Родина холеры – Индия. Для Европы и России эта болезнь, в отличие, скажем, от чумы, сравнительно новая. В XIX веке из британских колоний холерный вибрион четырежды попадал в Россию, и всякий раз с катастрофическими последствиями. Эпидемия, от которой, скорее всего, умер Петр Ильич, началась в 1888 г. К середине 1890-х она охватила 70 российских губерний. Холерой переболели 505 тысяч человек, 207 тысяч умерли. Примерно такой же процент смертности был в Петербурге. Летом 1893 г. в столице умирали от холеры по 100 человек в день.

Чайковский заболел 21 октября 1893 г., в четверг. Накануне, в среду, он чувствовал себя превосходно. Вместе с братом, Модестом Ильичем, любимым племянником Владимиром Давыдовым, композитором Александром Глазуновым и еще несколькими приятелями побывал в Александринском театре, где давали комедию Александра Островского «Горячее сердце». Жил Чайковский на аристократической Малой Морской, и по пути из театра домой зашел с компанией поужинать в ресторан Лейнера.

Угол Мойки и Невского, в центре Петербурга – исторически «ресторанное» место. Здесь, неподалеку от Зимнего дворца, всегда размещались заведения, где обслуживали по высшему разряду. Когда-то в здании, известном как Дом Котомина, находилась кофейня Вольфа и Беранже, откуда Пушкин отправился к месту дуэли на Черную речку. Заведение Лейнера, названное по имени владельца, выходца из немецкой Швейцарии, появилось на Невском в середине XIX века. Оно отличалось изысканной, прежде всего итальянской кухней, высоким уровнем сервиса и респектабельными посетителями.

По воспоминаниям сотрапезников Чайковского, Петр Ильич любил запивать еду холодной водой. В том числе и любимые спагетти, которые он в тот раз заказал у Лейнера. Понятно, что ему предложили бутылку сельтерской, но он попросил простой воды, что называется «без газа». В городе свирепствовала холера, и официант мог принести только теплую кипяченую воду, а Чайковский просил холодную. Несмотря на отказы официанта и протесты товарищей, Чайковский настоял на холодной, получил-таки стакан с сырой водой и выпил его.

Болезнь не сразу стала очевидной. Перекусив у Лейнера, братья Чайковские возвращаются пешком домой на М. Морскую, 13, поднимаются к себе на пятый этаж. Петр Ильич бодр, и никаких признаков уныния или недуга. Поздним утром следующего дня Модест выходит в гостиную, где обычно по утрам Петр Ильич пьет чай. Но брата в гостиной нет. Чайковский лежит в постели, жалуется на головную боль и расстройство желудка. Это случалось с Петром Ильичем, поэтому за доктором послали только к вечеру.

Человеку со слабым желудком было бы логично оберегать себя от возможности употребить некачественную пищу или питьевую воду. Тем не менее, стакан был выпит, Рубикон перейден. Почему же в разгар эпидемии холеры, в столице, где каждый день фиксировалось до сотни летальных исходов, в интеллигентной семье не хватились сразу?

Есть такие болезни, которые, как нам кажется, нас не касаются. Так было и будет. Считалось, что холера – это болезнь плохих санитарных условий, которая косит простонародье. Примерно как сейчас туберкулез. Мать Чайковского в 50-е годы действительно умерла от холеры. Но в конце XIX века в столице империи в окружении Чайковского никто холерой не болел. И сама мысль о том, что его могла не миновать общая участь, казалась в первый день болезни, по крайней мере, до резкого ухудшения самочувствия, экзотической.

Инкубационный период холерного вибриона длится от суток

до пяти. Это в среднем. Вариант с заражением через выпитый накануне стакан воды возможен при ослабленном желудке, низкой кислотности. Тем более что с утра, чтобы унять напряжение в желудке, Чайковский выпил стакан минералки «Гунияди Янос» (со щелочной средой), которая могла еще сильнее понизить кислотность. В щелочной или близкой к ней среде вибрионы размножаются намного активнее.

Диагноз «холера» применительно к Чайковскому впервые прозвучал в 11 часов вечера 21 октября из уст лейб-медика Льва Бертенсона. Братья Бертенсоны – Лев и Василий, оба врачи – были друзьями семьи Чайковских. Они стали едва ли не главными действующими лицами в драме последних дней жизни Петра Ильича.

Лейб-медик Лев Бертенсон и его брат и многолетний ассистент Василий Бертенсон были вхожи в светские круги Петербурга. Лев Бернгардович считался отменным диагностом, имел обширную практику. Среди его пациентов Лев Толстой, Тургенев, Мусоргский, члены императорской семьи. Доктор Бертенсон был настолько популярен, что в 1909 г. некий предприниматель использовал его имя в газетной рекламе огурцов.

Конечно, Бертенсоны практически никогда не лечили холеру. Они не инфекционисты, их пациенты холерой не болеют. Вообще говоря, петербургскими врачами был накоплен огромный практический опыт лечения холерных больных. Но – это можно наблюдать и теперь – степень доверия «близким» врачам, врачам «с рекомендациями» была чрезвычайно высокой. Выбор медика, а соответственно и метод лечения мог стать роковым.

Рассказ лейб-медика Л. Б. Бертенсона (газета «Новое время» от 26 октября 1893 г.).

«Все средства оказались безуспешными. Одного из них, – ванны – я не применял, так как мне было известно, что мать Петра Ильича скончалась от холеры именно в то время, когда ее посадили в ванну. Это обстоятельство поселило в П. И. и его родственниках суеверный страх к ванне. В субботу признаки отравления мочой сделались очевидными. Я решил сделать П. И. ванну. Но к вечеру надежда была потеряна».

Смерть Петра Ильича вызвала скандал. Кончина композитора обсуждались в тогдашней прессе. Медицинские детали исключительно долго заполняли страницы периодики. Они вызвали раскол во мнениях, настоящую журнальную войну. Диагноз «холера» сомнению не подвергался. Дискуссия велась относительно того, не поздно ли подключились врачи Бертенсоны, и верно ли велось лечение.

Алексей Суворин писал в своем «Новом времени»: «Я не только возмущен этой смертью, но недоволен и г. Бертенсоном, который лечил Чайковского».

А вот мнение редакции «Петербургской газеты»: «Так или иначе, но по отношению к покойному Чайковскому далеко не все было сделано, чем располагает медицина. Из ее арсенала была вынута небольшая часть оружия, да и та не вполне пущена в дело».

Бертенсонов обвиняли в том, что они поздно установили правильный диагноз, не использовали в лечении Петра Ильича ванны для борьбы с обезвоживанием организма больного, не собрали консилиум специалистов.

Как бы то ни было, в ночь на 25 октября Петр Ильич скончался. И по официальной версии – от холеры. Независимо от того, правильно его лечили или нет. Для империи это стало ударом.

Никогда прежде в России прощание с деятелем культуры не носило такого подчеркнуто общегосударственного характера. В средних и высших учебных заведениях прервали занятия. Отпевали Петра Ильича в кафедральном Казанском соборе. Огромная толпа сопровождала гроб на протяжении всего Невского проспекта – до Александро-Невской лавры. На могилу возложили сотни венков, в том числе от императорской фамилии.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: САМОУБИЙСТВО

Вопрос о том, была ли именно холера причиной смерти Петра Ильича, неожиданно возник в 70–80 годы двадцатого века. Тогда начали выплывать прежде неизвестные устные свидетельства, ставящие всю эту историю с ног на голову. Сейчас очень многие и в России, и особенно за рубежом полагают, что в истории со смертью Чайковского все не очень чисто.

Первой появилась версия о желанной смерти: «фаталистическая», «непротивленческая»: мучимый сексуальными комплексами невротик готов уйти из жизни, не справившись с грузом психологических проблем. Пренебрежение правилами гигиены в период эпидемии – завуалированный прием набожного самоубийцы.

В 6-й симфонии Чайковского, «Патетической» (ее премьера состоялась за несколько дней до трагических событий, ее же исполнение увенчало «траурные мероприятия»), многие задним числом услышали интонации скорби, прощания с жизнью, одним словом то, что называется «предчувствие».

Если принять на веру, что 6-я симфония – это завуалированное послание о готовности принять смерть, все равно возникает вопрос: каким образом Петр Ильич осуществил

это свое желание. И откуда это желание, собственно, могло появиться? Чайковский был всенародно любим, обласкан вниманием государя, получил прижизненное мировое признание. Чего ему не хватало? Грубо говоря, каков мотив?

Эта версия базируется на уже совершавшейся Чайковским попытке уйти из жизни. Вскоре после женитьбы на Антонине Милюковой, глубокой осенью 1877 г. в Москве он предпринял попытку самоубийства. По воспоминаниям приятеля Чайковского профессора Московской консерватории Николая Кашкина, Петр Ильич рассказал: «Я вполне осознавал, что виновным во всем был один я, что никто в мире мне помочь не может, а потому оставалось терпеть, пока хватает сил, и скрывать от всех мое несчастье. Я стал думать о средствах исчезнуть менее заметно и как бы от естественной причины; одно такое средство я даже попробовал».

Этот пересказ косвенно подтверждает письмо Чайковского от 25 октября: «Я пошел на пустынный берег Москвы-реки, и мне пришла в голову мысль о возможности получить смертельную простуду. С этой целью, никем в темноте не видимый, я вошел в воду почти по пояс и оставался так долго, как только мог выдержать ломоту в теле от холода. Здоровье мое оказалось, однако, настолько крепким, что ледяная ванна прошла для меня без всяких последствий». Косвенное подтверждение находим и в другом письме композитора: «Если бы я остался хоть еще один день в Москве, то сошел бы с ума или утопился бы в вонючих водах все-таки милой Москвы-реки».

Не все историки склонны верить рассказу Кашкина, но большинство склоняется к тому, что понявший роковую невозможность жить супружеской жизнью Петр Ильич осенью 1877 г. действительно хотел заболеть и умереть.

Но смерть пришла к композитору много позже – спустя 16 лет. Получается, суицидальные настроения, если таковые были, что называется, взяли паузу. Почему Петр Ильич избрал такой способ сведения счетов с жизнью? Могут ли склонные к суициду люди после первой неудачной попытки предпринять следующую спустя такой большой отрезок времени?

Да, считают психиатры, суицидальный тип существует. И те, кто уже совершали попытку самоубийства единожды, имеют гораздо большую вероятность попытаться еще раз.

Здесь мы должны коснуться темы, которая прежде не звучала. Официальной традицией исследования жизни Чайковского она игнорировалась напрочь. Речь о сексуальной ориентации Петра Ильича. Чайковский был, как сейчас бы его назвали, геем. Это подтверждают личные переживания Петра Ильича, дошедшие до

нас в его письмах.

Из письма брату Модесту от 28 сентября 1877 г.

«Представь себе! Я даже совершил на днях поездку в деревню к Булатову, дом которого есть не что иное, как педерастическая бордель. Мало того, что я там был, но я влюбился как кошка в его кучера!!! Итак, ты совершенно прав, говоря в своем письме, что нет возможности удержаться, несмотря ни на какие клятвы, от своих слабостей».

Гомосексуализм, половое влечение мужчины к мужчине, в XIX веке во всем мире, в том числе и в России считалось уголовным преступлением. Но по факту такого рода отношения в русском свете были весьма распространены. Из современников Чайковского назовем великих князей Константина Константиновича и Сергея Александровича, ближайшего советчика государя, князя Владимира Мещерского. По воспоминаниям современников, мужчины-проститутки предлагали себя в местах публичных прогулок, таких как Невский проспект и Конногвардейский бульвар.

И хотя полиция и общество закрывали глаза на гомосексуализм, флер скандала и неприличия в нем был. Всегда существовала угроза шантажа, злостной сплетни, да и судебного преследования. Природная нервность Петра Чайковского многократно усиливалась его сексуальными склонностями.

События, по мнению сторонников версии о завуалированном самоубийстве, развивались так. Вознамерившись уйти из жизни «незаметно», в разгар эпидемии Петр Ильич преспокойно употребляет в ресторане сырую воду, зная, что таким образом он рискует получить смертельное заболевание. Своего рода русская рулетка. И кстати, современный исследователь Чайковского Николай Блинов считает, что так называемый «холерный» стакан мог быть выпит Чайковским где угодно в предшествовавшие походу в ресторан «Лейнер» дни. По Николаю Блинову, ни стакан воды, выпитый за завтраком, ни тот, из которого композитор запивал макароны у Лейнера, не могли являться «холерными». Заражение произошло от 18 октября до середины дня 20-го.

Блинов, а с ним и автор наиболее полной, последней биографии композитора Александр Познанский приходят к выводу: при стоическом отношении Чайковского к возможности смерти он наверняка выпил сырую воду где-то раньше, не в «Лейнере». А где – кто знает?

Покончить жизнь самоубийством путем «непротивления заражению холерой» – ход неэстетичный и по меньшей мере странный: версия в принципе умозрительна. Нет классического атрибута самоубийцы – предсмертной записки. И все же остаются

сторонники этой версии.

С их точки зрения самоубийство глубоко религиозного Чайковского только так и могло случиться. Не убивать себя сознательно, а предоставить Провидению выбор участи. И сказать последнее слово 6-й симфонией. Но версия, которую мы только что рассмотрели, является переходным звеном к так называемой версии Самоубийства по Приговору.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: САМОУБИЙСТВО ПО ПРИГОВОРУ

Обычная сцена из кинофильма или романа. Некто начальственный говорит герою: «Вот Вам пистолет. Я оставляю Вас в одиночестве. Вы знаете, как в этой ситуации должно поступить мужчине» (или офицеру, или дворянину). Дверь закрывается. Раздается выстрел.

В нашем случае подразумевается, что в силу своих сексуальных предпочтений Чайковский спровоцировал скандал. У него случился роман с молодым человеком из хорошей семьи. И в связи с этим он был приговорен к добровольно-обязательному уходу из жизни. Иными словами, ему якобы был предложен суицид как способ не допустить гомосексуальный скандал в высшем обществе. Судьями стали товарищи Чайковского по его alma mater – Императорскому училищу правоведения. Фактически приговор вынес сам Александр III. Эта версия появилась лет 40 назад.

В конце 70-х из СССР в США эмигрирует музыковед Александра Орлова, бывшая сотрудница Музея Чайковского в Клину. В 1980 г. в редактировавшейся Сергеем Довлатовым нью-йоркской газете «Новый американец» появляется статья Орловой с сенсационными подробностями биографии Чайковского. В 1987 г. в журнале «Континент» она публикует большую статью «Тайна жизни и смерти Чайковского», суть которой в следующем: Петр Ильич был вынужден покончить жизнь самоубийством по приговору некоего таинственного «суда чести».

О том, что Чайковский отравился мышьяком, Орлова рассказывает со слов ушедших из жизни современников Петра Ильича. Они или их потомки рассказали об этой страшной тайне лично Александре Орловой. Опубликовать сенсационные сведения в СССР было невозможно, и поэтому Орлова сообщила их через много лет, когда живых свидетелей уже не осталось.

Версию охотно подхватили западные исследователи. Отечественные музыковеды оказались неподготовленными к этой дискуссии, потому что в отечественной традиции сомнениям в обстоятельствах смерти Чайковского места нет.

Надо сказать, что версия Орловой внутренне не противоречива. Речь идет об увлечении, которое композитор

испытал к Александру Стенбок-Фермору (1878–1945), племяннику шталмейстера, графа Алексея Александровича Стенбока-Фермора.

Александр Стенбок-Фермор вполне реальный персонаж, владелец имения Ольгина под Петербургом, умерший в эмиграции. Род знаменитый, знатный.

Так вот, Орлова утверждала, что выпускник училища правоведения Александр Войтов рассказал ей такую историю: в 1893 г. у Чайковского завязался роман с юным племянником графа Стенбок-Фермора, близкого друга Александра III. Разгневанный граф написал жалобу царю и передал ее главному прокурору Сената Николаю Якоби, однокласснику композитора по училищу правоведения.

Кстати, и Александр Войтов, и Николай Якоби и вправду были правоведами.

Якоби, обеспокоенный возможным уроном репутации родного элитного учебного заведения, созвал «суд чести» из школьных товарищей, бывших в то время в Петербурге. После пяти часов прений за закрытыми дверями, по свидетельству очевидцев, Чайковский вышел «очень бледный и взволнованный». Условием, при котором «судьи» соглашались скрыть обстоятельства этого дела, было то, что композитор лишит себя жизни, имитировав холеру, симптомы которой сходны с отравлением мышьяком. В подтверждение «рассказа Войтова» Орлова привела множество косвенных доказательств, подтверждающих свою версию.

В первую очередь – это свидетельства очевидцев, которые заявляли, что после смерти Чайковского не были проведены необходимые в случаях смерти от холеры карантинные мероприятия. Римский-Корсаков, например, писал: «Как странно, Чайковский умер от холеры, но доступ на панихиду был свободный. Помню, как Вержбилович целовал покойного в голову и лицо». Никто также не собирался дезинфицировать дом композитора, а использованные простыни вместо того, чтобы сжечь, отправили в прачечную. Это совершенно не вяжется с версией гибели от заразной болезни.

Орлова утверждала также, что, работая в закрытых архивах музея Чайковского в Клину, она собственными глазами видела письмо лечащего врача композитора доктора Бертенсона к брату Чайковского Модесту, где он давал наставления по поводу того, как следует описывать смерть от холеры. Что имело смысл лишь в одном случае – если бы Петр Ильич умер совершенно по другой причине.

Итак, отравление мышьяком после «приговора» правоведов, соучеников Чайковского по Императорскому училищу

правоведения. Училище правоведения было основано Николаем Первым. Среди его выпускников – сотни влиятельнейших людей своего времени и десятки выдающихся. В различные годы его окончили Чайковский, критики Стасов и Евреинов, поэт Апухтин, дипломат Розен, шахматист Алехин, политик Владимир Набоков-старший и другие. В народе воспитанников училища называли «чижиками-пыжиками». Пыжиковая шляпа была отличительной деталью зимней униформы.

Здесь обучались Петр Чайковский и его брат Модест. Гомоэротическая насыщенность эмоциональной атмосферы считалась свойством всех подобных закрытых мужских учебных заведений. Кроме братьев Чайковских, гомосексуалистами были другие знаменитости: поэт Алексей Апухтин и композитор Сергей Танеев. Но эта сторона жизни училища должна была оставаться неизвестной для посторонних.

Вот эпизод, относящийся к 1860 г., описанный правоведом Владимиром Танеевым. Двое старшеклассников изнасиловали летом в Павловске младшего товарища. «Хотя Зубов (инициатор насилия) был совсем не в нашем классе, но мы решили созвать общее собрание всего старшего курса, всех трех классов, чтобы осудить его». Итог – Зубов был изгнан судом сотоварищей из училища, а соучастник оставлен. В судебном порядке дело не возбуждали. И это несмотря на явность совершенного ими уголовного преступления.

Итак, согласно версии № 3, Петра Ильича, виновного в сексуальном скандале, принудили принять яд, Орлова утверждает: мышьяк.

Мышьяк или арсеникум. Свое русское название яд получил из-за того, что с его помощью боролись с мышами и крысами. Все его соединения ядовиты. При остром отравлении мышьяком наблюдаются рвота, боли в животе, обильная диарея, угнетение центральной нервной системы. Сходство симптомов отравления мышьяком с симптомами холеры позволяло успешно использовать соединения мышьяка в качестве смертельного яда. Часть историков считает, что отравление мышьяком ускорило смерть Наполеона Бонапарта. Именно во Франции в связи с одним громким уголовным делом появилась так называемая проба Марша: криминологический тест на мышьяк. Его использовали при расследовании отравлений с 1836 г.

Между прочим, в смертельной болезни Чайковского бросается в глаза, что первичными были приступы тошноты, а не диареи – это в пользу мышьяка. Но вполне возможна атипичная холера.

Об этом говорит и странная легкомысленность врачей.

«Петербургская газета»: «Только присутствие некого служителя, который постоянно мазал губы и ноздри покойника тряпочкой с карболкой, напоминало, от какой страшной болезни умер хозяин квартиры».

Однако врачи, лечившие Чайковского и дававшие подробный отчет о его болезни, в том числе журналистам, не подвергали сомнению свой диагноз. Заключения о смерти подписали три доктора. Как и в наше время, такие заключения, несмотря на статус покойника, требовалось подавать в кладбищенскую контору. В официальном заключении написано однозначно – смерть от холеры.

Мышьяк сохраняется в мертвом теле столетиями. Эксгумация и исследование останков современными лабораторными методами могли бы подтвердить или опровергнуть версию Александры Орловой. Впрочем, ее аргументы построены на довольно слабых основаниях. И прах Петра Ильича вряд ли будет потревожен

Савва Морозов

13 мая 1905 г. в четыре часа дня в роскошном «Ройяль-отеле» во французском городе Канны прозвучал выстрел. Еще через полчаса отель наполнился десятками полицейских, какими-то шишками из мэрии и загадочными иностранными дипломатами. На носилках вынесли накрытое простыней тело. Собравшиеся зеваки шептались о странной смерти загадочного русского миллионера. Еще через сутки без лишней огласки покойника в присутствии нескольких полицейских уложили в два свинцовых и один дубовый гроб и вывезли в неизвестном направлении. Власти приложили все усилия, чтобы скрыть обстоятельства этой загадочной смерти. Что же произошло в Каннах 13 мая 1905 года?

Эта смерть остается загадкой до сих пор.

Когда в расцвете сил, отдыхая на французской Ривьере, от пулевого ранения в грудь умирает русский миллионер, а уже через день его тело отправляют в Москву, неминуемо возникают вопросы. Если этот миллионер еще и всероссийски знаменит, замешан в политику и претендует на роль главного русского мецената – смерть его выглядит загадочной вдвойне. Ничего удивительного, что гибель Саввы Тимофеевича Морозова, а он и был тем загадочным русским, которого обнаружили мертвым в одной из комнат бельэтажа «Ройяль-отеля», мгновенно обросла слухами и породила самые невероятные предположения.

Савва Тимофеевич Морозов – фабрикант. В 1905 г. ему 43 года. Семейный бизнес старообрядческой купеческой династии Морозовых – текстильное производство. Базовое предприятие – Никольская мануфактура в Орехово-Зуево. Савва Тимофеевич получил прекрасное образование в Московском университете и Кембридже. В возрасте 27 лет фактически возглавил семейное дело. Меценат. Финансировал создание и поддерживал на протяжении первых шести лет Московский Художественный театр, потратив на него более полумиллиона рублей. В начале 1900-х оказывал значительную материальную помощь подпольной партии большевиков.

Морозов умирает 13 мая 1905 г. Время неспокойное. Идет война с Японией. В России – революция. Умер Морозов не от сердечного приступа, а от пули. Совершенно непонятно, почему уже через сутки французская полиция закрывает дело и отправляет тело в Москву. Ведь причины и обстоятельства смерти можно было вскрыть только на месте.

В день смерти, по показаниям жены, Морозов пребывал в хорошем настроении. Они вместе после завтрака долго гуляли по

парку. Когда вернулись в гостиницу, Савва пошел к себе в комнату отдохнуть, сославшись на жару. Когда раздался выстрел, жены дома не было – она уехала в банк. Вернувшись, Зинаида Григорьевна Морозова обнаружила мужа лежащим на кровати, с закрытыми глазами, с раной в груди. Он был уже мертв. Как выяснилось потом, пуля прошла через легкое в сердце.

Рядом валялся браунинг. При осмотре помещения лейтенант полиции комиссариата 2-го округа Канн Антуан Антосси обнаружил еще записку – «В моей смерти прошу никого не винить» – на которой подписи не стояло. Внешне, не вдаваясь в детали – самоубийство.

Такое ощущение, что французы просто умышленно не стали ни в какие детали вдаваться. Быстренько оформили все необходимые документы и избавились разом и от трупа, и от необходимости проводить расследование, отправив тело в Москву, и переслав все документы в Петербург. В России тоже никто никаких расследований не проводил.

Родственники заявили, что Савва Тимофеевич находился в состоянии душевного расстройства и наложил на себя руки, будучи невменяемым. Раз невменяем, значит, умышленного самоубийства не было, и Морозова похоронили на знаменитом московском старообрядческом Рогожском кладбище в семейной усыпальнице. Самоубийцу старообрядцы на кладбище ни за что бы не похоронили – здесь морозовские миллионы были бы бессильны.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: САМОУБИЙСТВО

В 1797 г. зуевский крестьянин Савва Васильевич Морозов основал небольшое ткацкое производство. Через 40 лет он уже владел несколькими фабриками в Московской и Владимирской губерниях. Его младший сын Тимофей Савич унаследовал семейное дело. К середине века Морозовы выдвигаются в элиту российского бизнеса и становятся лидерами текстильного производства в России.

К концу 1880-х во главе семейного дела оказываются вдова Тимофея Савича Мария Федоровна и ее сын Савва Тимофеевич. За 17 лет их совместного руководства фирма значительно расширила производство. В апреле 1905 г. успешный семейный тандем распался. Савва Тимофеевич по инициативе матери был отстранен от дел. Его чудачества переполнили чашу терпения и родных, и других акционеров Никольской мануфактуры.

Савва Тимофеевич совсем не укладывается в патриархальный образ купца-старообрядца. С середины 1890-х годов Морозов начинает играть самостоятельную политическую роль. Он становится лидером «московских текстилей», миллионеров,

выходцев из старообрядческих семей, недовольных современным российским политическим строем. Они ненавидят чиновников, излишнюю регламентацию экономики, казнокрадство. И чем дальше, тем больше смыкаются с другими недовольными самодержавием общественными группами: от земцев – оппозиционных дворян – до находившихся на крайнем левом фланге политического спектра социал-демократов и социалистов-революционеров. Как и многие другие либеральные купцы, он дает революционерам деньги, пристраивает их на работу.

Максим Горький вспоминал: «Кто-то писал в газетах, что Савва Морозов «тратил на революцию миллионы», – разумеется, это преувеличено до размеров верблюда. Миллионов лично у Саввы не было, его годовой доход – по его словам – не достигал ста тысяч. Он давал на издание «Искры», кажется, двадцать четыре тысячи в год. Вообще же он был щедр, много давал денег политическому «Красному Кресту», на устройство побегов из ссылки, на литературу для местных организаций и в помощь разным лицам, причастным к партийной работе социал-демократов большевиков».

Но вот начинается революция, и левые убеждения Морозова вступают в противоречие с его интересами собственника. Фабрикант он был, вообще говоря, образцовый. 7500 рабочих Никольской мануфактуры и 3000 их домочадцев бесплатно жили в построенных Саввой Тимофеевичем казармах, где каждая семья размещалась в маленькой отдельной комнате. Бесплатным было освещение, отопление и водопровод. В каждой казарме фельдшерский пункт. Те, кто снимал квартиры в городе, получали специальные квартирные деньги. Савва завел своего рода подсобное хозяйство. Молоко для грудных детей рабочих выдавалось бесплатно.

Розничные магазины за наличные деньги и в кредит обеспечивали рабочих бакалейными, галантерейными, мануфактурными и суконными товарами, готовой одеждой, обувью, съестными припасами, посудой по более низким (на 5–10 %), чем рыночные, ценам.

Рабочий день продолжался 9 часов, значительно меньше, чем в целом по отрасли. Заработок был на 15 % выше среднеотраслевого.

В записке, составленной для Сергея Витте в январе 1905 г., Савва Морозов сформулировал свою политическую программу, довольно умеренную, напоминающую взгляды партии кадетов: свобода слова и печати, созыв парламента. До начала настоящей революции можно было быть кадетом по идеологии и поддерживать большевиков по принципу «враг моего врага

(самодержавия) – мой друг».

Но с началом революции выяснилось: интересы Морозова и желания его рабочих, руководимых большевиками, не сходятся. 14 февраля 1905 г. Никольская мануфактура приступает к забастовке с требованиями: 8-часовой рабочий день, установление минимума зарплаты, неприкосновенность личности и жилища, свобода стачек, союзов, собраний, слова и совести, созыв Учредительного собрания путем прямого, равного, тайного и всеобщего голосования. Требования в принципе невыполнимы без всеобщей кровавой революции.

Меж тем в Орехово-Зуево с начала 1905 г. введены войска. Между ними и стачечниками начинаются столкновения, заканчивающиеся пулями и арестами. Семья Морозовых считает: именно Саввины потачки довели до стачки, убытков, кровопролития. По настоянию жены и матери был созван консилиум, констатировавший 15 апреля 1905 г., что у мануфактур-советника Морозова наблюдалось «тяжелое общее нервное расстройство, выражавшееся то в чрезмерном возбуждении, беспокойстве, бессоннице, то в подавленном состоянии, приступах тоски и прочее». Его отправляют в отставку, фактически объявив душевнобольным. Для Саввы Тимофеевича это еще и личная трагедия. Он создал для своих рабочих лучшие условия жизни и труда в России, идя на серьезные расходы, и потерпел полный крах как собственник, менеджер, политик.

Такой же крах потерпел Морозов и в другом своем предприятии: Московском Художественном театре. Он стоял у основания театра, был, наряду с Константином Станиславским, крупнейшим его пайщиком. Морозов стал директором театра, взял на себя и финансовую сторону дела, и хозяйственную. Он заведовал даже электрическим освещением. С ним согласовывалась «трансферная политика» на актерском рынке, репертуар, распределение ролей.

Морозов за свой счет построил театру здание для репетиций на Божедомке. Здесь же проходил конкурсный набор студийцев, ставились знаменитые капустники. На средства Морозова и под его руководством было построено в 1902 г. главное здание театра на Камергерском. Строительство нового здания обошлось Морозову в 300 тысяч рублей. Общие же его расходы на театр потянули приблизительно на 500 тысяч.

Однако в 1904 г. Савва Морозов разрывает всякие отношения с театром, забирает свой пай и уходит в отставку с поста директора МХТ. Причиной конфликта стали расхождения с одним из основателей – Владимиром Немировичем-Данченко.

Театроведы объясняют ссору так: Морозов влюблен в актрису

театра Марию Андрееву и дружит с постоянным автором МХТ Максимом Горьким. Он активно лоббирует их интересы, используя свое денежное и организационное участие в театральных делах. Немирович против, Станиславский на его стороне. Тогда Морозов, Горький и Андреева решают покинуть МХТ и основать свой новый театр в Петербурге. Разрыв с театром, на создание которого ушло столько сил – еще один стресс для властолюбивого миллионера. Проигрывать он не привык.

А тут еще трагические перемены в личной жизни. Будущую жену он отбил у своего двоюродного дяди. Зинаида Григорьевна Морозова быстро становится гран-дамой. В роскошном особняке на Спиридоновке Морозовы принимали Станиславского и Немировича-Данченко, Качалова и Собинова, Чехова и Книппер, Левитана и Бенуа, известных адвокатов Маклакова и Кони. О Шаляпине Морозова вспоминала: «Он приезжал и пел как райская птица у меня в будуаре. Обедал у нас запросто, и я помню, раз он приехал, а я лежала у себя с больной ногой (подвернула ее), и обедать идти в столовую мне было трудно. Он сказал, что меня донесет. Я думала, что он шутит. Вдруг он схватил меня и понес».

Но купеческий (как мы бы сейчас сказали – «новорусский») шик вызывал у знаменитых гостей иронические усмешки. Максим Горький: «В спальне хозяйки – устрашающее количество севрского фарфора, фарфором украшена широкая кровать, из фарфора рамы зеркал, фарфоровые вазы и фигурки на туалетном столе и по стенам на кронштейнах. Это немножко напоминало магазин посуды. Владелица обширного собрания легко бьющихся предметов m-me Морозова с напряжением, которое ей не всегда удавалось скрыть, играла роль элегантной дамы и покровительницы искусств».

Постепенно чувства между некогда страстно любившими друг друга супругами ослабевают. Жили под одной крышей, детей вместе воспитывали, но лично близки уже не были. Страсти хватило лишь на десять лет.

Последние годы Савва был страстно влюблен в одну из самых красивых женщин своего времени, актрису МХТ Марию Федоровну Андрееву. Они состояли в связи, которая разрушилась, когда Андреева ушла к другу Морозова Максиму Горькому. Когда Горький во время игры в бильярд поведал Савве Тимофеевичу о том, что Мария Федоровна ушла к нему, и они теперь гражданские муж и жена, шок у Морозова, по воспоминаниям, был настолько сильным, что он на мгновение потерял способность слышать.

Итак, еще до стачки на Никольской мануфактуре Морозов лишился и любимой женщины, и своего детища – Московского

Художественного театра. А к весне 1905 г. он по существу лишен своего состояния и объявлен сумасшедшим. Земля у него уходила из-под ног. Хозяин жизни становится героем водевиля, персонажем светской хроники.

Поездка в Ниццу – не увеселительная прогулка. Скорее бегство от позора, добровольная ссылка. Он уезжает с женой, с которой надо по-новому выстраивать отношения. Его сопровождает врач. Если он и не болен психически, то состояние глубочайшей депрессии налицо. 13 мая его находят мертвым. Самоубийство – самое логичное предположение. Тем более, что оно является официальной версией, долгие годы не вызывавшей никаких сомнений. Они стали появляться только через много лет после гибели Саввы Тимофеевича.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: УБИТ БОЛЬШЕВИКАМИ

Морозов – человек сильный, ответственный. Да, с Марией Андреевой он разошелся, но при этом в путешествии вновь начинают налаживаться отношения с женой, которую когда-то он все-таки страстно любил. Рядом четверо любимых детей. Из МХТ ушел, но у него зреет проект создания нового театра в Петербурге. От дел отошел, но, во-первых, возможно, временно, а во-вторых, на его материальном положении это никак не отразилось – его доля осталась при нем. Все можно исправить. Поэтому существует версия, что причиной смерти стали не проблемы личного плана, а террор и смута, добровольным спонсором которых стал Савва Морозов.

У официальных российских властей были основания предполагать, что большевики виновны в этой смерти. Об этом без всяких сомнений говорит Витте в своих позднейших воспоминаниях. И об этом прямо пишет московский градоначальник, граф Павел Шувалов в секретном донесении Департаменту полиции: «Савва Морозов еще до смерти своей находился в близких отношениях с Максимом Горьким, который эксплуатировал средства Морозова для революционных целей. Незадолго до выезда из Москвы Морозов рассорился с Горьким, и в Канн к нему приезжал один из московских революционеров, а также революционеры из Женевы, шантажирующие покойного, который к тому времени был психически расстроен».

Имя «московского революционера» – Леонид Красин, будущий нарком советской внешней торговли и полпред в Англии. По специальности инженер-технолог.

В 1905 г. Красин – второе лицо в партии после Владимира Ленина. В большевистской партии отвечал за финансы и оружие. С Саввой Морозовым знаком через Максима Горького. Красин регулярно получал от Морозова деньги в кассу большевиков, и

заведовал электростанцией на морозовской Никольской мануфактуре. Именно Красин готовил стачку на мануфактуре в феврале 1905 г.

Этот человек был способен на многое. При достижении поставленной цели он не гнушался никакими средствами. Инженер Красин лично готовил бомбы для осуществления «эксов» – боевых операций по экспроприации средств для большевиков. Нам достоверно известно, как минимум, об одной встрече Морозова с Красиным во время последней заграничной поездки.

Морозов, как человек умный, к весне 1905 г. не мог не понимать: цели Красина и большевиков в корне враждебны всему тому, чем он всю жизнь занимался. Большевики хотят крови, смуты, они против капиталистов. Морозову предстояло сделать окончательный выбор: идти ли дальше с большевиками.

Морозов был связан с большевиками в первую очередь не через Красина, и даже не через Горького, а через актрису Андрееву, которую он страстно любил. Скорее всего, именно Андреева втянула его в сотрудничество с большевиками. Так что эту малоправдоподобную наивность опытного промышленника можно объяснить тем, что он был ослеплен любовью.

Мария Андреева – театральный псевдоним Марии Федоровны Желябужской. Родилась в 1868 г. в театральной семье. Выступала в МХТ до 1904 г. Серьезной театральной карьеры не сделала. Станиславский в ней находил больше женского обаяния, чем актерского таланта. На рубеже веков увлеклась марксизмом и вступила в РСДРП. Партийная кличка – «Феномен». Выполняла в основном задания по поиску источников финансирования революционного движения. С конца 1903 г. по начало 20-х – гражданская жена Горького.

Морозов, вероятно, был влюблен в Андрееву окончательно и бесповоротно. Несмотря на ее уход к Горькому, он продолжал исправно жертвовать средства большевикам. Все-таки, помимо любви, он и сам жаждал политических перемен в стране – ошибкой была ставка на большевиков, но здесь, скорей, сказалась политическая близорукость. Так вот, Морозов не только продолжает передавать через неверную актрису деньги революционерам, но и платит залог за арестованного в феврале 1905 г. Горького, чтобы того выпустили. Потом писатель вместе с Андреевой уедет за границу. Это такое бескорыстное чувство. Ради счастья любимой Морозов жертвует и деньгами, и собственным счастьем.

Последний раз, по свидетельству Красина, он обращался к Морозову за три дня до его смерти. Но Морозов решительно отказал. По видимому и общий разворот событий в России, все

больше напоминавший пугачевщину, и появление на российской политической сцене движений, Морозову идеологически более близких, заставил его отказаться от поддержки большевиков. Горький и Андреева в Америке, рядом ненавидящая революционеров жена. И тогда большевики его убили.

Эта версия основывается на устном предании, существовавшем в семье Морозова. Его вдова, дети и внуки пронесли сквозь годы убежденность в том, что Савва Тимофеевич был застрелен большевиками с целью обналичивания полиса, составленного в пользу Андреевой. Обнародована эта версия была в начале 90-х, что неудивительно. Потомки Морозова жили в Советском Союзе и ни о чем подобном раньше и заикнуться не могли.

Действительно, в руках Марии Андреевой находился страховой полис «на предъявителя», выписанный ей Саввой Морозовым. Он мог быть обналичен только в случае смерти Саввы Тимофеевича. 100 тысяч рублей в то время по нынешнему курсу составили бы примерно два миллиона долларов – годовой бюджет тогдашних большевиков. Деньги же в момент революции им были позарез нужны.

И действительно, после смерти Саввы Тимофеевича Андреева предъявила полис. Родственники пытались его опротестовать, но безуспешно. Мария Андреева дело выиграла, и большую часть полученных средств, 60 тысяч рублей, передала большевикам. Зная, как Андреева собирается распорядиться деньгами, большевики могли пойти на убийство Морозова, категорически отказавшегося продолжать их финансирование.

Оснований подозревать большевиков у нас больше, чем достаточно. В привлечении средств они не стеснялись. В проведении эксов большевики никогда не считались с человеческими жизнями. Красин, очевидно, был на момент смерти Морозова где-то рядом. Это подозрительно. Но важно даже не это.

Есть основания предполагать, что Морозов был привлечен к финансированию большевиков в результате хитроумной операции. Андреева, охмуряя Морозова, действовала по заданию партии. Это подтверждается тем, что Красин и компания опутали своими сетями не только Савву Тимофеевича, но и семью его родственников, Шмидтов.

Двоюродный брат Морозова Николай Шмидт был активным участником революции 1905 года, попал в тюрьму, где загадочным образом погиб, а все деньги его семьи после целого ряда авантюр достались большевикам. Поразительно, что в добывании этих денег они тоже прибегли к оружию любви.

Младшая сестра Шмидта вышла замуж за близкого к Красину большевика Виктора Таратуту. Это напоминает продуманную операцию.

В родственно-семейном кругу Морозовых сохранилось воспоминание (оно записано и опубликовано) вдовы Саввы Тимофеевича о дне гибели ее мужа. Зинаида Григорьевна рассказывала, что, когда она вошла после выстрела в комнату, то увидела в полностью распахнутое окно какого-то убегающего человека. Исследователи, разбиравшие версию убийства, обращали внимание и на то, что Морозов был обнаружен лежащим с закрытыми глазами. Никакой дополнительной экспертизы предсмертной записки Саввы Морозова не проводилось. Есть сомнения в том, что пуля, убившая Морозова, соответствует калибру того браунинга, который был найден около его тела. Браунинг пропал, и мы его не можем привлечь в качестве вещественного доказательства.

Полиция Канн в принципе старалась в это дело глубоко не влезать. Скорее всего, было политическое давление – ни русские, ни французские власти не были заинтересованы, чтобы отдельные факты из биографии Морозова всплыли наружу, попали в свободную французскую прессу. В России была революция. О том, что в нее были вовлечены такие влиятельные представители русского бизнеса, как Морозов, знать всем было не обязательно.

Веских аргументов в пользу версии убийства нам пока найти не удается. Стоит отметить, что в семейном предании говорится лишь об убегающем человеке и подозрении вдовы на большевиков. Все остальное – реконструкция. Нам категорически не хватает фактов.

Необходимо учитывать и то, что потомкам Морозова большевиков любить не приходилось. Вдова его потеряла все и умерла в нищете после войны. Один сын был расстрелян в 1921 г. Другой был репрессирован и полтора десятилетия провел в лагерях и ссылках. Одна из двух дочерей оказалась в эмиграции, и родных так и не увидела после 1917 г. Другая загадочным образом в начале 30-х оказалась в психиатрической лечебнице и сгинула. Этой семье не за что было любить большевиков, которых так активно поддерживал Савва Тимофеевич. Не исключено, что версия возникла в связи со всеми теми горестями, которые обрушились на Морозовых.

Столь же недоказуема и другая легенда об убийстве: Морозова устранили агенты Департамента полиции. Его смерть нужна была, чтобы лишить революционеров финансовой подпитки. На такой вариант любили намекать советские историки.

Андрей Ющинский

Сирота при живых родителях, киевскии мальчик Андрей Ющинский, в марте 1911 г. становится жертвой неизвестного преступника. И – попадает в мировую историю.

Спустя два года, в последний предвоенный 1913-й, в Киеве было закончено судебное расследование знаменитого дела Бейлиса. Дела, в котором переплелись интересы внутренней и внешней политики, столкнулись лбами двадцатый век и средневековое мракобесие, в котором, как в заправском детективе, одна версия сменяла другую.

Дело об убийстве Андрея Ющинского или «Дело Бейлиса» – самый громкий судебный процесс дореволюционной России. Двухлетнее следствие и месячный процесс, завершившийся в Киеве в 1913 г., освещался всеми русскими и западными газетами. В нем участвовали крупнейшие адвокаты, депутаты Государственной думы, ученые с мировым именем. На процессе были аккредитованы десятки корреспондентов.

О нем писали Владимир Короленко, Максим Горький и Василий Розанов. Решение, которое должны были принять присяжные, было судьбоносным. Целый народ – еврейский – обвинялся в причастности к кровавым убийствам детей.

До сих пор любители и специалисты, религиоведы и историки пишут о деле Бейлиса серьезные научные трактаты или яркие памфлеты. До сих пор это дело является камнем преткновения между специалистами и вызывает бесчисленные споры. Оригинальных исследований «о Бейлисе» хватило бы на внушительных размеров библиотеку.

В этом деле уголовное переплелось с общественно важным. И это противостояние захватило всю сколько-нибудь социально активную читательскую аудиторию, имевшую возможность следить за ходом расследования в газетах.

Утром 20 марта 1911 г. в Лукьяновке, на окраине Киева, на участке кирпичного завода Зайцева гимназист Элланский обнаружил в небольшой пещере мертвое тело.

Тело находилось в сидячем положении со связанными за спиной шпагатом руками. Одна нога босая. Рядом валялись шапка, куртка. В кармане тужурки оказался кусок наволочки; впоследствии выяснилось, что этой наволочкой во время убийства мальчику заткнули рот. Под правой ступней – ремень, на бляхе надпись «ученика приготовительного класса Киевского духовного училища Андрея Ющинского». Так что покойник немедленно был опознан.

В выемке стены – школьные тетрадки, свернутые трубочкой. На одежде и теле – желтая глина. Эксперты насчитали у убитого 47 колотых ранений, нанесенных «швайкой» – большим шилом. 23 ранения в правой височной области и в области шеи. 7 – в левой теменной и затылочной; 6 ранений располагались в области поясницы и правой лопатки. По средней подмышечной линии – 4 ранения тех же форм и размеров. 8 ранений в области сердца. Туда же был нанесен единственный смертельный удар. Следов сексуального насилия над Андреем Ющинским обнаружено не было. Труп был в значительной степени обескровлен. Экспертиза по состоянию остатков завтрака (борща) в желудке установила, что он был убит через 3–4 часа после приема пищи, что при известном со слов матери времени последнего завтрака давало время около 10 часов утра 12 марта.

Следствие сразу пришло к важному выводу: убийство совершено не в пещере – кровь только на одежде, которая буквально ею пропитана. А вот на земле, рядом с трупом ее нет. Значит, убийство, скорее всего, произошло не в пещере, труп перенесли туда уже после убийства.

В то же время, чтобы пробраться к месту преступления, полицейские спешно расчистили от снега подходы к пещере, практически уничтожив следы. В самой пещере тоже натоптали, ее расширили, чтобы удобнее было полицейским чинам.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: УБИЛИ РОДСТВЕННИКИ

Подозрение прежде всего пало на мать мальчика Александру Приходько (в девичестве Ющинскую) и ее мужа Луку. Это очевидная версия для любого такого рода преступления: преступник в ближайшем семейном кругу. Тем более что в данном случае в этом был резон. Андрей Ющинский – незаконнорожденный, не обласканный матерью сын и нелюбимый отчимом пасынок. Семья Приходько бедна, еле сводит концы с концами. А между тем, Александра Приходько была беременна: новый домочадец, новый рот. Приходько прежде жили на Лукьяновке, где нашли труп. Лишь за несколько месяцев до гибели Андрея они перебрались в другой район Киева, но мальчик продолжал водиться со старыми друзьями по кварталу, в котором вырос.

Странным было и поведение родителей мальчика. С заявлением о его пропаже они обратились не в полицию, а в газету «Киевская мысль», спустя несколько дней после его пропажи. Видели Андрея Ющинского последний раз 12 марта. А объявление в газете появилось 17-го. У сотрудника газеты, принимавшего это объявление, сложилось впечатление, что мать ведет себя неадекватно. Естественная угнетенность в ней

сочеталось с полным отсутствием надежды, близким к апатии. Полиция это наблюдение учла.

Через четыре дня после того, как было найдено тело Андрея, 24 марта, Александру Приходько и ее супруга Луку арестовали. Вслед за ними по подозрению в соучастии в преступлении был арестован Федор, брат Луки. На тот момент выделяли два мотива: либо желание избавиться от лишнего рта, либо попытка заполучить некое наследство, которое мог оставить мальчику недавно умерший его родной отец Федор Чирков.

По первоначальной версии профессиональных убийц среди арестованных не было. Следствие должно было поставить перед собой вопросы: «зачем убивать мальчика с такой жестокостью?» и «как тело Ющинского оказалось именно там, где его нашли, на заводе Зайцева?»

Изуверство могло быть списано как раз на отсутствие опыта в умерщвлении человека. Характер ранений был таков, что можно было смело думать о вине Луки Приходько. Он работал в переплетной мастерской. Сапожное шило – основной инструмент переплетчиков.

Поначалу казалось, следствие идет верным путем. На одежде Приходько были пятна, которые можно было принять за кровь. Не в их пользу говорили странности в поведении. Луку видели на Лукьяновке в семь утра 12 марта, в день исчезновения Андрюши. Об этом следователю с чужих слов рассказала тетка Андрея Ющинского, единственный заботившийся о мальчике человек. Этот рассказ заставил сделать повторный обыск.

В результате дома у Луки Приходько нашли листок, где подробно было описано строение височной области. Но вскоре выяснилось: у Луки железное алиби. Подозрение с Приходько сняли. И тут появляется новый подозреваемый: полиция задерживает приказчика завода Зайцева Менделя Бейлиса.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: РИТУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО

Мендель Менахем Бейлис, приказчик на кирпичном заводе Зайцева в Лукьяновке. Ему 37 лет, женат, беден, имеет пятерых детей. Летом 1911 г. Бейлиса арестовывают по обвинению в убийстве Андрея Ющинского. Два года до конца процесса он проведет в тюрьме. Ничем не примечательный человек станет всемирной знаменитостью…

Бейлис – обычный чадолюбивый мещанин, хозяйственный, старательный и недалекий. Для того чтобы заподозрить его в таком чудовищном преступлении, должны быть какие-то очень серьезные основания.

Они, эти основания, скорее политические. В отличие от большинства собственно русских городов Киев входит в «черту

оседлости». Здесь многочисленное еврейское меньшинство и исторически сильный антисемитизм.

Кровавый навет – обвинение евреев в использовании крови неиудеев для ритуальных целей. Изначально в Римской империи таким обвинением пытались скомпрометировать ранних христиан. Позже, начиная с XII века, кровавый навет становится инструментом преследования евреев католическими экстремистами. До России волна средневековых «ритуальных» процессов и сопровождающих их погромов дошла только во второй половине XVIII века, после присоединения части Польши. Предтечей дела Бейлиса стал процесс 1900 г. в Вильно, где обвиняемый в попытке ритуального убийства Давид Блондес был оправдан судом присяжных.

Русский антисемитизм не имел глубоких исторических и религиозных корней и, по крайней мере, отчасти представлял собой заимствованное явление. Это касается и кровавого навета. Слухи об этом страшном обычае пришли из католической Польши. На историю кровавого навета в России XIX в. серьезное влияние оказала книга И. Серафимовича «Zlosc zdowska przeciwko Bogu i katoliickiey wierze» (1758). Вскоре после разделов Польши появляются русские переводы разных версий этого текста.

К 1911 г. Ватикан давно отказался от такого рода обвинений в адрес иудеев. Высшее духовенство католической церкви периодически высказывалось в защиту евреев от навета. Первым стал папа Николай V в 1447 г. Да и русские официальные власти не поощряли суеверия и изуверства. Евреев ограничивали в правах, не любили, но не обвиняли в том, что они перед Пасхой убивают христианских младенцев.

Однако в Киеве была сильная антисемитская организация «Союз русского народа». Союз возник в 1905 г. в ходе смуты. Его вожди – доктор Александр Дубровин и классический филолог, депутат Государственной думы Владимир Пуришкевич. Союз выступал за абсолютную монархию. Главный лозунг – «Россия для русских». Главным врагом Российской империи члены Союза считали евреев. Союз пользовался поддержкой императора Николая II и многих видных царедворцев. Из средств императора и государственной казны он получал ежегодные многомиллионные субсидии.

Наиболее сильные позиции организация имела на национальных окраинах, прежде всего на территории нынешней Украины и Молдовы. Самое активное отделение – киевское.

У киевского отделения Союза была своя молодежная секция «Двуглавый орел». Одним из ее вожаков был студент Владимир Голубев. Он первым предположил, что убийство Андрея

Ющинского носило ритуальный характер. Он был «умучен жидами» с целью получения «крови христианских младенцев». Близилась еврейская пасха, а согласно кровавому навету, кровь нужна для выпечки мацы.

Уже во время похорон Андрея Ющинского на кладбище членами «Двуглавого орла» были разбросаны листовки: «Русские люди! Если Вам дороги Ваши дети, бейте жидов! Бейте до тех пор, пока хоть один жид будет в России! Пожалейте ваших детей! Отомстите за невинных страдальцев! Пора! Пора!» Голубев начал проводить независимое расследование. И именно он первым высказал предположение о виновности Мейера Бейлиса.

На Лукьяновке жила некая Вера Чеберяк. По сведениям полиции она занималась скупкой краденого, а двое ее сыновей, Андрей и Женя, «употреблялись воровской компанией для выполнения разных поручений и таким образом являлись посвященными в тайны собиравшегося в притоне Чеберяковой общества». Женя Чеберяк – сверстник и приятель Андрея Ющинского.

Голубеву удалось получить сведения: фонарщик Казимир Шаховской видел, что Бейлис с неизвестным хасидом в 8 часов 12 марта гнался за Андреем Ющинским, когда тот играл на территории завода Зайцева. И это был последний раз, когда Андрея видели живым.

Собственно арест Менделя Бейлиса произошел 22 июня 1911 года. К этому времени местные отделения «Союза русского народа» засыпают власти телеграммами с требованием найти и покарать убийц-евреев. Парламентские запросы посылают правые фракции Государственной думы. Это могущественные союзники правительства, не считаться с ними невозможно.

Министр юстиции Иван Щегловитов указывает киевскому прокурору Г. Чаплинскому: «Поручаю Вашему Превосходительству иметь личное наблюдение за производством следствия об убийстве мальчика Ющинского. Ожидаю подробных периодических донесений».

С этого момента следствие начинает работать против Бейлиса. Для этого есть и определенная общественная атмосфера: в августе 1911 г. в Киеве еврей Дмитрий Богров убивает премьер-министра Российской империи Петра Столыпина. Появляются и новые свидетели виновности Бейлиса. На него указывает, в частности, Женя Чеберяк и его две маленькие сестры. В отсутствие матери (она была арестована) дети заболели дизентерией. Выйдя из тюрьмы, Чеберяк перевезла их к себе домой.

8 августа Женя умер, через неделю умерла его сестра

Валентина. В бреду умирающий мальчик постоянно повторял: «Андрюша, Андрюша, не кричи! Андрюша, Андрюша, стреляй!» Мать постоянно держала его на руках и, когда он приходил в себя, просила: «Скажи агентам, что я по этому делу ничего не знаю», на что Женя отвечал: «Мама, не говори мне про это, мне очень больно». Чеберяк не дала сыну исповедоваться, хотя он явно хотел что-то сказать.

13 мая 1913 г. дело по обвинению Бейлиса в убийстве Андрея Ющинского, совершенного с особой жестокостью, передали в суд. Улики были очень слабыми, это осознавали и в Петербурге, и в Киеве.

Для того чтобы проверить работу киевского следствия, Щегловитов послал тайного ревизора, знаменитого сыщика Аркадия Кошко. По возвращении тот сказал министру юстиции: «Я бы никогда не нашел возможность арестовать и держать Бейлиса годами в тюрьме по тем весьма слабым уликам, которые есть против него в деле». Министр внутренних дел Макаров писал Щегловитову: «Есть основания предполагать, что судебный процесс окончится оправданием обвиняемого за невозможностью доказать его виновность». Щегловитов рассердился. Он сказал Кошко: «Из ваших слов я вижу, что евреи на предстоящем процессе не нашли бы лучшего защитника, чем вы!» Возвращаясь в Москву, Кошко, по собственному признанию, полагал, что карьера его завершена. (Чего, кстати, не произошло; позже он стал начальником Всероссийского уголовного розыска).

Суд длился месяц. Обвинение столкнулось с рядом трудностей. Свидетели меняли показания. Записка, которую Бейлис якобы передал своей жене через одного из вышедших на свободу заключенных (в записке было косвенное признание, оно заключалось в совете жене оплатить издержки нового свидетеля), оказалась написана не почерком обвиняемого.

Глина на одежде Ющинского не с территории завода Зайцева, тогда как по версии прокуратуры убийство произошло именно там. Единственный внятный отпечаток ноги преступника, снятый на месте происшествия, был оставлен почти новой галошей с незатертым протектором. Там был товарный знак фирмы-производителя, который с галошами самого Бейлиса, изношенными, старыми, не совпадал совершенно.

Сыщик и министр оказались правы. 28 октября 1913 г. в 6 часов вечера Бейлис был оправдан киевскими присяжными, людьми малообразованными и в любви к евреям не замеченными. Владимир Короленко, освещавший ход процесса, писал: «Около шести часов стремительно выбегают репортеры. Разносится молнией известие, что Бейлис оправдан. Внезапно физиономия

улиц меняется. Виднеются многочисленные кучки народа, поздравляющие друг друга. Русские и евреи сливаются в общей радости. Погромное пятно у собора сразу теряет свое мрачное значение. Кошмары тускнеют. Исключительность состава присяжных еще подчеркивает значение оправдания».

Виновника смерти Андрея Ющинского не нашли и не покарали. Хотя параллельно судебному следствию, адвокаты, журналисты и частные детективы провели свое расследование и утверждали, что нашли преступников.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: УБИЛИ УГОЛОВНИКИ

В 1911 г. киевский журналист Степан Бразуль-Брушковский начинает собственное расследование дела об убийстве Ющинского. К нему присоединяется отправленный в отставку известный сыщик Николай Красовский. Они входят в доверие к Вере Чеберяк и ее окружению. Частное расследование приходит к выводу, что все улики и свидетельства ведут к хозяйке притона на Лукьяновке. Мотивы убийства подростка исключительно уголовные, а совершено оно местными ворами при участии Чеберяк. Публикации Бразуль-Брушковского и показания, данные им и Красовским, повлияли на дело Бейлиса. Но к наказанию тех, кого расследователи считали истинными убийцами, не привели.

Бразуль-Брушковский начал обхаживать Чеберяк и ее сожителя Петрова, надеясь, что они выдадут ему убийц. В частности, он возил Чеберяк на тайную встречу с адвокатом Марголиным в Харьков. Чеберяк на следствии и суде сделала сенсационное заявление о том, что Марголин предлагал ей 40 тысяч, если она возьмет убийство на себя.

Потом Чеберяк сама обратилась к Бразуль-Брушковскому, заявив, что Ющинского убил не Бейлис, а братья Павел и Евгений Мифле, Лука Приходько и Федор Нежинский (брат матери мальчика, уже арестовывавшийся по этому делу).

В апреле 1912 г. к неофициальному расследованию примкнул один из лучших полицейских сыщиков юга России Николай Красовский. Он поначалу был привлечен к делу об убийстве Ющинского, вполне официально. Ему было поручено следствием негласно разрабатывать «неполитическую» линию убийства. Его наработки и наблюдения (например, то, как Чеберяк зажимала рот умирающему сыну, не давая говорить в присутствии следователя) фактически можно считать началом сбора материалов командой Бразуль-Брушковского.

Красовского отправили в отставку в конце 1911 г. Его данные оказались не нужны. После убийства Столыпина стало ясно, что правительство от идеи обвинить в убийстве мальчика иудейскую веру и в частности, еврея, не откажется.

Обозленный Красовский продолжил расследование уже как частный сыщик. Он нашел некую Екатерину Дьяконову, которая якобы около полудня 12 марта, в день убийства Андрея Ющинского, вместе с сестрой зашла в гости к Чеберяк. Там она застала трех воров – приятелей хозяйки: Сингаевского, Рудзинского и Латышева. Поведение их было необычным, в углу же у кровати лежал какой-то большой тюк, завернутый в ковер. Екатерина была уверена, что в ковре находилось тело Ющинского.

Между тем 16 марта 1911 г. в Москве были арестованы три профессиональных вора: Иван Латышев, Борис Рудзинский и Петр Сингаевский. Все трое – из шайки Чеберяк. Все трое спешно покинули Киев 13 марта.

Красовский обнаружил и другого важного свидетеля. Анархист Амзор Караев утверждал, будто уголовник Сингаевский признался ему: Рудзинский, Сингаевский и Латышев убили Андрюшу, потому что, обдумывая цепь недавних провалов, заподозрили именно его в болтовне или доносе: «Через байстрюка (незаконнорожденного) провалились такие хорошие малины». И изуродовали тело так, чтобы подозрение пало на евреев. И хотя Караев разговаривал с Сингаевским при свидетеле, уголовник на суде отказался от сказанных им слов, и они не были приняты в качестве улики.

Результаты расследования Красовского поддержали обе главные киевские газеты, и левая «Киевская мысль», и даже правый антисемитский «Киевлянин». В результате появился еще один свидетель. Парикмахер Швачко, содержавшийся в одной камере с Рудзинским, в 1911 г. сделал заявление. По его словам, он слышал ночной разговор между Рудзинским и другим профессиональным вором, Крымовским, при котором Рудзинский на вопрос Крымовского: «А как же байстрюк?» ответил: «Пришили его, стерву продажную».

Участники неофициального расследования пришли к следующим выводам: Андрея Ющинского убили в доме Веры Владимировны Чеберяк, жены мелкого чиновника, бандерши, сбытчицы краденного, содержательницы воровского притона. Об этом свидетельствовало многое, в частности, найденный в кармане мертвого подростка фрагмент ткани, похожий на наволочку из дома Чеберяк.

Обстоятельства, вызвавшие убийство, могли быть разными. Например, по мелочи поссорившись с Женей Чеберяком, Ющинский в сердцах начал угрожать приятелю, что сдаст полиции его мать-воровку. Убийство в этом случае было совершено с целью сохранения тайны (которая, собственно,

тайной в пределах окрестностей и для местной полиции не являлась).

Могло быть и такое. Андрея Ющинского самого втянули в преступную комбинацию. Члены шайки планировали с помощью подростка проникнуть ночью с целью кражи в Софийский собор. Расчет строился на том, что Ющинский как учащийся духовного училища при храме сможет помочь ворам попасть внутрь. По какой-то причине мальчик отказался от участия в преступлении, за что и был убит.

При таком развитии событий речь идет, с одной стороны, о принятом среди уголовников показательно жутком характере наказания в назидание другим. С другой стороны, в преддверии иудейской Пасхи воры могли спланировать такой сценарий как «перевод стрелок» в сторону еврейской общины.

ВЕРСИЯ ЧЕТВЕРТАЯ: УБИЙЦА НЕ НАЙДЕН

Суммируя все три версии, приходим к неутешительным выводам. Убийца Андрея Ющинского так и не был установлен. Арест Бейлиса – безусловная ошибка. Против него никаких серьезных улик. Версия ритуала невероятна. Многочисленные раны указывают скорее на провокацию, нежели на деятельность мифических религиозных изуверов.

Вторая версия с Верой Чеберяк отработана плохо. Хотя ее поведение крайне подозрительно.

Аркадий Кошко в своих воспоминаниях приходил к схожим выводам. Раскрытию убийства помешала шумиха. Напуганная вероятностью погромов еврейская община и ее защитники только запутали следствие, пытаясь в панике отвести подозрения. Часть ложных свидетельств объясняется подкупом неофициального следствия или угрозами следствия официального. Черносотенная молодежь, прикрываемая правительством, со своей стороны тоже расстроила независимый ход расследования. Создалось впечатление: «Все свидетели явно недобросовестны и врут напропалую». Следствие разбрасывалось. Не отработав одну версию, хваталось за другую.

Не отработана версия о том, что «Ющинский мог стать жертвой каких-то людей демонического темперамента» (маньяков).

Уже в ходе телевизионной передачи Евгений Вышенков, известный петербургский журналист, в прошлом оперативник уголовного розыска, выдвинул еще одну возможную версию.

Компания, в которую входил Андрюша Ющинский, как бы мы сейчас сказали, – дети из неблагополучных семей, из криминогенного района. Андрей прогуливает занятия в своем училище, его приятель Женя Чеберяк вообще не учится. Рядом

воры, мать Жени – торговка краденым. Дети предоставлены самим себе.

Крайняя жестокость преступления, его безмотивность дает возможность предположить: убили сверстники. Дело пестрит случаями ссор между приятелями. Именно преступления, совершенные детьми, плохо понимающими возможные последствия своих поступков, часто носят абсолютно изуверский характер. Убили беспричинно, скорее всего, в доме Чеберяк или где-то рядом. А потом опытная мамаша и ее приятели-воры от греха подальше вынесли труп на завод Зайцева.

Вера Чеберяк в дальнейшем заключила некое соглашение с властями. Она обещала поддерживать официальное обвинение в ритуальном убийстве в обмен на некоторые преференции – относительный иммунитет семьи, ее бандитской группировки и денежное вознаграждение по итогам процесса

Петр Аркадьевич Столыпин

1 сентября 1911 г. Киевский оперный театр. Дают «Сказку о царе Салтане» Римского-Корсакова. Но представление необычное. В зале первые лица России. Император Николай II с дочерьми. Председатель правительства, министры, придворная знать, региональная элита.

Второй антракт. Оркестранты подстраивают инструменты. Публика ведет беседы. Ровный гул обрывают два выстрела. Неизвестный в упор ранит премьер-министра Петра Столыпина. Стрелявший арестован. Столыпин умирает на четвертый день…

Петр Аркадьевич Столыпин. Родился в семье профессионального военного и потомственного дворянина. Окончив Петербургский университет, поступает на государственную службу. Первую русскую революцию Столыпин встречает в должности саратовского губернатора. В 1906 г. становится министром внутренних дел и председателем правительства.

Призванный для подавления разрушительных последствий революции, премьер проводит свою программу экономических и административных реформ. Его действия вызывают недовольство и в левом, и в правом крыле. Покушение в Киевском оперном театре становится для Столыпина десятым по счету. Десятым и последним.

В Столыпина стреляют на глазах сотен людей, в присутствии императора. Убийца арестован на месте преступления.

На первый взгляд, все очевидно – политический террор и ничего более. Убит, как выражались советские историки, душитель революции, реакционер, вешатель и т. п. Десятое по счету покушение, удивляться здесь вроде бы и вовсе нечему! Но есть несколько обстоятельств, которые позволяют говорить о гибели Петра Аркадьевича Столыпина как о неразгаданной до сих пор исторической загадке. Русском варианте убийства Джона Кеннеди.

Что же общего между выстрелами в Киеве и Далласе?

Оба преступления – политические. И в обоих случаях задержание стрелявших не пролило свет на их действительные мотивы. Оба погибли через несколько дней после ареста; публичных откровений не было. Убийцу Столыпина – Дмитрия Богрова – военно-полевой суд приговорил к повешению, его казнили 12 сентября 1911 г. Ли Харви Освальд был застрелен Джеком Руби через день после ареста.

В советское время именами террористов называли улицы и

даже пароходы: Желябов, Перовская, Халтурин, Каляев… Почему же именем человека, убившего главного вешателя Российской империи, не назван ни город, ни переулок, ни даже пионерская дружина?

Столыпина убил Дмитрий Григорьевич Богров. Настоящее имя Мордко Гершкович Богров. Выходец из богатой еврейской семьи. К моменту покушения на Столыпина ему 24 года. С 1906 г. Богров – активный участник группы анархистов-коммунистов. Параллельно – осведомитель охранного отделения, секретный агент по кличке Аленский. Согласно полицейским документам, причастен к арестам ста двух своих товарищей по революционной борьбе. За убийство председателя Совета министров Богров был приговорен к смертной казни через повешение

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: РЕВОЛЮЦИОННАЯ

Ее озвучил сам обвиняемый в своем последнем слове. Эту версию можно сформулировать так: актив анархической группировки приходит к выводу, что Богров – провокатор. Ему предоставляется выбор – быть ославленным в качестве предателя или откупиться путем совершения теракта. Он получает право найти жертву самостоятельно: либо государь, либо премьер, либо шеф киевского охранного отделения подполковник Николай Кулябко, с которым сотрудничал агент Богров-Аленский. Перед Богровым ставят одно условие: покушение должно быть совершено до 5 сентября 1911 г.

Россия отмечала 50-летие реформ 1861 г. Центром торжеств на неделю стал Киев. Там при участии императора и членов совета министров планировали открыть памятник Александру Второму. В конце августа – начале сентября самые сладкие для бомбистов потенциальные жертвы революционного террора приезжали в Киев.

Провокаторы, случалось, убивали завербовавших их жандармов. Это начинается еще с Сергея Дегаева, полицейского шпиона, и одновременно одного из вождей «Народной воли». В 1882 году Дегаев организовал зверское убийство своего «шефа» инспектора тайной полиции Георгия Судейкина, некогда его завербовавшего. Подобный инцидент имел место и за полтора года до убийства Столыпина. Эсер Александр Петров, бежавший из тюрьмы с помощью охранки, взорвал своего «куратора» начальника петербургского охранного отделения полковника Карпова. Это такая традиция. Но обратите внимание на то, кого убивают. Убивают тех, кто непосредственно вербовал агента. Это такой определенный шаблон. А провокатор Богров убивает главу правительства.

Николай Кулябко, начальник киевского охранного отделения

– не та фигура, в которую метил Богров, не того масштаба. Он был доступен для своего агента в любое время, и для того, чтобы расправиться с начальником охранки, не стоило затевать столь сложную, столь рискованную игру.

Версия того, что Столыпин стал жертвой заговора террористов, а Богров – их послушным орудием, принадлежит самому Дмитрию Богрову. По словам убийцы, им командовал анархист Петр Лытковский.

Лытковский был арестован, допрошен, но улик против него не было, связь с Богровым он отрицал. Уже после революции Лытковский написал воспоминания. Вроде бы уже нечего бояться, наоборот, причастность к покушению на убийство главы правительства рассматривается властью как почетное революционное дело.

Но сам этот анархист рассказал только о том, что Богров жаловался на слухи о его провокаторстве. На это Лытковский ему заметил, что можно легко прекратить эти слухи: убить начальника киевского охранного отделения Кулябко. Но Богров ему ответил, что Кулябко – это слишком малая фигура для меня. И вот вы обо мне еще услышите, услышите осенью, когда в Киев приедут высшие сановники.

Так что версия о «вынужденном» теракте подтверждения не находит. Если анархисты требуют от Богрова убийства фигуры такого масштаба, как премьер-министр или император, они должны понимать, что в одиночку тому не справиться.

Из объяснений Богрова, даже если принять его слова на веру, нельзя понять, чего в действительности могли добиваться его таинственные бывшие товарищи.

Тем не менее, пособники у Д. Богрова были. Иначе он просто не смог бы попасть в театр. На спектакле, как мы помним, присутствовал император. И представление было особым, торжественным.

А прошел он туда по именному билету. Хотя не был ни придворным, ни министром, ни почетным гражданином Киева. И первые два акта террорист сидел с пистолетом в кармане в своем 18 ряду. Помогли Богрову оказаться в театре те, кто отвечал за безопасность мероприятия: непосредственно подполковник Кулябко (из его рук террорист получил билет) и его начальство, петербургские жандармские офицеры. Товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Павел Курлов, вице-директор Департамента полиции Митрофан Веригин и начальник дворцовой охраны полковник Александр Спиридович.

Все это трудно постижимо. Но ведь и за день до убийства пропуск в купеческий сад, где было устроено народное гулянье в

присутствии царя, Богров получил под тем предлогом, что он должен выяснить для мнимых террористов, которые якобы скрываются на его квартире, приметы Столыпина. Несуразность полная: портреты Столыпина в каждой газете, в каждом присутственном месте.

А вот в театре Богров должен был якобы опознать террористов в лицо. Он объяснил жандармам, что один из них, мифический Николай Яковлевич, находится в его квартире, в плотном окружении филеров. А остальные крамольники могут оказаться в театре. Там он их узнает и на них укажет.

Характер ран, полученных Столыпиным, показывает: Богров имел твердое намерение убить премьер-министра. Добраться до Столыпина ему помогли высокие полицейские чины – сработала продуманная Богровым комбинация. Но были или нет обстоятельства, на которые Богров указал в своем последнем слове (ультиматум бывших сподвижников) – неясно.

Слабое место версии Богрова заключается в следующем. Столыпин убит. Для любой враждебной власти политической силы удачное его устранение – повод для гордости. Здесь ничего такого не было. Никто не взял на себя ответственность за убийство премьера. Те, кто якобы заставил Богрова под угрозой разоблачения пойти на убийство, ни сразу, ни впоследствии, даже после Октябрьской революции, не дали о себе знать.

Кроме того, при аресте у Богрова изъяли записку, к которой можно относиться с не меньшей степенью доверия, чем к его последнему слову на суде. «Подтверждаю, что я совершил покушение на убийство статс-секретаря Столыпина единолично, без всяких соучастников и не в исполнение каких-либо партийных приказаний».

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ДЕКАДЕНТСКАЯ

В пользу этой версии говорят личность Богрова и тогдашние умонастроения радикальной молодежи. Еврейский юноша из богатой семьи, тщеславный, как и многие тогда с левыми, анархическими настроениями. Без царя в голове ему было очень скучно жить. Или стало очень скучно. Об этом он, кстати, писал в одном из писем: «Нет никакого интереса к жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни. И то, если моя практика это позволит. Тоскливо, скучно, а главное – одиноко».

Богров – анархист, увлекается трудами Кропоткина и Бакунина. Но настоящим революционером он так и не стал. Товарищи использовали его «вспомогательно». К тому же украинские анархисты были дерзкими ребятами без особых моральных принципов. Они не останавливались ни перед

политическими убийствами, ни перед простым грабежом. У Богрова брали деньги, использовали его как юриста, поручали написать листовку. Но он был для подпольщиков «гогочкой», «буржуем».

Богров не хотел быть простым «пушечным мясом» революции. Князь Петр Кропоткин в «Записках революционера» писал о рискованной двойной жизни, когда он был и пажом императора, и заговорщиком. Днем он во дворце, вращается в высших сферах, а вечером и ночью ведет агитацию в рабочих кварталах. Такое двойничество привлекательно.

Есть запись разговора с одним провокатором, который говорил: «Вы не понимаете это ощущение, да? Необычное ощущение, невероятное ощущение, когда я днем заседаю на конференции максималистов, и мы обсуждаем список террористических актов, а через несколько часов я это же дело освещаю с другой стороны, в департаменте полиции. Человеку со стороны это не понять, да? Как это будоражит чувства».

Известно, что Дмитрий Богров был заядлым игроком. Семейный капитал позволял. И вполне допустимо, что из-за рулеточного/карточного стола его игромания перенеслась на повседневную жизнь. Он хотел адреналина, но адреналина безопасного физически, поэтому связь с охранкой была своего рода гарантией неприкосновенности.

Наверное, эта страшная, азартная игра и привлекла Богрова. Так он стал агентом Киевского охранного отделения. Но игра в «казаков-разбойников» в провинциальном Киеве становилась неинтересной и опасной.

Богрову стало скучно. Он ездил за границу, играл на рулетке. Перебрался из Киева в Петербург, чтобы заняться юридической практикой. Но в столице он получил только место мелкого чиновника в Обществе по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов. Незавидная карьера. И он окончательно понял, что не может не играть в свои страшные игры. По собственной инициативе Богров встречается с шефом охранного отделения фон Коттеном и предлагает тому свои услуги. Фон Коттен получает на нового агента (здесь его зовут Надеждин) хорошие рекомендации из Киева. Агент Надеждин следит за анархистами, присылает донесения из-за границы (для этого он ездил на Ривьеру).

Богрова снедает тщеславие. Он хочет разом прославиться, стать интересным себе и другим. В 1910 г. на открытии новой Петербургской водопроводной станции провокатор неожиданно оказывается на расстоянии вытянутой руки от Петра Столыпина. Вот цель! Убить опору царского режима, сановника,

разгромившего революцию. Слава Игнатия Гриневицкого, Егора Сазонова, Ивана Каляева… И это становится идеей фикс.

Вскоре Богров выходит на столичное эсеровское подполье, встречается с известным идеологом главной российской террористической партии Егором Лазаревым. Предлагает себя в качестве потенциального убийцы премьера. Но Лазарев видит в Богрове патологию, и от дальнейших разговоров отказывается.

В декабре 1910 г. Дмитрий Богров бросает службу и уезжает за границу. А в марте 1911-го возвращается, но уже не в Петербург, а в родной Киев. Там он узнает о готовящихся торжествах, о приезде императора и премьер-министра. И видимо, придумывает свою последующую комбинацию.

Что стало решающей причиной? Суицид – тренд тогдашней молодежной субкультуры. Ахматова называла своих сверстников поколением самоубийц. «Уйти красиво», «хлопнуть дверью», для безрелигиозных молодых людей и девушек кажется стильным.

К тому же, как веревочка не вейся, все равно конец найдется. В 1908 г. революционерами был разоблачен самый знаменитый провокатор России эсер Евно Азеф. Ему удалось скрыться, залечь на дно. А вот остальных двойных шпионов террористы уничтожали не задумываясь.

Уйти из жизни, убив классового врага и полностью реабилитироваться – тогда жизнь приобретет законченность художественного произведения. И Богров останется в памяти грядущих поколений не как предатель, за деньги отправлявший друзей на виселицу, а как мститель, пошедший на сделку с врагом с далеко идущей целью. Он мог убить царя, но остановил страх неизбежных погромов. В Киеве и так были сильные антисемитские настроения (март 1911 г. – дело Ющинского, арест Бейлиса, о которых мы говорили в предыдущей главе). Богров чувствовал, что за Столыпина ТАК мстить не будут. И надо сказать, что это ощущение было свойственно не только ему. В обществе многим казалось, что фигура Столыпина политически отыграна. И вот эта «отыгранность» Столыпина послужила поводом для возникновения третьей версии. Раз уж мы приводили аналогии с американской историей, то в данном случае Столыпин выступает в роли «хромой утки» – политика, дни которого сочтены. То есть убил-то его Богров, но при сознательном попустительстве отвечающих за безопасность чинов полиции.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: ПРОВОКАЦИОННАЯ

Третья версия: преступная халатность или преднамеренный заговор правоохранителей.

Речь о той четверке, которую мы уже называли. Товарищ

министра внутренних дел, шеф жандармов генерал-лейтенант Курлов, вице-директор Департамента полиции Веригин, начальник дворцовой охраны полковник Спиридович и Кулябко. Все эти люди знают: на Столыпина готовится покушение. С их ведома и только в результате их поддержки в оперном театре оказался вооруженный террорист.

Документальные свидетельства о действиях жандармов осенью 1911 г. производят сногсшибательное впечатление. Четыре человека непосредственно отвечали за безопасность высших сановников в Киеве. Профессионалом из них был только полковник Спиридович. Все остальные оказались на своих местах совершенно случайно.

Ну почему, например, заместителем Столыпина оказался Курлов? Только по одной причине: он начинал службу в конногвардейском полку, том самом, что и министр двора, и другие крупные сановники. И поэтому всех конногвардейцев легко назначали на важные посты. Биография Курлова: провал за провалом, неудача за неудачей. И после каждой неудачи его повышают в звании или должности. Подполковник Кулябко и камер-юнкер Веригин вообще фигуры гоголевские или щедринские. В оперативной работе они понимали мало, а вот настроение «сфер» чувствовали прекрасно. И если посмотреть на то, как была организована вся охрана на киевских празднествах, то видно – это торжество некомпетентности.

По показаниям Веригина, 30 августа 1911 г. он и двое секретарей генерала Курлова были приглашены подполковником Кулябко пообедать у него на квартире. Во время обеда хозяин отлучился из столовой по служебной надобности: к нему пришел со срочным сообщением агент Аленский (Дмитрий Богров). Сообщение его было настолько важным, что Кулябко предложил своим гостям выйти из за стола в гостиную и послушать агента.

В присутствии по существу всего руководства российского сыска Богров, что называется на голубом глазу, заявляет: на него вышел эсер Егор Лазарев и попросил подыскать в Киеве квартиру и моторную лодку на Днепре. Они нужны для некоего Николая Яковлевича, видимо террориста, который намеревается прибыть в Киев. Богров сопоставил просьбу Лазарева и визит в Киев государя и понял: готовится покушение. О сообщении Богрова немедленно в известность поставили и Курлова.

31 августа Богров сначала по телефону, а потом запиской, которую он ночью лично принес для передачи Кулябко, информировал: Николай Яковлевич приехал к нему на квартиру в сопровождении некой Нины Александровны. У них бомба и два браунинга. За квартирой Богрова установили наблюдение.

Однако террористы куда-то таинственно исчезли…

1 сентября в опере давали злополучную «Сказку о царе Салтане» в присутствии государя и министров. Охранка пропустила Богрова в театр, чтобы он посмотрел, нет ли там таинственных террористов. Их он не обнаружил (потому что они и не существовали в природе), а вот роковой выстрел в Столыпина произвел.

Смертельное ранение Петра Столыпина не вызвало у царя особенных чувств. Посетил лечебницу с умирающим всего один раз, и то к больному не прошел. Программа торжеств, несмотря на покушение, пересмотрена не была и выполнялась неуклонно со всеми мероприятиями, где должен был участвовать Николай. Говорили: «Государь не считает случившееся особенной потерей».

Похороны Столыпина на кладбище Киево-Печерской лавры состоялись 9 сентября. Государь накануне отбыл из Киева в Крым на отдых. Отделался венком. Не было никого из Великих князей.

От Государственной думы прибыло около 50 человек: русские националисты, октябристы с Александром Гучковым. Ни от левых, ни от правых никого. Председатель Думы Родзянко привез венок от собственного имени: «Депутаты меня не уполномочили». Было видно – в расследовании обстоятельств убийства премьера никто особенно не заинтересован.

Столыпин к 1911 г. утрачивает доверие императора. Когда-то Николай II восхищался распорядительностью Петра Аркадьевича, его энергией. Но премьер с точки зрения государя выполнил свое предназначение – подавил революцию. А дальше он становится не нужным: слишком самостоятельный; говорит: одними политическими полицейскими репрессиями революцию не остановить, нужны реформы. А зачем реформы? Революция уже подавлена. Столыпина слишком много. Он буквально затемняет фигуру государя. И это ему тоже не прощают. У него множество врагов. Они рады грядущей неминуемой отставке.

Двор, политики чувствовали изменившееся отношение Николая к Столыпину. В том же Киеве для председателя совета министров не предусмотрели экипаж в царском кортеже. Петр Аркадьевич нанял извозчика за свои.

Человеком, который настоял на служебном расследовании действий политической полиции, оказался Александр Иванович Гучков. Несмотря на некоторые политические разногласия, его связывали со Столыпиным дружба и взаимное уважение. В своих выступлениях и интервью он напрямую назвал виновников смерти Столыпина – высших чиновников охранки: «Не знали, как отделаться от Столыпина. Просто удалить его без серьезного повода не решались. А тут еще он назначил ревизию секретных

фондов департамента полиции. Так как революционеры в то время пытались организовать ряд покушений на его жизнь, то и решили не мешать».

Оскорбленный Спиридович хотел вызвать Гучкова на дуэль.

А император вынужден был создать специальную комиссию под председательством сенатора Максимилиана Трусевича. Эта комиссия тщательно изучила все обстоятельства и действия должностных лиц. И представила императору свое заключение: «Описанные деяния, заключающие в себе признаки преступлений, подлежащих рассмотрению в судебном порядке, вызывают необходимость в возбуждении против генерала Курлова, статского советника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки уголовного преследования по установленным в законе правилам».

Комиссия не установила причастности Курлова, Веригина, Спиридовича и Кулябко к заговору против Петра Столыпина. Хотя мотив был. Столыпин предполагал ревизовать полицейское ведомство. А у всех наших героев рыльце было в пушку. Но государь приказал официально уголовное преследование не возбуждать.

В результате из названной четверки пострадал только младший – подполковник Кулябко. В киевской охранке обнаружили серьезную недостачу – около 30 тысяч рублей ушло налево, в том числе было выписано несуществующим агентам. Кулябко за это был осужден, изгнан из органов и на старости лет занялся продажами швейных машинок.

Остальные так и остались при дворе, при правительстве, при должностях, иногда их (должности) меняя. И все также заботились о своей репутации в сферах больше, чем о профессиональных обязанностях. Спиридович и Курлов особенно ценились во времена распутинщины. Именно они и им подобные проглядели надвигающийся Февраль.

Богров воплотил свой геростратовский замысел: громко хлопнул напоследок дверью. Но и для власти, и для общественности, и для будущих историков героем он так и не стал. Психопат, дрянь, пустое место.

А способствовал выстрелу Богрова заговор посредственностей, заговор, жертвами которого стал не только Столыпин, но и вся царская Россия.

Александр Блок

На момент смерти Блоку 40 лет. Статус – главный поэт эпохи. Его имя знает вся читающая Россия. Один из немногих представителей русской интеллигенции, принявших Октябрьскую революцию. В начале 1918 г. пишет поэмы «Двенадцать» и «Скифы» – глубоко революционные по своей сути и форме. После этого фактически замолкает. Последние годы проходят в тяжелейшей депрессии. Перед смертью очевидным становится психическое расстройство.

На восприятие смерти Блока современниками, а через них и позднейшими исследователями биографии поэта, огромный отпечаток наложило само время смерти. Блок умер 7 августа 1921 г.

Что это было за время? Большевики у власти четвертый год. Страна в руинах. Идет гражданская война. Только что объявлена новая экономическая политика как признание властью невозможности дальше существовать в условиях военного коммунизма. Умереть в Петрограде в первые послереволюционные годы было очень несложно. Быта не было. Голодно. Холодно. Теснота и грязь. Любая болезнь без должного лечения, при скудости питания, в условиях антисанитарии с легкостью приводила к смерти. К тому же много убивали – просто элементарно убивали. Например, за три дня до смерти Блока был арестован, а через несколько недель расстрелян другой поэт – Николай Гумилев. Но Блока не убили. Он умер сам. В своей кровати. И это единственное, что мы доподлинно знаем о его смерти.

Причина смерти в некрологах официальных, советских газет, типа «Известий», не указывалась. Ни названия болезни, ни медицинского заключения. Можно подумать, что правду пытались скрыть, и что-то здесь нечисто, но нет – просто вскрытия не проводили, а при жизни Блок ни разу клинически не обследовался. Никаких официальных документов нет.

Понятно, что впоследствии этот пробел был восполнен. До сегодняшнего дня во всех энциклопедиях и справочниках сообщается, что умер Блок от болезни сердца, а конкретно – воспаления сердечных клапанов или, как позднее уточнили, септического эндокардита. Кстати, это вполне правдоподобная версия.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: ПОДОСТРЫЙ ХРОНИЧЕСКИЙ ЭНДОКАРДИТ

Эндокардит – очаговое или диффузное воспаление внутренней оболочки сердца, приводящее к ее разрушению и

образованию внутрисердечных тромбов. Причиной возникновения эндокардита чаще всего является уже имеющийся воспалительный очаг в организме. Инфекционный агент, выходя в кровь, поражает многие органы и системы, но чаще всего сердце. Смерть наступает по причине сердечной недостаточности или эмболии. Чаще всего заболеванию подвержены мужчины в возрасте от 20 до 40 лет.

Исследователи последней болезни поэта пользуются «Краткой заметкой о ходе болезни Блока», составленной доктором Александром Пекелисом, наблюдавшим своего пациента в последние полтора года его жизни. Жили они с Блоком в одном доме на углу набережной Пряжки и Офицерской улицы. Неплохо друг к другу относились.

Так вот, именно Пекелис считал, что Блок умер от острого эндокардита. Только в 1987 г. в специальном филологическом издании «Литературное наследство» появилась статья «История болезни Блока», в которой поставлен несколько иной диагноз – подострый септический эндокардит.

Острый эндокардит – болезнь, которая убивает за три месяца. Подострый септический эндокардит может развиваться годами, без видимых патологий. Он трудно диагностируется. На основании исследования писем, дневников и мемуаров, симптомы подострого септического эндокардита выявляются у Блока задолго до последней болезни. Это похудание, бледность кожи, иногда с желтизной или приобретением ею цвета «кофе с молоком», боли в суставах (чаще мелких), постепенное изменение формы ногтей в виде часовых стекол и деформация концевых фаланг пальцев по типу барабанных палочек, увеличение селезенки. Собственно эндокардит клинически выражается появлением сердечных шумов. Наблюдаются геморрагические высыпания на коже и слизистых оболочках.

Действительно, в последние годы жизни Блока многие замечали, что у него странно потемнела кожа лица, ногти приобрели странную форму и он жаловался на постоянную боль в ноге.

Блок был чрезвычайно подвержен простудным заболеваниям. Плеврит, отит, бронхит, тонзиллит – от этих болезней он попеременно страдал лет с пяти и до конца жизни, что невероятно расстраивало мать, которая сына боготворила. Кроме того, мы точно знаем, что в 23 года он заболел гонореей.

Впервые он пожаловался на сердце в 1909 г., но обследовавшие его врачи приписали все недуги нервам. Где-то с 1913 г. и до наступления последней болезни Блок чувствовал себя физически неплохо – только периодические простуды, к которым

он привык.

А вот с весны 1920 г. он начинает болеть постоянно. Инфлюэнца с катаральными явлениями, невроз сердца легкой степени. Выглядит плохо – отмечают все современники. Весной 1921 г. он уже еле ходит с палкой. В конце мая у него уже собственно обнаруживают эндокардит. От него он якобы вскоре и умирает.

Пекелис – врач, наблюдавший Блока в последние годы – сам не очень понимает, почему Блок так быстро умер: «Если всем нам, в частности нашему нервно психическому аппарату, предъявляются в переживаемое нами время особые повышенные требования, ответчиком за которые служит сердце, то нет ничего удивительного в том, что этот орган должен был стать местом наименьшего сопротивления для такого вдумчивого, проникновенного наблюдателя жизни, глубоко чувствовавшего и переживавшего душою все то, чему его «свидетелем Господь поставил», каким был покойный А. А. Блок». Абзац потрясающий – не медицинское заключение, а стихотворение в прозе в духе русского символизма.

До начала широкого применения антибиотиков септический эндокардит в последней фазе не лечился. Можно было не допустить болезни профилактикой тонзиллита, а не запускать его. Повышать иммунитет. Но радикальных методов воздействия на болезнь у медицины не было.

Врачи рекомендовали вывезти Блока в зарубежный санаторий, считая, что перемена обстановки и хорошие условия жизни могут помочь. Друзья и родственники хлопотали о выезде в Финляндию. Горький писал Луначарскому. Тот Ленину. Ленин Менжинскому. Почему-то Блока не хотели выпускать. Разрешение на выезд пришло чуть ли не в день смерти. Это дало основание предполагать, что большевики уморили Блока, не дав выехать на лечение. Об этом много писали в годы перестройки. Но если мы принимаем версию септического эндокардита, получается, что ему уже ничто не могло помочь.

Смерть Блока окружена загадками. Об уходе из жизни поэта в советское время писали мало и неохотно. Разумно подозрительная советская интеллигенция чувствовала в этом какой-то подвох. С либерализацией печати в конце 80-х нам стала доступна версия, впервые озвученная на Западе – Блок умер от сифилиса. Об этом сейчас говорят все настойчивей. Подробных медицинских исследований нет, но версия есть.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: СИФИЛИС

В Советском Союзе эту версию замалчивали. Сифилис считался постыдной болезнью, а национальный классик, как жена

Цезаря, должен быть вне подозрений. Между тем сифилис – такой же бич в XIX веке, как СПИД в конце XX. От сифилиса умерли Верлен, Ницше, Мопассан, Тулуз Лотрек, Врубель.

Самая авторитетная сторонница версии смерти Блока от сифилиса – Аврил Пайман – чуть ли не самый крупный специалист на западе по русской поэзии начала XX века, доктор философии, член Британской академии. На русский язык ее книга «Ангел и камень. Жизнь Александра Блока» переведена в 2005 г. Пайман тщательно аргументирует в своей книге о Блоке версию сифилиса. Ее книга – серьезное исследование. Она не ищет дешевых сенсаций. Это монография про Блока, а не про сифилис у Блока.

В дневнике Блока существует упоминание о врачебном обследовании на предмет сифилиса, которое проводили врачи еще в 1911 г. Сифилис был очень распространен в начале XX века. При определенном образе жизни заразиться им в Петербурге было несложно. Про особенности сексуального поведения Блока тоже известно. Бурные, хотя немногочисленные, романы, частые контакты с проститутками. Аскетом не был. Заразиться мог.

До открытия антибиотиков сифилис лечили ртутью. Возбудитель болезни – бледная трепонема – была выявлена только в 1905 г., а в 1906 г. Август Вассерман разработал точный метод диагностики сифилиса. Выделяют три стадии заболевания. Хроническая третья стадия поражает различные органы, включая нервную, дыхательную и сердечно-сосудистую системы.

Блока целый год обследовали по методу Вассермана. Врачи говорили, что сифилис не выявлен, но упорно продолжали анализы. Лечили якобы от редкого заболевания дрожжевыми клетками, но применяли ртуть и сальварсан, которые тогда использовали против сифилиса.

Возможно, врачи перестраховывались. Не поставив точный диагноз, они исходили из возможности двух самых распространенных в тогдашнем Петербурге заразных болезней: туберкулеза и сифилиса. Туберкулез у Блока исключили, сифилис – нет.

Единственное подтверждение сифилиса – дневник с описанием лечения. Блок с ранних лет испытывал стыд из-за подозрения у себя венерического заболевания. Можно предположить, конечно, что он умышленно отгонял от себя мысль о сифилисе, но все равно веских фактов нет.

Аврил Паймен указывает, что симптомы болезни, от которой умер Блок, схожи с третичным сифилисом: постоянные жалобы на озноб, ломоту во всем теле, конечностях, боли в области сердца. Где-то за полгода до смерти – ужасные боли в ногах, одышка.

Цинготные опухоли на ногах. Малокровие. Лихорадочные скачки температуры. Ужасно исхудал. За месяц до смерти – отеки, рвота, боль под ложечкой. Отеки постоянно растут. Очевидная психическая ненормальность, агрессия.

Можно предположить, что Блок действительно умирал от сифилиса, врачи это знали, но чтобы не пачкать имя поэта, составили для потомков липовое заключение о болезни сердца. Ну а после смерти, когда Блок постепенно вошел в официальные хрестоматии, точки над «и» в этой истории поставить было уже невозможно. Знать о таких подозрениях – знали. Но писать – не писали. Венерические болезни считались постыдными, свойственными социальному дну. Чему же удивляться, что во времена тотальной цензуры на версию о смерти Блока от сифилиса был наложен запрет.

Кстати, кроме Аврил Паймен, на этой версии смертельной болезни Блока никто не настаивает. Доктор Александр Пекелис – врач вполне квалифицированный, доктор медицины, работал в Военно-Медицинской академии. Наблюдал больного с самого начала болезни и до последних дней. Когда наступило резкое ухудшение, созвал консилиум из известных питерских врачей: П. В. Троицкого и Э. А. Гизе. Последний был заведующим неврологическим отделением Обуховской больницы. Врать врачам не было особого резона, они видали виды. Но последняя болезнь Блока действительно была странной. Большинство современников, и сам поэт, склонялись к тому, что его убило «отсутствие воздуха».

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: СМЕРТЬ ОТ «ОТСУТСТВИЯ ВОЗДУХА»

Третья версия смерти Блока звучит несколько неожиданно – «отсутствие воздуха». Да, именно так! Понятно, что это метафора. «Отсутствие воздуха» значит в случае Блока – прекращение физического существования из-за отсутствия всяких стимулов к жизни. Организм поэта как будто саморазрушился, получив сигнал от мозга. Звучит фантастически, но свидетелям смерти Блока так не казалось. Не казалась фантастической эта версия тем, кто лично знал его и пытался понять. Она и сегодня многим кажется убедительной. Речь идет не о полусумасшедших мистиках или каких-то фанатичных поклонниках Блока, готовых поверить во что угодно, кроме грубой правды.

Владислав Ходасевич писал: «Не странно ли: Блок умирал несколько месяцев, на глазах у всех, его лечили врачи – и никто не называл и не умел назвать его болезнь. Началось с боли в ноге. Потом говорили о слабости сердца. Перед смертью он сильно страдал. Но от чего же он все-таки умер? Неизвестно. Он умер как-то «вообще», оттого что был болен весь, оттого что не мог

больше жить. Он умер от смерти».

Важно, что это слова Владислава Ходасевича – не какой-то восторженной курсистки, а чуть ли не самого злого, едкого и умного русского поэта начала века. Про Ходасевича писатель и теоретик литературы Виктор Шкловский сказал очень точно: «В крови его микробы жить не могут. Дохнут».

Шкловский тоже, как известно, был злющим и не расположенным к сантиментам. И мы можем привести его мнение на ту же тему – от чего умер Александр Блок. «Блок умер от отчаяния. Он не знал, от чего умереть. Болел цингой, хотя жил не хуже других, болел жабой, еще чем-то и умер от переутомления».

Блок с середины 1918 г. жил в состоянии циклически нарастающей депрессии. Стихов не писал, а это была для него такая же органическая часть жизни, как для нас ежедневный прием пищи. Последние полтора года постоянно болел.

С весны 1921 г. он уже не болел, а очевидно умирал и при этом лишался рассудка. Врачи ничего не понимали – вспомните хотя бы то врачебное заключение, которое мы приводили в начале. Разрушение его организма настолько явно шло параллельно с катастрофическими изменениями его психического состояния, что складывалось ощущение: медицина бессильна – она эти болезни не лечит.

Формула «отсутствие воздуха» принадлежит самому Блоку. За месяц до наступления тяжелой стадии болезни – в феврале 1918 г. – Блок прочитал речь «О назначении поэта», где сказал, что Пушкин умер не от пули Дантеса, а от отсутствия воздуха. Те, кто присутствовал на чтении, а это был весь литературный Петроград, догадались – речь не только о Пушкине, но и о самом Блоке. Поэт чувствует приближение собственной смерти и дает к ней ключ. Дальнейшее загадочное течение болезни закрепило в сознании современников именно эту версию. Парадокс ее в том, что это версия самого Блока.

Блок – человек мрачный, с утопическим сознанием. Упорно пытаясь жить по неким довольно умозрительным схемам, он не раз за свою жизнь переходил от необычайного творческого подъема к глубокой депрессии. Он много пил. Домашняя его жизнь, особенно в последние годы, была адом. Жена и мать не переносили друг друга.

В октябре 1917 г. Александр Блок слышал «музыку революции». Вместе со своей партией левых эсеров (в ней состояли и Сергей Есенин, и Николай Клюев) он поддержал большевиков. В начале 1918 г. левым эсерам стало ясно: они ошиблись в союзниках. Вскоре партию запретили и разгромили; Блок подвергся кратковременному аресту. Поэт в русской

традиции – пророк. Блок чувствовал ответственность за свои ложные пророчества.

Для большевиков Блок был чужим человеком. С ним разорвали отношения большинство друзей, в том числе Зинаида Гиппиус, влиятельнейший товарищ по движению символистов. Александра Блока забаллотировали на выборах председателя Петроградского союза поэтов. Выбрали Николая Гумилева, за которым шла поэтическая молодежь. Ему некому и не о чем было писать. Он замолчал, жил будто по инерции.

При определенном стечении обстоятельств состояние психики может влиять на все состояние организма в целом. Тяжелые личные и общественные обстоятельства. Состояния угнетения, депрессии. Резкое снижение иммунитета. Нежелание жить. «Отсутствие воздуха».

Владимир Ильич Ленин

Ленин был одной из самых крупных политических фигур XX века. Его лечили лучшие доктора своего времени. О состоянии его здоровья сообщали газеты. Ход его болезни обсуждался на заседаниях Политбюро как важнейший государственный вопрос. И, тем не менее, сомнения в причинах его смерти остались. Не последнюю роль в этом играет гриф «секретно», которым по сей день замаркированы многие документы. Обстоятельства смерти Ильича оказались настолько непростыми как с исторической, так и с медицинской точек зрения, что до сих пор являются предметом серьезных споров и актуальных научных изысканий.

Владимир Ильич скончался 21 января 1924 г. в 18.50. Сам по себе день и точное время не столь важны. Это могло произойти чуть раньше, чуть позже. Дело было в болезни. Продолжительной, тяжелой и безжалостной к больному. По официальной версии, причиной смерти стал атеросклероз сосудов на почве их преждевременного снашивания.

Ленин, несмотря на фантастическую энергию и работоспособность, не был человеком великого здоровья. Те или иные проблемы, заставлявшие Ильича обращаться к докторам, возникали неоднократно и до революции, и в самом начале 1900-х. Но начало этой последней немощи историки относят ко второй половине 1921 г. Наиболее сильные ее приступы были зафиксированы 25–27 мая 1922 г. и 10 марта 1923 г.

В первые годы советской власти каждый новый день давал основание говорить о каком-либо неприятном событии. И приступы болезни Ильича, учитывая его огромную заинтересованность в участии в построении советской республики, безусловно, можно прямо связать с политикой.

1921 год связан с решающим политическим переворотом. Гражданская война выиграна красными, но ни всемирная социалистическая революция, ни даже власть над бывшей Российской империей не достигнуты. Крестьянские и матросские восстания, голод, хозяйственная разруха, грозящий раскол в правящей партии. Вводится НЭП, но его экономические и политические последствия не поддаются точному прогнозу.

В 1921 г. Ленина начали преследовать постоянные головные боли и бессонница. Он сам, близкие, а также врачи считали, что это результат переутомления. В августе 1921 г. Ленин писал Горькому: «Я устал так, что ничегошеньки не могу». После того как дважды вслед за головокружением у него случались обмороки, в помощь отечественным специалистам были вызваны

знаменитые медики из Германии. Но и они ничего, кроме сильного переутомления, не нашли. Больному был рекомендован отдых, который не принес облегчения.

После майских приступов 1922 г. Ленин впервые столкнулся с расстройством речи и письма. Для Ильича это была катастрофа. Последние публичные выступления Ленина состоялись в конце 1922 г. По воспоминаниям Бухарина, в ноябре, на четвертом конгрессе Коминтерна Ленин произносил речь на немецком языке. Слова забывались. Ленин подстегивал себя пощелкиванием пальцев, силясь вспомнить нужное слово. В дальнейшем афазия и аграфия прогрессировали. Иногда чуть-чуть отступали. Но в итоге взяли свое. Кроме того, он с трудом перемещался. У него была парализована правая половина тела. Он заново учился говорить и писать левой рукой. Пока мог, вел переписку через секретарей и Н. К. Крупскую. Своим положением очень тяготился.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: АТЕРОСКЛЕРОЗ ГОЛОВНОГО МОЗГА

Основной причиной смерти Владимира Ленина считается инсульт, возникший в результате атеросклероза головного мозга. Расстройства речи, письма, головные боли, обмороки, ограниченная подвижность являются симптомами атеросклероза.

Ленин был человек здоровый, деятельный, ему только что исполнилось 50 лет. Он не страдал хроническими болезнями. Однако для развития атеросклероза головного мозга были и показания. В семье Ульяновых, по видимому, существовала генетическая предрасположенность к атеросклерозу. К тому же, у Ленина были другие факторы риска: постоянные стрессы, огромная перегруженность работой, вспыльчивый, холерический характер, так называемое «пикническое сложение».

К лечению Ленина привлекли лучшие русские, а потом и европейские медицинские силы. Это были настоящие светила: достаточно назвать Бехтерева и Россолимо. По необходимости вызывали врачей из-за рубежа, из Германии. Сомнений в квалификации не было ни малейших: лучшие неврологи, невропатологи, психиатры и хирурги.

Первоначально врачи рассматривали две причины недомогания Ильича:

1. Результат перенапряжения в работе, чрезмерной мозговой деятельности, тяжелых условий революционного подполья, тюрьмы, ссылки и эмиграции.

2. Результат огнестрельной раны, нанесенной Ленину 30 августа 1918 г. Суд над эсэрами высказал убеждение, что пули были отравлены.

Один из приглашенных немецких врачей в 1922 г. высказал предположение о том, что болезнь Владимира Ильича связана со

«свинцовым отравлением», поскольку в его организме находились пули. И рекомендовал их извлечь.

Но консилиум эту идею отверг. Когда же у Ленина начались проблемы с речью, врачам стало ясно, что они имеют дело с серьезным мозговым заболеванием. Согласно тогдашней лечебной практике важнейшим способом для достижения результата в борьбе с болезнями головного мозга считался покой.

Ленин очень болезненно переживал свою изоляцию, и это становилось причиной не только условно-бытовых, но и внутрипартийных разногласий. Он жаждал вернуться к деятельной жизни и демонстрировал чудеса воли, заново обучаясь чтению, речи и письму, стоически воспринимая удары, которые на него обрушивала судьба. При всем при том, отношение к врачам у него было неровное. Таких как Федор Гетье (по сути домашний доктор) он привечал, некоторых опасался. У него развилась мнительность, он остро переживал кажущуюся ему фальшь, особенно если речь шла о прогрессе в лечении.

А большевики постоянно обманывали и его, и народ, интересовавшийся состоянием здоровья вождя. Вот например, что за полтора месяца до смерти Ленина рассказывал нарком здравоохранения Николай Семашко одесским коммунистам: «Речь его настолько улучшилась, что он почти свободно говорит. Ильич шутит, трунит по своему обыкновению над всеми, интересуется общественными делами, чувствуя, что скоро будет принимать в них непосредственное участие».

Ложь, окружавшая историю последней болезни Ленина, казалась кощунственной его близким: «Ужасно безответственные сообщения печатаются в газетах и делаются товарищами о здоровье В. И. Мы просили ЦК постановить, чтобы так не было, так что теперь будут печататься только бюллетени».

Если общественности лгали о состоянии Ленина при жизни, то почему бы не сфальсифицировать и причины его смерти? Речь идет прежде всего об официальном «Сообщении о болезни и кончине В. И. Ульянова-Ленина», протоколе патологоанатомического исследования и воспоминаниях лечащих врачей. В совокупности они действительно создают внутренне непротиворечивое свидетельство: Ленин был болен тяжелым атеросклерозом сосудов головного мозга. Эта болезнь привела к последнему роковому инсульту.

Но, как мы знаем теперь, даже среди авторитетных медиков, не говоря о современниках, были сомнения. А некоторых из них специально вызывали для того, чтобы исследовать В. И. Ленина на предмет совсем другого заболевания. И долгое время это было большим государственным секретом.

Ленин не был ни развратником, ни Дон Жуаном. Он (несмотря на многолетний роман с Инессой Арманд) скорее аскет. Но самая распространенная болезнь начала XX века, бич тогдашней Европы – это сифилис. И многое свидетельствует: такую болезнь у Ильича подозревали.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: СМЕРТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТЯЖЕЛОЙ ФОРМЫ ТРЕТИЧНОГО СИФИЛИСА

Эта версия не заимствована нами из желтой прессы. Сифилитический характер разрушения головного мозга В. И. Ленина до сих пор – предмет серьезнейших научных исследований. А тогда, в 20-е годы, причиной для сомнений в официальном диагнозе было несколько: к лечению были привлечены специалисты как раз в области третичного или позднего сифилиса; врачи настолько серьезно подозревали у Ленина это заболевание, что – и это известно доподлинно – неоднократно проводили так называемую пробу Вассермана; лечили мышьяком и сальварсаном.

Третичный сифилис – это стадия заболевания, наступающая через 5 и более лет с момента заражения. Заболевание сосудов головного мозга – характерный симптом этой болезни.

Как и когда Ленин мог заразиться? Привлекает внимание такое сообщение из воспоминаний Н. К. Крупской: «В конце 1902 (или начале 1903) г. группа «Освобождение труда» поставила вопрос о переезде в Женеву. Начали собираться. Нервы у Владимира Ильича так разгулялись, что он заболел тяжелой болезнью «священный огонь»… Когда у Владимира Ильича появилась сыпь, взялась я за медицинский справочник. Выходило, что по характеру сыпи – это стригущий лишай. И я вымазала Владимира Ильича йодом, чем причинила ему мучительную боль». Самолечение, точный диагноз не поставлен, очевидные признаки сифилиса.

Последнее из заслуживающих доверие исследований проблемы произведено израильскими учеными. Оно было опубликовано в «Европейском неврологическом журнале» (European Journal of Neurology, 2004). Их основные тезисы: в 1895 г. Ленин провел 2 недели в швейцарской клинике Боргхарда, отписав родным, что попаданию туда предшествовало «приятное времяпрепровождение». В связи с этим исследователи приводят ту же цитату из Н. К. Крупской, с которой мы только что ознакомились – о сыпи и самолечении йодом.

Известный специалист по сифилису Макс Ноне (Германия), вернувшись в свой Бремен из России, где консультировал Ленина, на вопрос о том, что за болезнь у В. И., ответил так: «Всем известно, для лечения какого рода заболеваний мозга меня

приглашают».

Сомнения по поводу сифилиса негласно разделял один из самых известных русских врачей Иван Павлов. Того же мнения придерживались присутствовавшие при вскрытии профессора Крамер и Кожевников. Их подписи не стоят под официальным протоколом.

Специалисты, которым удалось ознакомиться с материалами по Ленину в архивах, не обнаружили там результатов анализа крови, хотя кровь бралась на исследование неоднократно.

Описание изменений мозга подходит под описание последствий сифилиса мозга. Поведение больного и характер его заболевания подходят под клинику сифилиса с 20 – 30летней историей. Для третичного сифилиса характерен белесоватый цвет мозговых оболочек, обнаруженный при вскрытии.

Лечивший Ленина доктор Адольф фон Штрюмпель, рассуждая об отрицательной реакции Вассермана, утверждал, что при третичном сифилисе ложная отрицательная реакция встречается в 34–90 % случаев (речь о пробе из спинного мозга) и в 5 % при анализе крови. Сейчас при сомнениях в этиологии заболеваний сосудов головного мозга существуют более современные и тонкие методы, но тогда их не было.

Невероятны по тем временам гонорары иностранных специалистов. Двое получили по 50 тысяч рублей золотом, третий – 25 тысяч шведских крон. Выглядит как плата за молчание.

Есть основания считать, что к версии сифилиса даже руководство государства относилось весьма серьезно. Хотя, конечно, Советам очень хотелось, чтобы слово «сифилис» в диагнозе не звучало.

Вот что пишет, например, знаменитый эмигрантский историк Борис Николаевский: «Идею сифилиса у Ленина Политбюро совсем не отбрасывало. Рыков мне в июне 1923 г. рассказывал, что они приняли все меры для проверки, брали жидкость у него из спинного мозга – там спирохет не оказалось, но врачи не считали это абсолютной гарантией от возможности наследственного сифилиса; отправили целую экспедицию на родину, поиски дедов и т. д.».

Итак, вариант с заболеванием сифилисом – не пропагандистская находка и не выдумка желтой прессы. Проверить ее достоверно возможно и сейчас: мозг Ленина, как известно, частично сохранился в Институте мозга. Хотя, конечно, делать этого никто не будет.

При этом стопроцентных доказательств, что Ленин болел именно сифилисом, нет. Приглашенные профессора были людьми известными в своей области, и их гонорары быть низкими не

могли по определению. А что касается возможной переплаты, то, надо полагать, правительство республики Советов было заинтересовано еще и в том, чтобы мировая общественность не знала и о подозрениях на сифилис. Соблюдение государственных интересов, в смысле имиджа первого лица, здесь налицо и выглядит вполне уместным. О том, что в новейшей истории немало примеров, когда первые лица в силу этой болезни оказывались недееспособными, и правительства как минимум не афишировали эти факты.

Возможно, в силу того, что те две версии, которые мы разобрали, не являются однозначными и вызывают сомнения, существует и третья версия: Ленин был отравлен. Приверженцы этой версии считают, что, грубо говоря, заказчиком отравления мог быть И. В. Сталин. Исполнителем – кто-то из окружения Ленина, кто был чуть больше предан генсеку, чем Ильичу.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: ОТРАВЛЕН ПО ПРИКАЗУ СТАЛИНА

Иосиф Виссарионович Сталин в последние годы жизни Ленина, с 3 апреля 1922 г. занимал пост генерального секретаря ВКП(б). Именно ему Политбюро поручило контролировать ход лечения Ленина. В связи с этим поручением Сталин неоднократно вступал в конфликты с близкими больного, в частности, с Надеждой Крупской. Сам Ленин резко критиковал Сталина по многим вопросам. Тем не менее, Сталин одержал победу во внутрипартийной борьбе над своим главным оппонентом Троцким. И после смерти Ленина на три десятка лет стал единоличным правителем Советского государства.

Отношения с Лениным у Сталина были хорошими (если такое слово вообще можно применить к политикам). Пока Сталин не претендовал на собственную политическую роль, он казался отличным исполнителем: слегка грубоватым, но неизменно проводящим линию партии.

Первый известный нам конфликт возникает осенью 1922 г. К этому времени Сталин стал генеральным секретарем и уже в значительной степени контролировал партийный аппарат. Будучи великолепным политиком, Ленин, раньше других партийных вождей, почувствовал опасность, исходящую от властного генсека.

В конце сентября Владимир Ильич вступает со Сталиным в открытый конфликт, связанный с принципами организации будущего Советского Союза. В ответ на письмо Ленина, отправленное всем членам Политбюро, где было сказано, что «Сталин немного имеет устремление торопиться», тот нагло ответил: «товарищ Ленин сам «немного поторопился» и обвинил вождя в «национальном либерализме». Не будем вдаваться в

содержательную сторону спора: и Ленин, и Сталин придавали гораздо меньшее значение теориям, нежели политическим интригам. Увидев реакцию Ленина, Сталин понял, что поторопился, и сдал назад.

Между тем, пленум ЦК 18 декабря 1922 г. принял решение возложить именно на Сталина «персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений, так и переписки».

Однако Ленин не собирался подчиняться своему «комиссару». Он не забыл и не простил возникших между ними противоречий. «Товарищ Сталин, – диктовал Ленин Крупской в декабре 1922 г. в своем знаменитом «Письме съезду», – сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Сталин узнал и о диктовке, и о ее содержании. Используя статус «комиссара» при больном вожде, Сталин обрушивается на Крупскую.

23 декабря она, в свою очередь, не желая беспокоить больного мужа, посылает письмо его первому заместителю Льву Каменеву: «По поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей *(имеется в виду начало «Письма к съезду».)* Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз».

4 января 1923 г. Ленин поддает жару. Новая диктовка: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

Очевидно, что на рубеже 1922 и 1923 гг. Ленин принимает твердое решение осадить Сталина. «Последний бой» Ильич ведет тяжело больным, но все еще пользуясь огромным политическим влиянием.

В качестве предлога для смещения Сталина Ленин решает использовать «грузинский инцидент»: грубую попытку генерального секретаря включить Грузию в состав СССР без учета мнения тамошних коммунистов. Для расследования конфликта между представителями Москвы и грузинами, ЦК создает комиссию во главе с союзником Сталина Феликсом Дзержинским.

12 декабря 1922 г. Дзержинский встречается с Лениным в Горках и докладывает о работе комиссии. Ильич резко оспаривает выводы комиссии и становится на сторону грузинских коммунистов.

Он тут же диктует обширное письмо «К вопросу о национальностях или об "автономизации", которое, по-видимому, должно было заменить на XII съезде партии, намеченном на апрель 1923 г., его речь, если болезнь помешает выступить. Ильич подчеркивал: в «грузинском деле» сыграли «роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». На Сталина намекает и такая обидная фраза: «Тот грузин, который… пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом» но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности…»

24 января 1923 г. Ленин запросил у Дзержинского и Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу и дал поручение трем своим секретарям детально изучить их. 1 февраля Политбюро приняло решение о передаче материалов по грузинскому вопросу новой комиссии, созданной Лениным.

14 февраля Ленин дал указание «намекнуть, что он на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне». В том же поручении Ленин задавал вопрос: «Знал ли Сталин? Почему не реагировал?» и тут же формулировал свою принципиальную мысль: «Название «уклонисты» за уклон к шовинизму и меньшевизму доказывает этот самый уклон у великодержавников».

В конце февраля – начале марта 1923 г. борьба между Лениным и Сталиным становится смертельным поединком. Сталин создает вместе с Григорием Зиновьевым и Львом Каменевым в Политбюро блок, направленный против Льва Троцкого. Теперь генсек контролирует и режим содержания Ленина, и аппарат; у него сильнейшие позиции и на самом «партийном Олимпе».

3 марта Ленин получил заключение новой комиссии, созданной по его распоряжению. 5 марта он поручил секретарю Володичевой передать письмо «К вопросу о национальностях или об "автономизации" Троцкому в сопровождении двух записок. Первая записка включала следующий текст, продиктованный Лениным:

«Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия».

Вторая записка содержала сообщение о том, что «Владимир Ильич просил добавить для Вашего сведения, что т. Каменев едет в Грузию в среду и Владимир Ильич просит узнать, не желаете ли Вы послать туда что-либо от себя».

Получив статью и две записки, Троцкий спросил: «Почему вопрос так обострился?» Секретари Ленина сообщили ему о выводах, к которым пришел Ленин в результате знакомства с материалами «грузинского дела». Эти выводы, по их словам, сводились к тому, что «Сталин снова обманул доверие Ленина: чтобы обеспечить себе опору в Грузии, он за спиною Ленина и всего ЦК совершил там при помощи Орджоникидзе и не без поддержки Дзержинского организованный переворот против лучшей части партии, ложно прикрывшись авторитетом центрального комитета». Секретари передали также, что Ленин крайне взволнован подготовкой Сталиным предстоящего партийного съезда, особенно в связи с его фракционными махинациями в Грузии.

«Намерения Ленина, – вспоминал Троцкий, – стали мне теперь совершенно ясны: на примере политики Сталина он хотел вскрыть перед партией, и притом беспощадно, опасность бюрократического перерождения диктатуры».

Итак, Ленин, до того стремившийся быть беспристрастным арбитром в схватке между своими потенциальными наследниками: Сталиным, Зиновьевым, Каменевым с одной стороны и Троцким с другой, делает выбор. В поединке со Сталиным он решает использовать Троцкого как союзника.

Одновременно Ленин неожиданно вспоминает хамский разговор Сталина с Крупской, произошедший еще в декабре, более двух месяцев назад.

5 марта 1923 г. Ленин вызвал секретаря и продиктовал

следующее письмо: «Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через Нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко То, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против моей жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин. 5-го марта 1923 г.».

Сталин снова пытается найти компромисс. Он пишет Ленину: «…если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят. *И. Сталин».*

Но Ленин не готов мириться: его задача совершить переворот в партии, изолировать и уничтожить сталинскую группу. Он пишет антисталинским грузинам в Тифлис: «Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением Ленин. 6-го марта 23 г.».

Три письма Ленина, написанные 5 и 6 марта 1923 г., были его последними письменными документами. 6 марта в состоянии здоровья Ленина произошло ухудшение, а 14 марта его поразил еще один удар, который вызвал потерю речи и усилил паралич правой руки и ноги. Ленин снова, как казалось, временно вышел из игры. Его возвращение в политику означало для Сталина политическую смерть. Ленин пережил два тяжелых приступа болезни, мог пережить и третий.

Троцкий пишет: «Никто во всяком случае не сомневался, что появление Ленина на предстоящем через несколько недель съезде партии означало бы устранение Сталина с поста генерального секретаря и тем самым его политическую ликвидацию. Больной Ленин находился в состоянии подготовки открытой непримиримой атаки против Сталина, и Сталин слишком хорошо знал это».

17 марта Сталин имел беседу с Крупской, после которой немедленно отправил записку (под грифом «Строго секретно») своим тогдашним союзникам Зиновьеву и Каменеву: «Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в «ужасном» состоянии, с ним припадки, «не хочет, не может дольше жить и требует цианистого калия, обязательно». Сообщила, что пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина».

Зиновьев и Каменев оставили на записке взволнованный ответ: «Нельзя этого никак. Ферстер *(Острид Ферстер – немецкий профессор, невропатолог, лечивший Ленина. – Л.* Л.) дает надежды – как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя!»

Однако Сталин этим не удовлетворился. 21 марта он написал новую «строго секретную» записку, обращенную на этот раз ко всем членам Политбюро. В ней говорилось: «В субботу 17 марта т. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Владимира Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н. К. говорила, между прочим, что «Вл. Ильич переживает неимоверные страдания», что «дальше жить так немыслимо», и упорно настаивала не отказывать Ильичу в его просьбе. Ввиду особой настойчивости Н. К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В. И. дважды вызывал к себе Н. К. во время беседы со мной и с волнением требовал «согласия Сталина»), я не счел возможным ответить отказом, заявив: «Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов Политбюро ЦК».

Итак, Сталин приписывет Н. К. Крупской «упорное» желание ускорить смерть Ленина. В записках прослеживается затаенное желание Сталина, чтобы члены Политбюро согласились на осуществление этой, по его словам, «гуманной и необходимой миссии».

Но все члены Политбюро решительно отвергли идею об осуществлении отравления Ленина. Троцкий вспоминал: «Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер; на лице его застыла полуулыбка, точно на маске… Жуть усиливалась еще тем, что Сталин не высказывал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выжидая, что скажут другие: хотел ли он уловить оттенки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя затаенная мысль?.. Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева, который искренне любил Ленина, и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева…

– Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! – воскликнул я. – Гетье *(Федор Гетье, московский*

терапевт, домашний врач Ленина – Л. Л.) не теряет надежды. Ленин может поправиться.

– Я говорил ему все это, – не без досады возразил Сталин, – но он только отмахивается. Мучается старик…

– Все равно невозможно, – настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. – Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

– Мучается старик, – повторял Сталин, глядя неопределенно мимо нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту, ни в другую сторону. У него в мозгу протекал, видимо, свой ряд мыслей, параллельный разговору, но совсем не совпадавший с ним… Каждый раз, когда я мысленно сосредоточиваюсь на этой сцене, я не могу не повторить себе: поведение Сталина, весь его образ имели загадочный и жуткий характер… Голосования не было, совещание не носило формального характера, но мы разошлись с само собой разумеющимся заключением, что о передаче яда не может быть и речи».

Политбюро лишило Сталина возможности легально выполнить просьбу Ленина. Но если такая просьба была, ее можно было выполнить и не спрашивая разрешения. Лев Троцкий: «Передать больному яд можно было разными путями через очень надежных людей в окружении. При Ленине были члены охраны, среди них люди Сталина. Могли дать яд при таких условиях, что никто не знал бы о характере передачи, кроме Ленина и его самого. Зато на случай открытия дела, вскрытия тела и обнаружения отравы преимущества предупреждения были поистине неоценимы: все члены Политбюро знали, что Ленин хотел достать яд. Сталин вполне легально предупредил об этом Политбюро. С этой стороны Сталин обеспечивал себя, таким образом, полностью… В случае, если бы яд в трупе оказался обнаружен, объяснений искать не пришлось бы… очевидно, несмотря на отказ Сталина в помощи, Ленин сумел ее найти…»

Есть и прямые свидетельства бежавшего на Запад бывшего секретаря генсека Бориса Бажанова. Другой сталинский помощник, Григорий Каннер, рассказывал ему: «20 января 1924 г. в кабинет Сталина вошел Ягода в сопровождении двух врачей, которые лечили Ленина. – Федор Александрович [Гетье], – обратился Сталин к одному из этих врачей, – вы должны немедленно отправиться в Горки и срочно осмотреть Владимира Ильича. Генрих Григорьевич [Ягода] будет вас сопровождать.

Вечером того же дня […] Каннер, который входил и выходил из кабинета, слышал отдельные фразы беседы Сталина и Ягоды. «Скоро произойдет очередной приступ. Симптомы уже появились. Он написал несколько строк (Каннер видел эти строки,

написанные искаженным почерком Ленина), поблагодарив вас за присылку средства избавления от мук. Его страшит одна только мысль об очередном приступе…»

21 января 1924 г. произошел очередной приступ. Крупская на минуту вышла из комнаты, чтобы позвонить по телефону. А когда вернулась, Ленин был мертв. На прикроватном столике стояли несколько пузырьков – все пустые. В четверть восьмого в кабинете Сталина зазвонил телефон. Ягода доложил, что Ленин умер».

Если учесть дальнейшую чреду таинственных смертей людей из сталинского окружения – от Михаила Фрунзе и Валериана Куйбышева до Максима Горького и Андрея Жданова – предположения Льва Троцкого не кажутся такими уж фантастическими. Лидия Иванова

Лидия Александровна Иванова

Окончила балетное, ныне Вагановское, училище. Поступила в труппу бывшего Мариинского театра. Надежда молодого русского балета 20-х годов. Блистала в «Петрушке» и «Корсаре». Была популярна и в среде балетоманов, и среди широкой публики. Летом 1924 г. 20-летняя актриса утонула во время водной прогулки. Ее гибель породила множество противоречивых слухов и версий.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Трагическая смерть Лидии Ивановой не случайно вызвала такой отклик в Ленинграде.

В 1920-е годы в богатом традициями отечественном балете происходила смена поколений. «Старая гвардия» либо ушла со сцены, либо эмигрировала. Поэтому внимание к своим, расцветшим уже после революции кадрам было огромным. Как в современном футболе: какими бы блестящими ни были приглашенные из-за рубежа игроки, публика готова носить на руках парня из соседнего двора. Кроме того, в истории с Лидочкой реализовались страхи того времени, поскольку в ней фигурировали имена сотрудников ГПУ. И, наконец, даже исходя из официальной версии, уж больно нелепым был этот случай. Такие дела, даже если происходят с неизвестными людьми, обсуждаются на каждом углу.

Официальная версия звучит так (ее, кстати, весьма трудно оспорить): 16 июня 1924 г. Лидия Иванова отправилась кататься на моторной лодке в сопровождении своих знакомых. Была жаркая погода. Понедельник. Четверо солидных мужчин, а именно: комендант Малого оперного театра Языков, администратор студии театра драмы, ныне носящего имя А. С. Пушкина, Гольштейн, матрос Родионов и инженер Клемент (организатор поездки), предложили Лидочке совершить прогулку на моторной лодке. Так получилось, что в устье Невы произошла катастрофа. Лодка столкнулась с пароходом, шедшим в Кронштадт. Погибли двое – Клемент и наша Лидочка. Их тела не нашли.

От Аничкова моста моторная лодка двинулась в сторону Летнего сада. Но проход в Неву перегородила баржа. Тогда судно развернули и пошли вниз по Фонтанке в сторону Калинкина моста. В Большую Неву вышли в самом устье, на взморье у Гутуевского острова, около так называемой Железной стены. Именно здесь, в узком фарватере, лодка столкнулась с направлявшимся в Кронштадт пароходом «Чайка». Корпус

переломился. Все, кто был на борту, оказались в воде. Троих спасли матросы с «Чайки» и подоспевшего буксира. Лидия Иванова погибла. Тело ее не нашли.

Согласно показаниям тех, кто уцелел, у лодки перегрелся и вышел из строя мотор. Она потеряла маневренность. Далее ее несло течение. Довольно, надо сказать, сильное. Пока возились с двигателем, прозевали пароход.

Место это с точки зрения судовождения действительно непростое. Водный транспорт в 1920-е годы не роскошь, а вполне серьезное средство передвижения людей и грузов. Фонтанку и Неву одновременно бороздили сотни яликов, пассажирских и буксирных пароходов, плыли плоты, лайбы, прогулочные катера. Движение плохо регулировалось, о чем свидетельствует в частности, затор, не позволивший катеру выйти в Неву у Летнего сада.

Самое подробное описание трагического инцидента дают друзья погибшей Лидочки. В тот вечер она, в составе небольшой труппы, в которую входили ее подруга Александра Данилова и Георгий Баланчивадзе с женой, будущий Джордж Баланчин, должна была выступать. Но на выступление, по понятной нам причине, не явилась.

Узнав о происшествии, друзья пошли на пристань и нашли капитана судна, раздавившего лодку. Он, по их воспоминаниям, находился в смятении. Его рассказ был таким. Лодка все время шла под самым носом у парохода, он старался избежать столкновения, подавал сигналы, но, в конце концов, разойтись не смог. Четыре человека, находившиеся в лодке, были выброшены за борт толчком. Мужчинам бросили спасательные круги и веревки, а Лидию затянуло под лодку, «наверное, в мотор», и больше она на поверхности не показывалась.

Сколько требуется продержаться тем, кто терпит бедствие? Средства спасения применены, экипажи лодки и парохода оказались рядом. Дело произошло в июне, когда вода в Неве не такая уж холодная. Лодка только-только прошла ремонт.

Однако люди, попадающие в чрезвычайные ситуации, почти всегда становятся жертвами переоценки собственных возможностей. На борту находилась красивая молодая девушка, знаменитость; признаваться, что в моторе что-то барахлит, не хотелось.

Трагический инцидент 16 июня 1924 г. стал последней каплей для властей: после него в Ленинграде были резко ужесточены меры по пресечению всяческого гусарства на воде. По предложению Ленинградской губернской прокуратуры административные органы совместно с водоспасательной базой

приняли на специально созванном совещании постановление о мерах по предупреждению несчастных случаев. Постановление обязывало владельцев лодок, содержателей перевозов, купален иметь на лодках и пристанях спасательные средства, держать наготове шлюпки для немедленного оказания помощи людям. Запрещалось давать лодки напрокат малолетним и лицам в нетрезвом состоянии.

Утешением поклонникам таланта Лидии Ивановой эти новые правила не стали.

Из тогдашних газет нам известно: «Следствие по делу ведет водный отдел ГПУ». Затем, как это было принято, оно передавалось на заключение «аварийной комиссии» и переправлялось к прокурору. Ничего криминального следствие не выявило. Было очень много свидетельских показаний: экипажа, пассажиров «Чайки», уцелевших спутников Ивановой.

Все они показали примерно одно и то же: как только на «Чайке» заметили лодку с пассажирами, болтавшуюся на воде, сразу же стали подавать предупредительные свистки. Но находившиеся в лодке не обратили внимания на сигналы, не отплыли в сторону, хотя бы с помощью весел. Капитан скомандовал: «Право руля!», и пароход резко подался вправо. Но тут произошло непредвиденное – на лодке неожиданно заработал мотор, и она пошла, но вместо того, чтобы уйти с пути, освободить его, двинулась наперерез пароходу.

Только два свидетеля видели девушку в светлом платье. Один, начальник водолазной базы, с палубы «Чайки» заметил, что ей не удалось уцепиться за спасательный круг и ее понесло течением. Другой считал, что Лиду затянуло под днище «Чайки». Несмотря на работу водолазов, ее тело так и не было найдено.

Следствие пришло к выводу, что погибший вместе с Ивановой инженер Клемент нарушил требования безопасности. Он вообще не имел никакого права управлять судном. Останься он жив, скорее всего, был бы наказан. А к тем, кто спасся, забыв о юной актрисе, был применен термин «обывательская растерянность». Итак, официальное заключение – несчастный случай.

Но ни отец Лидочки, ни ее друзья результатам следствия не поверили.

Лидия Иванова была восходящей звездой, любимицей города, и слухи вокруг актрис – обычное дело. В отношении Лидии они возникали и до ее трагической гибели. В 1922 г. по Петрограду разнесся слух о том, что Лидочке якобы перерезало ноги проезжавшим экипажем. Это известие, оказавшееся полной чушью, тем не менее, взбудоражило театральную общественность настолько, что родственникам Ивановой пришлось давать

успокоительные ответы на телеграммы сочувствия.

Близкие Лидочки Ивановой были уверены, что дело обстояло совсем по-другому, и что тело ее не было найдено неспроста. Никто не сомневался, что она утонула именно в этот день. Под сомнение были поставлены обстоятельства, которые в принципе привели к этой казавшейся невинной прогулке и такому финалу.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ТЕАТРАЛЬНЫЕ ИНТРИГИ

Литературно-театральную версию озвучил в одном из своих стихотворений знаменитый поэт Михаил Кузмин.

Уносится тайком чужой портфель,
Подносится отравленная роза,
И пузырьками булькает со дна
Возмездие тяжелым водолазом.
Следят за тактом темные глаза
И сумочку волною не качает…

Это прямой намек на убийство. Его можно найти в некрологе погибшей балерине, написанном поэтом для «Красной газеты»: «Обстоятельства ее гибели всех поразили. Увеселительная поездка на воде, порча мотора, наскочивший пароход, *далее смутно.* Двое погибших, трое спасшихся. Погибла и Иванова. *Несчастный случай?»*

Такие намеки прослеживаются не только в творчестве Кузмина. Крупнейший балетный критик того времени Аким Волынский посвященную Лидочке Ивановой статью озаглавил «Адриенна Лекуврер» – по имени французской танцовщицы, которой ревнивая конкурентка преподнесла отравленные цветы: «Слишком все это близко в настоящую минуту, чтобы называть своими именами людей и вещи. Если бы Лида Иванова упала на сцене во время танца, я первый подумал бы, не подстроено ли это падение искусственно, враждебною рукою, как это иногда случается на театральных подмостках – драматических, оперных и балетных».

Литературно-театральная версия, если перевести ее на понятный язык, звучит так: несчастный случай 16 июня – завуалированное убийство. А причастна к нему настоящая звезда балета Ольга Спесивцева. Мотив – ревность и профессиональное соперничество. Якобы она организовала несчастный случай, подговорив своего гражданского мужа, крупного петроградского чиновника Бориса Каплуна.

Ольга Александровна Спесивцева в 1913 г. дебютировала на сцене Мариинского театра. В 1917 г. она становится примой. Современников она потрясла исполнением партии Жизели. В

1924 г. Спесивцева покинула Советскую Россию. Уехав в Италию на лечение, назад не вернулась. С успехом выступала на лучших балетных сценах мира с ведущими партнерами. Крест на ее карьере и яркой публичной жизни поставило психическое нездоровье. Ольга Спесивцева дожила до 96 лет и умерла в доме престарелых под Нью-Йорком.

В 1924 г. она жила с Борисом Каплуном, красным чиновником, племянником знаменитого Моисея Урицкого. Каплун работал в аппарате Зиновьева, ленинградского диктатора, был у него управделами. Был человеком влиятельным, авантюрным, но дружил с людьми искусства и вел богемный образ жизни. Общался с писателями, артистами и художниками, пил вино, нюхал эфир, любил женщин. Ни в ЧК, ни в ГПУ Каплун никогда не служил и даже из партии был исключен в 1921 г. за пьяный дебош.

Историки балета считают смертельную ненависть Ольги Спесивцовой к Лидии Ивановой легендой. Как показала Дарья Хитрова, молодой талантливый исследователь из Чикаго, легенда эта имеет две итерации.

Влюбленный в Спесивцеву и отвергнутый ею Аким Волынский первым начал противопоставлять талантливую дебютантку Иванову общепризнанной приме Спесивцевой. Еще до трагической истории он писал: «…[в] прошлом году в замечательном танце рабыни в «Корсаре» она [Иванова] заставила балерину О. А. Спесивцеву пережить несколько жутких и, может быть, даже тягостных минут огнем и блеском своего чудодейственного полета». В некрологе Ивановой Волынский еще больше сгустил краски: «Я готов верить, что мотор на фатальной лодке действительно испортился, но я бы не удивился, если бы, при ином составе пассажиров и при других обстоятельствах, катастрофа не была бы случайною».

Отец погибшей Лидии Ивановой, инженер Александр Александрович Иванов, не смирился с официальной версией «несчастного случая» и продолжал искать предполагаемых убийц. В конце концов, он предложил свое видение преступления: статья Акима Волынского взбесила Ольгу Спесивцеву, та обратилась к Борису Каплуну. А он, темный делец со связями, нанял каких-то субъектов (возможно связанных с ГПУ). Эти-то спутники последней прогулки Лидочки Ивановой подстроили крушение лодки, в результате которого балерина погибла.

Александр Иванов с маниакальным упорством повторял свои догадки, так что постепенно о них стали говорить, как о чем-то достоверном, почти доказанном.

Но готический роман, в который превратил смерть маленькой

балерины ее несчастный отец, почти наверняка не имел отношения к действительности. Ольга Спесивцева была слишком известной артисткой, чтобы смертельно ревновать к славе юную дебютантку. Борис Каплун представляется скорее «гулякой праздным», чем предводителем шайки ассасинов. Ольга Спесивцева покинула Россию 20 марта 1924 года. К тому моменту она уже не состояла в связи с Борисом Каплуном.

Большинство из тех, кто видел в трагическом инциденте на Неве убийство, полагали его заказчиком не хрупкую балерину, а серьезное государственное учреждение.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: УБИТА ГПУ

Версия об устранении балерины в интересах ГПУ наибольшее распространение получила в эмигрантских кругах, что вполне естественно: уже 4 июля 1924 г. на Западе оказалась группа артистов балета, близких друзей Лидочки Ивановой. Собственно, и она сама теоретически могла оказаться среди них. Эти люди, прежде всего Джордж Баланчин, его первая супруга Тамара Джива и балерина Александра Данилова были уверены в том, что Лидочку устранили советские тайные службы.

В ноябре 1923 г. наследником знаменитой ЧК стало ОГПУ. В задачи управления входила борьба с контрреволюцией и шпионажем, обеспечение государственной безопасности. По воспоминаниям ветеранов, существовало два народных варианта расшифровки аббревиатуры: «О, Господи, Помоги Убежать!» и «Убежишь – Поймаем, Голову Оторвем». Руководителем ОГПУ до 1926 г. являлся основатель ЧК Феликс Дзержинский.

Для молодого и хищного советского государства массовый отъезд за рубеж работников искусства был болезнен. Но в случае Лидочки речь идет о том, что, постоянно общаясь с верхушкой петроградского ГПУ, она случайно могла стать носителем информации, которую органам никак не хотелось выпустить через границу. И единственным способом не допустить утечку они могли посчитать ликвидацию носителя.

Традиция посещать балет и заводить знакомства среди актрис имеет дореволюционные корни. Балерина – подруга гвардейца, банкира, а то и великого князя – обычный персонаж петербургского «света». Некогда аристократическую привычку подхватили «товарищи». Лидочку часто приглашали в клуб ГПУ, где она общалась с партийной и военной верхушкой. Близкие подруги и коллеги отговаривали Иванову от таких знакомств: считалось, что революция не закончилась, неспокойное время, продолжается борьба. Но Иванова к советам не прислушивалась. В конце концов, балерины привыкли получать подарки от высоких покровителей. И Лидочка не была исключением.

Близкая подруга Лидии Ивановой Александра Данилова вспоминала: «Опасно было пользоваться успехом у комиссаров, с которыми она дружила. Обстоятельства ее гибели казались подозрительными. Многие думали, что она почему-либо знала какие-то секретные сведения, и что несчастный случай был тщательно подстроен».

Мгновенно появившиеся сторонники этой версии полагали: инцидент с крушением 16 июня подстроили, чтобы Лидочка исчезла публично, чтобы ее смерть не вызывала вопросов. Масла в огонь подливали распространившиеся по городу свидетельства: якобы «спасенных» спутников Лидочки уже на следующий день после трагического происшествия видели в ресторане за веселым ужином. Они смеялись, выпивали, поднимали тосты. Что-то праздновали.

Настораживало и отсутствие улик. И в первую очередь тела. Якобы спустя неделю после трагедии некий друг Ивановой нанял ныряльщика для поисков ее останков. И по словам того ныряльщика, он видел на дне труп женщины с простреленной головой.

Тамара Джива рассказывает о незнакомце, который подошел к ним, когда они попытались найти место гибели подруги, и строго порекомендовал прекратить поиски.

Злодейские методы ОГПУ не подлежат сомнению. Но в распоряжении чекистов было множество возможностей заставить Лидочку замолчать, не прибегая к столь сложному и ненадежному методу убийства. Ей могли просто посоветовать никуда не выезжать. Или же не дать выездную визу.

Ее можно было сослать, посадить в Соловки, наконец, убить так, чтобы спрятать все концы. Прятать тело с простреленной головой на дне Невы небезопасно. Ее останки искали, и довольно тщательно, как в Неве, так и в заливе, ближе к Кронштадту. Но невское течение отличается непредсказуемостью и в практике современных спасательных встречается такое: рухнувшую с Литейного моста машину вылавливают только за Троицким. Тело могло всплыть, быть обнаруженным случайным человеком, и правда о насильственном убийстве всплыла бы наружу.

За полтора месяца до трагедии, по воспоминаниям друзей Ивановой (в частности, ее подруги, балерины Александры Даниловой), Лидочка пришла в театр опечаленная и заявила, что не поедет за границу, так как знакомая предсказательница предрекла ей смерть от воды. А труппа собиралась идти из Ленинграда в Штеттин на пароходе. Лидочка погибла раньше, катаясь на лодке в веселой мужской компании

Михаил Васильевич Фрунзе

Ранняя осень 1925 г. Сквозь перелески Подмосковья мчится в столицу литерный поезд председателя Реввоенсовета республики Михаила Фрунзе. Легендарный командарм, победитель Врангеля срочно вызван в столицу. Дело не в политике. Не в военной угрозе. Руководство страны приказало Михаилу Васильевичу срочно лечь на операционный стол. Фрунзе не переживет этой операции. И вот уже более 80 лет историки спорят о том, от чего он в действительности умер.

Михаил Васильевич Фрунзе единственный большевик, приговоренный царским правительством к смертной казни. Помилованный, провел 8 лет в самых суровых тюрьмах России, включая знаменитый Владимирский централ. В Гражданскую войну сделал стремительную карьеру в Красной армии. Громил Колчака в Башкирии, завоевывал Туркестан, прорывался в Крым через Перекоп и Сиваш. После смещения Троцкого с поста председателя Реввоенсовета республики в 1925 г. назначен на эту должность. Провел смелую и удачную реформу вооруженных сил СССР. Кандидат в члены Политбюро ВКП(б). К моменту смерти Фрунзе исполнилось 40 лет.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: СМЕРТЬ ВО ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ

Фрунзе с молодых лет привык быть лидером. Человек решительный, очень храбрый. Лично водил войска в атаку. Был страстным охотником, очень любил оружие, любил ездить на автомобиле на большой скорости. Что называется, был лихачом. Неоднократно попадал в аварии. Азартный политик, впрочем, осторожен и расчетлив. Открыто не примыкал ни к одной из конкурирующих внутрипартийных фракций. Все говорило за то, что впереди у него большое политическое будущее.

Но жизнь Фрунзе наполнена лишениями и тревогами. У него проблемы со здоровьем, мучает язва двенадцатиперстной кишки. Первые признаки этой болезни появились у командарма еще в 1906 г. Он стал жаловаться на болезненные ощущения в верхних отделах живота; не исключено, что тогда же и было первое желудочно-кишечное кровотечение. В 1916 г. начинает мучить боль в подвздошной области: острый аппендицит. После операции у него возникли обширные спайки в области слепой кишки, что могло доставлять дополнительные неприятные ощущения.

Впрочем, язвой страдали и страдают многие. А умирают, да еще и в 40-летнем возрасте, единицы. Что же произошло с Фрунзе?

Подлинной истории болезни Михаила Фрунзе в нашем распоряжении нет. Возможно, ее не было вовсе. Потому мы можем оперировать, в значительной степени, свидетельствами очевидцев.

В сентябре 1925 г. Фрунзе отправляется на отдых в Крым. Там находились Сталин и Ворошилов. Фрунзе не сидит на месте – охотится, путешествует. Все это приводит к обострению болезни. Он все больше бледнеет, худеет. Его лечащий врач, Петр Мандрыка, диагностирует внутреннее кровотечение. Как может, ограничивает активность больного. Из Москвы для консультации прибывают опытные врачи – Розанов и Касаткин. Они настаивают на возвращении Фрунзе в Москву, дополнительном обследовании и, если потребуется, операции.

В конце сентября первые лица государства покидают Крым. Сталин и Ворошилов едут на Пленум ЦК ВКП(б), а Фрунзе – прямиком в госпиталь. Проводится обследование командарма, используются последние достижения медицинской науки и практики. В октябре 1925 г. при участии авторитетных врачей проходит несколько консилиумов. На первом же из них было озвучено, что Фрунзе болен язвой двенадцатиперстной кишки, вследствие чего требуется оперативное вмешательство.

Вердикт второго консилиума стал поводом для принятия решения о хирургическом вмешательстве: «Давность заболевания и наклонность к кровотечению, могущему оказаться жизненно опасным, не дают права рисковать дальнейшим выжидательным лечением. Предлагая операцию, необходимо, однако, предупредить, что операция может оказаться, в зависимости от тех изменений, которые будут обнаружены по вскрытии брюшной полости, трудной и серьезной. Необходимо также считаться с тем, что операция не является радикальной, что возможны рецидивы и что операция не избавляет больного от необходимости и в дальнейшем в течение некоторого времени соблюдать известный режим и продолжать лечение… Операция может быть проведена в ближайшие дни».

Врачи как будто страхуются от возможного риска, но сходятся на необходимости операции, причем «в ближайшие дни». Состояние здоровья Фрунзе, анамнез болезни служили объективным показанием к проведению хирургического вмешательства. Для этого были такие основания, как наличие хронической глубокой каллезной язвы с мозолистыми краями в области двенадцатиперстной кишки. И, конечно, повторные желудочно-кишечные кровотечения, которые приводили к резкому ухудшению его самочувствия и вынуждали длительное время находиться на постельном режиме.

Может быть, в наши дни врачи бы ограничились медикаментозной терапией. Сегодня можно таблетками сделать гораздо больше, чем тогда. Но шел 1925 г. В те годы кроме операции рекомендовали поездки на курорты: Карлсбад или Мариенсбад, минеральные воды щелочного состава. А медикаментозная база в общем-то отсутствовала.

Фрунзе поступил в Кремлевскую больницу в Потешном дворце, был обследован. Но, как ни странно, своей достойной операционной в клинике, лечившей первых лиц государства, не оказалось. Утром 28 октября Фрунзе был выписан из Кремлевской больницы и поступил в Солдатенковскую или Боткинскую, как ее стали называть с 1920 г., больницу.

Руководил операцией известный хирург Владимир Розанов, в 1920-е годы – самый опытный и известный московский хирург. В апреле 1922 г. оперировал Ленина. Хирург-виртуоз, блестящий диагност. Возглавлял хирургическое отделение Солдатенковской больницы. Помогали Розанову крупнейшие специалисты, чьи имена впоследствии будут присвоены лучшим клиникам страны: профессора Греков, Мартынов, они же, кстати, подписали бюллетень о смерти Фрунзе.

Звездный состав, сборная страны. Они нередко оперировали вместе. Так, в 1927 г. москвич Мартынов и ленинградец Греков оперировали 78-летнего Ивана Павлова, первого нобелевского лауреата России. Были на операции и те, кто контролировал действия хирургов. Учитывая политическую значимость личности Фрунзе, в операционной присутствовали сотрудники Лечебно-санитарного управления Кремля: профессор Обросов и доктора Касаткин, Каннель, Левин.

29 октября в 12 часов 40 минут в Боткинской больнице начинается операция. С самого начала все пошло наперекосяк. По сути, операция ограничилась проникновением в брюшную полость, было установлено, что язва затянулась. Но операция вызвала резкое обострение имевшего место хронического воспалительного процесса. Больной долго не мог заснуть, выяснилось, что он плохо переносит наркоз. В связи с падением пульса при наркозе прибегали к впрыскиваниям, возбуждающим сердечную деятельность. После операции все внимание хирургов было сосредоточено на борьбе с сердечной недостаточностью. Однако лечебные воздействия оказались безуспешными. 31 октября 1925 г. в 5 часов 40 минут, через 39 часов после начала операции Фрунзе скончался «при явлениях паралича сердца».

По первой версии Фрунзе погибает не от осложнений язвы желудка, а от остановки сердца. В официальных сообщениях говорилось именно о слабом сердце. В то же время, утром 31

октября известным профессором Абрикосовым в анатомическом театре Боткинской больницы было проведено вскрытие тела Фрунзе. Наряду с врачами, проводившими операцию, на вскрытии присутствовали первые лица советского государства: Сталин, Рыков, Бубнов, Микоян. Сведения Абрикосова не давали прямого указания на причину смерти Фрунзе.

Из протокола вскрытия Михаила Фрунзе. 31 октября 1925 г.: «Заболевание… Фрунзе… заключалось, с одной стороны, в наличности круглой язвы двенадцатиперстной кишки…, с другой стороны…. имелся старый воспалительный процесс брюшной полости. Операция… вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повлекло за собой быстрый упадок сердечной деятельности и смертельный исход».

У Фрунзе обнаружили острый воспалительный процесс в области слепой кишки: перитонит. На операции из этой язвы выкачали стакан гноя. При вскрытии обнаружены недоразвитость аорты и артерий, ненормальная узость сосудов. Все крупные артерии были «более тонки, чем это соответствовало телосложению».

Итак, первоначальный диагноз был полным. Хирурги столкнулись с неожиданностями, которые повлияли фатально на исход операции.

Однако немедленно появляется другая версия, и исходит она от хирургов. Один из них, Иван Греков, даже выступил с интервью, которое перепечатали многие советские газеты. Греков утверждал, что операция была необходима, так как Фрунзе стоял на краю пропасти. Летальный исход он объяснял обнаруженными во время операции непредвиденными обстоятельствами. Но главное: сердце прославленного военачальника не перенесло наркоза. Произошла медицинская ошибка.

Абрикосов, близкий к власти специалист (он, например, вскрывал тело Ленина), сознательно скрыл ошибки своих коллег-врачей.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ОШИБКА АНЕСТЕЗИОЛОГА

Согласно второй версии, причиной смерти Фрунзе стала ошибка анестезиолога. В официальном сообщении отмечалось: «…больной трудно засыпал и плохо переносил наркоз». Приступить к операции врачи смогли только через 30 минут от начала введения наркоза. Подобная задержка была вызвана значительным психическим и двигательным возбуждением Фрунзе. «Обыкновенный» больной в то время засыпал в среднем через 11–12 минут при вдыхании хлороформа и через 17–18 минут при использовании эфира. Фрунзе для общего обезболивания вначале применили 140 г эфира, но затем из-за

состояния больного перешли на анестезию хлороформом.

Хлороформ – токсичное наркотическое средство. Его применение сопряжено с большим риском: разница между наркотической и смертельной дозой очень мала, а угроза передозировки велика. Первая официально зарегистрированная «наркозная смерть» от хлороформа случилась в Англии в 1848 г. Через сто лет после этого ученые смогли установить причину хлороформных «наркозных» смертей. Наиболее вероятная в излишней эмоциональности пациентов – мощном неадекватном выбросе катехоламинов перед операцией (в современной трактовке – стресс-реакция). Совместное использование эфира и хлороформа резко усиливало их токсическое и наркотическое действие. Жизнь пациента при хлороформовом наркозе зависит от опыта анестезиолога.

К середине 20-х годов в нашей стране еще не было специальности «анестезиолог», сестер-анестезисток. Однако Розанов предпочитал, чтобы общим наркозом занимался врач – «опытный наркотизатор, изучивший все нюансы хлороформирования». Розанов настаивает на участии в операции своего ученика, Алексея Очкина.

Алексей Дмитриевич Очкин – в 1925 г. относительно молодой, 40-летний хирург. Выдвинулся во время Гражданской войны. Служил врачом в Первой конной армии. Входил в кадровый состав Лечебно-санитарного управления Кремля. В 1936 г. утвержден доктором медицинских наук без защиты диссертации; с 1938 г. – профессор.

Алексея Очкина перед операцией не смутило эмоциональное напряжение больного. Начинается операция: эфир не срабатывает. Доктор стремится доказать свою состоятельность. Но эффекта нет. Кроме того, к операции приковано внимание первых лиц государства, ничего не упускают наблюдатели из лечебной комиссии. Косо смотрят не только Греков и Мартынов, но и Розанов бросает удивленный взгляд на своего ученика. Надо что-то делать, и тогда Очкин переходит на анестезию хлороформом. При этом превышает от волнения дозу. Начинает падать пульс, приходится прибегнуть к «впрыскиваниям, возбуждающим сердечную деятельность». Очкин вновь переходит к анестезии эфиром, что приводит к увеличению степени передозировки хлороформа.

В работах того времени, посвященных обезболиванию, отмечалось, что смерть при использовании хлороформа наступает вдвое чаще, чем при анестезии эфиром. И что наиболее важно для нас, «жертвой хлороформного наркоза» нередко становились «по странной игре судьбы люди во цвете лет и сил». Через несколько

недель после смерти Фрунзе нарком здравоохранения СССР Семашко подтвердил, что единственной причиной кончины Михаила Васильевича стало неадекватное проведение наркоза.

Можно фактически сказать, что Фрунзе умер во время наркоза, а не в ходе самой операции. Хирурги были вынуждены срочно зашить брюшную полость. В дальнейшем просто за счет проведения реанимационных мероприятий он прожил почти 39 часов.

Что это – «ошибка наркотизатора», как тогда выражались, или преднамеренные действия, медицинское убийство?

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО

Михаил Васильевич Фрунзе – герой войны, наркомвоенмор. Сам Сталин на похоронах 5 ноября 1925 г. говорил: «Армия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей». Народ скорбит. Но есть и сомнения. Не все понятно простому советскому человеку. А тут еще и недоразумение. В день смерти Фрунзе в «Рабочей газете» появилась заметка под заголовком «Товарищ Фрунзе выздоравливает». Рабочие понимают: здесь что-то неладно. Происходят собрания, звучат вопросы: зачем делалась операция; почему Фрунзе согласился на нее, если с язвой можно прожить и так; какова причина смерти; почему печатают лживые статьи? Ходили слухи, что героя Гражданской убили. Оговаривается на похоронах Енукидзе: «Ничто не могло его спасти, и мы, его близкие друзья, бессильно стояли около него, без протеста и сопротивления уступили его смерти».

Каким образом можно было избавиться от фигуры такого масштаба? Кто мог быть, выражаясь современным языком, исполнителем, если это было такое хитрое заказное убийство?

Несомненно, самой удобной была бы кандидатура Очкина. Смерть Фрунзе не была конечной точкой. Вскоре умерла его жена, Софья Алексеевна, которая не верила официальной версии. По одним данным, она покончила жизнь самоубийством, по другим, умерла от туберкулеза. А вот из врачей никто не подвергся наказанию, даже наоборот, их карьера развивалась успешно.

Спустя год они будут названы в числе лучших отечественных хирургов с собственными крупными клиническими школами. Вместе с тем, по необъяснимому стечению обстоятельств все трое, Розанов, Греков и Мартынов скончались в один год – в 1934. Через несколько лет на плахе окажутся и другие врачи, принимавшие участие в операции: Обросов, Каннель, Левин.

Практически единственным выжившим был как раз Алексей Очкин. На него излился поистине «золотой дождь» наград и поощрений свыше. Правда, не всегда фиксировалось, за какие

заслуги удостоился он подобной чести. В частности, в 1939 г. Очкин, по сути, бездействует, когда от перитонита умирает Крупская, ссылаясь на ее тяжелое состояние. А уже через неделю получает Орден Ленина.

Здоровье руководителей в Советском Союзе – политический вопрос. Являлось нормой, что высшие руководители вмешивались не только в процесс лечения своих соратников, но порой даже в их личную жизнь. В приказном порядке заставляли лечиться Дзержинского, Цурюпу и других номенклатурных работников. Любой мог «пойти под нож» по решению ЦК.

Решение консилиума об операции поддержало высшее партийное руководство, а выступать против указания Политбюро Фрунзе не мог. Он, видимо, что-то предчувствовал, и шел на эту операцию, как когда-то шли на смерть. Надел новую чистую рубашку, как надевали солдаты или матросы перед боем.

Страх (как мы видим осознанный) Фрунзе скрывал: все же он человек военный. Он с улыбкой уведомил Николая Бухарина о своем намерении «выздороветь окончательно и бесповоротно при помощи хирургического ножа». Вместе с тем, он передает своему товарищу Иосифу Гамбургу свою последнюю волю: «Ты знаешь, что я могу умереть под ножом. Это не обязательно, но может случиться. Никто не может быть гарантирован от случайностей. Я тоже думаю, что операция пройдет благополучно, но на всякий случай, если это произойдет со мною, я прошу тебя пойти в ЦК и сказать о моем желании быть похороненным в Шуе».

Неуверенность Фрунзе проступает и со страниц его писем жене: «Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее, оба консилиума постановили ее делать. Лично этим решением удовлетворен. Пусть же раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение. У меня лично все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо в противном случае как-то трудно объяснить факт моей быстрой поправки после отдыха и лечения».

Возможно, Фрунзе чувствовал и неуверенность врачей. Казалось бы, все три консилиума практически единогласно вынесли решение о проведении оперативного вмешательства. Люди, выносившие вердикт, были опытными специалистами.

Но позднее оказалось, что не все было так однозначно. В ноябре 1925 г. под председательством Н. И. Подвойского состоялось заседание правления Общества старых большевиков по поводу смерти Фрунзе. На заседание был вызван нарком здравоохранения Семашко. Он был весьма откровенен в своих высказываниях. По его словам, ни лечащий врач, ни Розанов не

торопили с операцией, лишь малая часть участников консилиумов была компетентна. Решение проходило не через наркомздрав, а через лечебную комиссию ЦК, о представителях которой Семашко отзывался весьма нелицеприятно. Кроме того, известный впоследствии военный врач Петр Мандрыка, наблюдавший Фрунзе на протяжении большей части его болезни, был отстранен. К больному наркому пропускали всех, но только не лечащего врача.

Причины волноваться были, в том числе и политические. С 1923 г. в Кремле разворачивается борьба за власть. В предвидении неизбежной смерти Ленина, против наиболее вероятного его наследника, Льва Троцкого, объединяется большинство вождей партии.

В 1924 г., после смерти Ильича, Троцкого смещают с поста руководителя Красной армии и выводят из узкого руководства. Власть делит триумвират – генсек Иосиф Сталин, председатель Коминтерна Григорий Зиновьев, заместитель главы правительства Лев Каменев. Однако уже летом 1925 г. между Сталиным с одной стороны и Зиновьевым и Каменевым с другой вспыхивает конфликт. Впереди XIV съезд партии, на котором произойдет решающий бой за власть. Фрунзе рассматривался при этом как возможный союзник Зиновьева и Каменева, или даже возможный компромиссный вариант генсека.

К 1925 г. авторитет Фрунзе как никогда высок. Победитель Колчака, завоеватель Средней Азии, покоритель белого Крыма. Эдакий советский Скобелев.

Масла в огонь подлила редакционная статья о Фрунзе в английском журнале «The Aeroplane», опубликованная в марте 1925 г. Ее название было весьма красноречивым: «Новый русский вождь». В ней, в частности, давалась такая характеристика Фрунзе: «В этом человеке объединились все составные элементы русского Наполеона!»

Он не только военный, он и дипломат. Спецпосланник в Турции. Под именем Михайлова нелегально добрался на итальянском пароходе до турецкого берега. Благодаря ему Кемаль Ата-Тюрк получил значительные финансовые средства, перевооружил армию и победил греков. Фрунзе не без бахвальства говорил, что знает турецкую армию не хуже Красной. Турецкий период деятельности Фрунзе «отлит в бронзе». На памятнике Республике в Стамбуле по левую руку от Кемаля Ата-Тюрка – Михаил Фрунзе.

В начале 1920 годов подобное трепетное отношение со стороны лидера иностранного государства к красному командарму могло не понравиться многим.

Несмотря на то, что Фрунзе был старым большевиком, при проведении военной реформы он стремился избавиться от существовавшего двоевластия в вооруженных силах. Он хотел избавить их от навязчивой опеки чекистов и партии.

В 1925 г. Фрунзе произвел ряд перемещений и назначений в командном составе, в результате чего во главе военных округов, корпусов и дивизий оказались военные, подобранные по принципу военной квалификации, но не по принципу коммунистической преданности.

Настораживала Фрунзе и череда загадочных смертей среди его близкого окружения. 6 августа 1925 г. на даче под Одессой выстрелом в упор убит командир 2-го кавалерийского корпуса Григорий Котовский, товарищ Фрунзе; 27 августа 1925 г. на озере Лонглейк недалеко от Нью-Йорка при невыясненных обстоятельствах погибает заместитель Троцкого в период Гражданской войны Эфраим Склянский; 28 августа на подмосковной станции Перово погибает под маневрирующим паровозом председатель правления Авиатреста Владимир Павлов, старый знакомый Фрунзе.

Фрунзе сменил Льва Троцкого, бессменного руководителя вооруженных сил советского государства. Естественно, после смерти Фрунзе пошли разговоры о причастности Троцкого к его убийству. Вспомнили и эпизод, который омрачал их отношения. В 1920 г., еще во время Гражданской, спецпоезд Фрунзе прибыл из Ташкента в Москву. По указанию Троцкого он был оцеплен войсками ВЧК. Искали золото и ценности, якобы награбленные Фрунзе в Бухаре. Естественно, ничего не нашли, «но осадок остался».

Но Троцкий в 1925 г. убить уже никого не мог. У троцкистов в это время уже не было сил. Они потеряли власть, потому разговоры о том, что троцкисты причастны, скажем, к убийству Есенина и Маяковского, являются спекуляцией.

Троцкий – амбициозный политик, у него были разногласия с Фрунзе, но они не были непримиримыми соперниками. Да и подобные средства для достижения цели не в его духе.

На XIII съезде партии ЦК ВКП(б) был пополнен зиновьевцами и сталинцами. Но были и нейтральные. Позиция каждого очень важна. Если бы на XIV съезде Фрунзе примкнул к Сокольникову и Крупской, ситуация была бы критической. Это не устраивало, в первую очередь, Сталина.

Курс Фрунзе на выдвижение профессионалов в командный состав Красной армии настораживал генсека. Вот что писал по этому поводу секретарь Сталина, бежавший из Советского Союза, Борис Бажанов. «Я спросил у Мехлиса (секретарь Сталина), что

думает Сталин об этих назначениях?» «Что думает Сталин? – переспросил Мехлис. – Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти Тухачевские, Корки, Уборевичи, Авксентьевские – какие это коммунисты? Все это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной Армии». Я поинтересовался: «Это ты от себя или это сталинское мнение?» Мехлис надулся и с важностью ответил: «Конечно, и его, и мое».

И смерть Фрунзе была в интересах Сталина. Это видно из дальнейших событий. После гибели командарма на его место был поставлен Ворошилов, стопроцентный сталинист. Вместо Дзержинского во главе ГПУ по существу оказался Ягода. Теперь Сталин контролировал не только партийный аппарат, но и Красную армию, и государственную безопасность. Смерть Фрунзе, несомненно, облегчила Сталину победу над Зиновьевым и Каменевым, а позднее – над Бухариным и Рыковым.

Впоследствии, когда стали известны средства, которыми достигает своих целей Сталин, многие посмотрели на смерть Фрунзе другими глазами, например Троцкий. Он выдвинул прямые обвинения Сталину в убийстве Наркомвоенмора: «Фрунзе умер под ножом хирурга в 1925 г. Смерть его уже тогда породила ряд догадок, нашедших свое отражение даже в беллетристике. Даже эти догадки уплотнились в прямое обвинение против Сталина. Фрунзе был слишком независим на военном посту, слишком отождествлял себя с командным составом партии и армии и, несомненно, мешал попыткам Сталина овладеть армией через своих личных агентов».

На дворе 1925 год. Сталин еще не тот, что спустя десятилетие. Но в 1926 г. читатели журнала «Новый мир» неожиданно не получили очередного, майского, номера. Все были наслышаны о «Повести непогашенной луны» Бориса Пильняка, которая должна была стать украшением журнала. Доходили слухи, что в своем произведении Пильняк изобразил настоящих заказчиков убийства железного командира. Хотя имена были изменены, все знали, что командарм Гаврилов – это Фрунзе, некий «негорбящийся человек», кровно заинтересованный в устранении военачальника – Сталин. Сын Пильняка, Борис Андроникашвили, утверждал, что писатель получил материал от ближайшего окружения Фрунзе. Сталин был взбешен повестью Пильняка и добился изъятия журнала, уже прошедшего цензуру и вышедшего в свет.

Москва знала и о том, что, по словам наркомздрава Семашко, профессора Розанова, который так активно начал опекать Фрунзе осенью 1925 г., приглашал к себе лично Сталин. Опытный хирург, приводя медицинские показания, настаивал на отсрочке

операции, но Сталин твердо высказался за ее срочное проведение. О чем еще говорили профессор, делавший операцию, и Сталин – нам неизвестно. Особый интерес представляет и фраза Сталина, которую он обронил на похоронах Фрунзе 3 ноября 1925 г. Вот что он сказал: «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто опускались в могилу».

Подведем итоги. Михаил Фрунзе умер от передозировки наркотических средств и связанной с этим сердечной недостаточности. Но сказать, сделал ли это доктор Очкин намеренно, по приказу сверху или нечаянно, из-за низкой квалификации, невозможно.

Подозрительная, таинственная смерть.

Петр Николаевич Врангель

«Я всей душой жажду прекращения Гражданской войны. Каждая капля пролитой русской крови отзывается болью в моем сердце». Эти слова принадлежат Петру Николаевичу Врангелю, участнику ожесточенных боев на юге России, лидеру Белого движения.

Генерал-лейтенант барон Петр Врангель. Потомственный дворянин. Участник русско-японской, Первой Мировой и Гражданской войн. Георгиевский кавалер. В 1918 г. присоединился к воевавшей против большевиков Добровольческой армии. В марте 1920 г. сменил генерала Деникина на посту главнокомандующего Вооруженными силами на юге России. Организовал и провел масштабную эвакуацию Русской армии в Константинополь. Стал одним из признанных лидеров эмиграции. Умер в апреле 1928 г. в Брюсселе от неожиданной и скоротечной болезни, породившей сомнения в ее естественном характере.

Вся жизнь «белого барона» складывалась таким образом, что не один, не два и не три раза был он на волосок от смерти. И шансов погибнуть внезапно в его биографии было предостаточно. Мы знаем минимум о 5 переделках, из которых ему возможно было быть вынесенным ногами вперед.

Возьмем только два случая, имевшие место уже после революции.

Начало 1918 г. Врангель с семьей поселились на даче в Ялте. 11 января на дачу ворвались матросы. «Вы арестованы!» Бывший садовник донес, что Петр Николаевич якобы участвовал в мятеже против новой власти. Ольга Михайловна, супруга барона, потребовала, чтобы ее вместе с мужем и братом взяли в тюрьму. Всех троих доставили на миноносец, там бросили в пустую каюту. По воспоминаниям барона, тогда он, боевой офицер, пережил, возможно, самые тяжелые минуты своей жизни.

Вот как он вспоминал об этом: «Жуткое, неизъяснимо тяжелое чувство охватило меня. Я привык глядеть смерти в глаза, и меня не страшила опасность; но мысль быть расстрелянным своими же русскими солдатами, расстрелянным, как грабитель или шпион, была неизъяснимо тяжела. Больше всего ужасала меня мысль, что самосуд произойдет на глазах у жены…»

В расход пускали сотнями. Но Врангелей неожиданно отпускают. Благодаря его супруге Ольге Михайловне. Ей приписывают фразу «Я счастливо прожила с ним всю жизнь и хочу разделить его участь до конца». Это поразило и обезоружило

председателя трибунала.

Поздней осенью 1920 г., в отсутствие реальной поддержки со стороны союзников и ввиду наступления превосходящих сил красных, главнокомандующий Врангель принимает решение об эвакуации Русской армии. С 13 по 16 ноября из крымских портов ушло 126 судов, на которых, не считая команд, в Константинополь отправились 145 тысяч 693 человека. Это была крупнейшая военнотранспортная операция своего времени. Принимая решение, Врангель имел целью спасти армию для будущих сражений и уберечь людей от неизбежной гибели от рук вошедших в Крым большевиков.

15 октября 1921 г. Врангель вместе с семьей проживал на борту яхты «Лукулл». Яхта стояла на рейде пролива Босфор. На ней же был расположен штаб Русской армии. В шестом часу вечера итальянский фрегат «Адриа», шедший из советского Батуми, вдруг резко изменил курс и протаранил «Лукулл» как раз в том месте, где находилась каюта Врангеля. В результате погибли вахтенный офицер, кок и несколько матросов. Яхта затонула. Врангель с семьей и ближайшим окружением сошел на берег незадолго до столкновения. Расследование причин крушения ни к чему не привело. Было ли это покушение или несчастный случай – осталось загадкой.

Он умер в 49 лет в Брюсселе, в своей постели при священнике и враче. В окружении семьи. Петр Николаевич умер смертью, которой от него никто не ожидал – от туберкулеза.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: СМЕРТЬ ОТ ТУБЕРКУЛЕЗА

Врангель чувствовал себя неважно с начала зимы. В декабре 1927 г. простудился и несколько дней провел в постели. Не совсем поправившийся барон совершил несколько поездок по Европе, в частности, съездил в Люксембург. 14 января Главнокомандующий заболел инфлюэнцей, которая имела затяжной характер. Температура при этом высокой не была. Пошел на поправку. Ощущал лишь слабость и кашель. По утверждению лечащего врача, кашель был от ларингита (горловой), а слабость – следствие гриппа.

8 марта 1928 г. Главнокомандующий вновь простудился и слег в постель. С первого же дня высокая температура. Доктор Вейнер определил кишечное заболевание. 30 марта из Парижа приехал профессор Иван Алексинский, пробывший у больного 2 дня. Он подтвердил диагноз местных врачей (грипп). Улучшения здоровья не было.

11 апреля при участии местного доктора Гвартца и Алексинского определили туберкулез левого легкого в очень активной форме. Анализ мокрот показал наличие большого

количества палочек Коха.

Ухудшение наступило в первый день Пасхи, 15 апреля. У Главнокомандующего мучительный, нервный припадок.

19 апреля – очередной приезд Алексинского. Вновь нервный припадок. Ослабла деятельность сердца: «Мозг против моего желания лихорадочно работает, голова все время занята расчетами и вычислениями. Я не могу с этим бороться… Картины войны все время передо мной, и я пишу все время приказы, приказы, приказы!»

Мать генерала, Мария Дмитриевна Врангель, вспоминала: «Это были 38 суток сплошного мученичества! Его пожирала сорокаградусная температура. Он метался, отдавал приказы, порывался встать. Призывал секретаря и делал распоряжения до мельчайших подробностей».

Болезнь прогрессировала… Барон во время болезни дважды исповедовался и причащался. Отдавал распоряжения на случай смерти. Пожелал быть похороненным в Белграде под сенью русских знамен.

25 апреля 1928 г. Врангель скончался. Последними его словами были: «Боже, спаси армию». При вскрытии в организме было обнаружено большое количество туберкулезных палочек явно внешнего происхождения.

Мы привыкли считать туберкулез болезнью хронической. Меж тем, никаких упоминаний о том, что Врангель был болен чахоткой до 1928 г., нет. Заболевание, которое, по медицинской традиции, сначала было квалифицировано как грипп, неожиданно для всех превратилось в тяжелейшую форму туберкулеза легких. Барон, что называется, «сгорел» за несколько недель. И посмертно врачи диагностировали такую форму болезни, как интенсивный туберкулез. По мнению профессора Алексинского, «была какая-то тяжелая инфекция, пробудившая скрытый туберкулез в верхушке левого легкого».

В принципе, такое бывает. В нынешней клинической практике эта болезнь называется «активным туберкулезом». Она развивается на фоне тяжелых сопутствующих заболеваний (в том числе и гриппа) и даже с помощью антибиотиков исцеляется тяжело.

Петр Врангель был человек на редкость здоровый. В молодости, будучи гвардейским офицером, ему были свойственно некоторое гусарство (так, в 1910-е годы за ним закрепилась кличка «Пайпер» – по названию его любимого шампанского). Позже, став семьянином, отцом, высокопоставленным, отмеченным наградами офицером, он не стремился к излишней роскоши и комфорту. В походах разделял все тягости и невзгоды

со своими солдатами.

Теоретически, в тяжелое голодное время, наверное, мог подцепить туберкулез в тех же солдатских окопах.

В рамках этой версии (естественная смерть от болезни) можно вспомнить период, когда семья Врангелей очень близко общалась с чахоточными. Баронесса Ольга Михайловна Врангель еще с Первой мировой активно занималась помощью больным и раненым солдатам. После эвакуации она продолжила свою деятельность. Она искала средства на организацию санаториев для русских солдат, больных туберкулезом. Через князя Юсупова попала в Америку, там познакомилась с общественной деятельницей Вандербильд. Та посоветовала остаться в США и выступить перед богатой публикой с целью сбора средств в помощь белогвардейцам.

Ее выступление в Нью-Йорке потрясло американскую публику. Вернувшись в Европу, Ольга Михайловна привезла пожертвования на сумму 12 тысяч долларов, на которые открыли два туберкулезных санатория. Теоретически именно Врангель (а не его супруга), посещая больных, мог заразиться: мужские поцелуи при встрече, совместная трапеза…

К тому же в самом начале марта, когда барон уже был серьезно простужен, он побывал в бельгийских угольных шахтах, где трудились бывшие белогвардейцы. Чахотка – бич шахтера.

Семья Петра Николаевича не пострадала от туберкулеза. Большинство из четверых детей дожило до весьма почтенного возраста.

На следующий день русские эмигрантские газеты оповестили читателей: «Циркулируют упорные слухи о том, что генерал Врангель был отравлен». Петр Николаевич говорил одному из друзей, что он опасается яда. Наконец, дети барона Врангеля считали: их отец умер не своей смертью – имело место политическое убийство.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: УБИТ ГПУ

Трудно сомневаться в результате врачебного консилиума. Но его заключение имеет убежденных противников, в числе которых дети Петра Николаевича. Они считали: барона убили. И у них были все основания так думать.

Наталья Петровна Базилевская – старшая дочь Врангелей; в 1928 г. ей было 15 лет. «У нас был свой дом в Брюсселе, в котором кроме нас с родителями жили бабушка, дядя и денщик отца. Неожиданно в один из дней из-за границы приехал матрос, назвавшийся родным братом этого денщика. Все почему-то нашли это совершенно нормальным – перебраться через границу, отыскать наш домик. Целый день этот матрос находился на кухне,

а вечером уехал. А отец вскоре заболел. Сейчас-то я понимаю, что его отравили».

Имя вестового Врангеля известно – Яков Юдихин. После смерти Врангеля он загадочно исчез. Ходили слухи: отправился в СССР на том же зашедшем в Антверпен судне, где плавал брат.

Чтобы разобраться с этой ситуацией, нужно понять, чем занимался Врангель в эмиграции и какую роль там играл с момента эвакуации. Как ни парадоксально, к 1928 г. генерал-лейтенант Врангель оставался Главнокомандующим в системе созданной им организации Русский общевоинский союз (РОВС).

Русский общевоинский союз был создан по приказу Врангеля 1 сентября 1924 г. Союз явился стержнем русской политэмиграции и объединил около 30 тысяч человек. Целью организации было сохранение Русской армии, взаимопомощь, политическая и вооруженная борьба с большевиками. «Основным принципом Русского общевоинского союза является беззаветное служение Родине, непримиримая борьба против коммунизма и всех тех, кто работает на расчленение России. Русский общевоинский союз стремится к сохранению основ и лучших традиций и заветов Русской Императорской армии и армий белых фронтов».

Верховным Главнокомандующим Союза стал Великий князь Николай Николаевич. Делегировав ему это пост, Главнокомандующий и председатель РОВС Врангель демонстративно отошел от политики. РОВС стал самой мощной белоэмигрантской организацией. В СССР его разработкой занялся иностранный отдел ОГПУ.

Для Иностранного отдела ОГПУ борьба с РОВС считалась первостепенной задачей. Ведь эта организация планировала не только агентурную деятельность на территории СССР, но и ведение террористической и боевой деятельности как против страны, так и против ее дипломатических представителей. РОВС исповедовал систему так называемого «среднего террора», при которой наносились удары по отдельным учреждениям компартии и ОГПУ в столицах. А в идеале предполагалось вторжение силами бывших белогвардейцев на территорию России.

Большевики не отличались мягкотелостью: действия их разведки включали и возможное физическое устранение противника, где бы он ни находился. 6 февраля 1921 г. на территории Китая ликвидатор убивает атамана Александра Дутова. В ноябре 1922 г. в Болгарии чекисты уничтожили белого генерала Виктора Покровского. 7 апреля 1924 г. советская разведка обманным путем захватила в Китае атамана Бориса

Анненкова; его вывезли в СССР, судили и расстреляли. В 1924 г. заманили в Россию из Польши, а в 1925 уничтожили руководителя «Народного союза защиты Родины и Революции» Бориса Савинкова. Глава украинских националистов Симон Петлюра был убит 25 мая 1926 г. в Париже агентом ГПУ Самуилом Шварцбардом.

С 1921 по 1927 г. большевики контролировали боевое крыло белой эмиграции с помощью специально созданной ОГПУ «подпольной» «Монархической организации Центральной России» (МОЦР) – знаменитая чекистская операция «Трест». Однако в апреле 1927 г. один из чекистских двойных агентов Александр Опперпут признался эмигрантам в своем предательстве и выдал всех известных ему чекистских агентов.

Генерал Петр Врангель уже в ноябре 1923 г. заявил, что считает МОЦР чекистской провокацией, и предупредил своих соратников об угрозе «советской азефовщины». Барон отошел от активной работы в РОВС, и ее фактически возглавил другой герой белого движения – Александр Кутепов. Врангель не доверял его конспираторским способностям: «Как показал опыт, работа эта гибельна для тех, кто там в России творит то же дело, что и мы. Остается, быть может, одно – потребовать от А. П. или неопровержимые доказательства его утверждений, что работа его не потерпела краха, или потребовать от него от этой работы отойти…»

После разоблачения «Треста» обвинения в легкомыслии и недостаточной конспирации заставили Кутепова на время отойти от прямого участия в боевой деятельности. Петр Врангель фактически возглавил РОВС и стал, тем самым, главным врагом СССР и ОГПУ.

Петр Врангель это понимал. Он отстранил от руководства РОВС людей, хоть как-то связанных с «Трестом», и опирался на собственную строго конспирированную «организацию в организации». Так, 9 февраля 1927 г. он отрешил генерала Скоблина (как позже оказалось, советского агента) от командования Корниловской дивизией.

Отстранившись от эмигрантских дрязг, Врангель сконцентрировался на том, что сам считал важным. Он заканчивал мемуары. Организовывал быт бывших военнослужащих Белой армии. И вынашивал планы по созданию собственной разведывательной и контрразведывательной организации. Абсолютно автономной, тайной, защищенной от возможной чекистской инфильтрации, чтобы не вляпаться в какой-нибудь очередной «Трест». Поэтому он окружал себя только преданными людьми, к которым относились, например, генералы

Шатилов, Фон Лампе, Абрамов, лично близкие ему, проверенные работники.

По утверждению работников ФСБ, у иностранного отдела ОГПУ оставались агенты в окружении Врангеля и его генералов, и в Москве регулярно получали агентурную информацию о белой эмиграции.

Официальный историк ФСБ генерал Александр Зданович говорит: «По информации, которая поступала в Москву, основная задача стояла – отследить деятельность, выявить попытки или подготовку организационных действий, прежде всего по организации терроризма, и парализовать эту деятельность на территории России. Это были боевые офицеры, которые прошли Первую мировую войну, которые прошли гражданскую войну, которым своя-то жизнь… полушку стоила, а уж чужая жизнь вообще ничего не стоила. Основная задача ОГПУ была парализовать деятельность, направленную вовнутрь Советской России. Поэтому иностранный отдел работал над тем, чтобы приобрести агентуру в эмигрантских структурах. Еще в штабе Врангеля в Югославии было несколько наших агентов, которые не знали друг о друге; практически во всех основных подразделениях штаба имелась наша агентура. Поэтому мы имели все приказы Врангеля, которые он отдавал, судя по нашему архивному материалу».

Но, по-видимому, разгром «Треста» и отход Кутепова от руководства белым подпольем значительно затруднили работу чекистов.

Возможно, они пытались проникнуть в его окружение через таинственного Громова. В 1927 г. в Берлине знаменитый русский философ, один из идеологов РОВСа, доверенное лицо Врангеля Иван Ильин начал издавать журнал «Русский Колокол». Деньги на «Русский Колокол» Ильин получил от таинственного персонажа, некоего Громова, выехавшего из Советской России с деньгами. Что в 1927 г. было практически невозможно. Ильин писал писателю Ивану Шмелеву: «Некоторое время тому назад один знакомый привел ко мне русского национально мыслящего человека, недавно приехавшего *оттуда* и имеющего очень солидное прошлое и очень солидные связи». После 1928 г. (смерти Врангеля) таинственный Николай Громов пропадает так же загадочно, как и появляется.

Загадочной смерть Врангеля становится еще и потому, что мы знаем, как сложилась судьба его «сменщиков». После смерти Врангеля генерал Кутепов занял его пост в РОВСе. Был похищен агентами ОГПУ в январе 1930 г. в Париже. Его пытались вывезти в СССР. По официальной информации, умер на борту советского

торгового корабля в ста милях от Новороссийска. В 1937 г. НКВД (с помощью изгнанного Врангелем и возвращенного Кутеповым в РОВС генерала Скоблина) похищает генерала Евгения Миллера; его доставили из Франции на Лубянку и там расстреляли.

При этом чекисты признают факт и похищения Кутепова, и похищения Миллера, а в отношении Врангеля – молчок. Но дело в том, что похищение видных эмигрантов сразу стало сенсацией во Франции, полиция проводила расследования, сам факт внезапного, бесследного исчезновения не скроешь.

Врангель умер, согласно медицинскому заключению, от вполне обычного туберкулеза. К тому же такая спецоперация, как отравление, и считается успешной, только если не оставляет следов. А их в деле Врангеля особенно-то и нету. Не наследили сильно. А потому, если это разработка ГПУ, мы узнаем об этом только при снятии грифа «секретно». А пока можем только гадать.

Сторонники версии отравления полагают, что агентом был использован секретный препарат – разработка химиков, провоцирующий острую форму туберкулеза. Известно, что лаборатория ядов («Лаборатория № 12») в ОГПУ была. Руководивший ею доктор И. Н. Казаков на «Большом процессе» в 1938 г. показал: «Вследствие моего разговора с Ягодой я выработал вместе с Л. Г. Левиным способ лечения Менжинского, который действительно разрушал его последние силы и ускорял его смерть. Таким образом, Левин и я практически убили Менжинского. Я дал Левину смесь лизатов, которая в сочетании с алколоидами вызвала намеченный результат, т. е. смерть Менжинского».

Конечно, спровоцировать туберкулез трудно. Тубекулин или взвесь «палочек Коха» – не лучший яд. Но следует помнить замечание Сталина: «Нет таких крепостей, которые не могут взять большевики».

6 августа 1925 г. в одном из кафе Майнца работниками военного аппарата германской компартии братьями Голке по указанию Москвы был отравлен В. Л. Нестерович-Ярославский, бывший сотрудник советской разведки, перебежчик. В том же 1925 г. по похожим причинам порвал с советской разведкой нелегальный резидент СССР в Прибалтике Игнатий Дзевалтовский. В декабре 1925 г. его тоже убили ядом.

«Придворный» историк времен Михаила Горбачева и Бориса Ельцина Дмитрий Волкогонов открыто писал: «Как только Петр Николаевич Врангель оказался после печального исхода из России в Париже, ГПУ установило за ним слежку. Многие бедствующие белые офицеры быстро попадали в сети советских спецслужб. Недостатка в волонтерах у ГПУ не было. Некоторые

пытались таким образом «заслужить» себе право вернуться на родину. Один из близких людей П. Н. Врангеля оказался сотрудником ГПУ и смог отравить генерала».

Нынешнее ФСБ участие своих предшественников в убийстве Врангеля отрицает категорически. Но не так ли, сравнительно недавно, чекисты отрицали и похищение Кутепова с Миллером и расстрелы в Катыни?

К яду прибегали, однако, не только в Москве. Врангель был политиком мирового значения. А в мире 1920-х, помимо большевиков, у него были и другие недоброжелатели. Особенно много среди белой эмиграции.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: УБИТ БЕЛЫМИ

Итак, мы рассмотрели две версии: первая – Врангель умер естественной смертью, вторая – убит агентом ОГПУ матросом Юдихиным. Но историк внешней разведки генерал ФСБ Александр Зданович считает: у ОГПУ не было ни политической заинтересованности в убийстве Петра Врангеля, ни технических возможностей для такого устранения.

Существует не самое убедительное, но тем не менее дискутируемое предположение: к убийству Врангеля (если это было убийство) могли быть причастны белоэмигрантские круги либо внешние разведки европейских стран.

Поколение, воспитанное на многолетних кровавых войнах и запредельной жестокости Гражданской войны, не видело в убийстве политического противника какого-либо греха. Белые, как и красные, рассматривали в эти годы террор как «нормальный» способ борьбы. И не только против большевиков и их агентов, но и против изменников (или тех, кого к ним по тем или иным причинам причисляли) в собственных рядах.

Крупнейший полководец белых, генерал-лейтенант Иван Романовский был убит 5 апреля 1920 г. в здании русского посольства в Константинополе поручиком М. А. Харузиным, бывшим сотрудником контрразведки деникинской армии. Харузин считал Романовского ответственным за поражения белых.

28 марта 1922 г. в Берлине произошло покушение на вождя кадетов Павла Милюкова. Вождь кадетов не пострадал, зато террористы Петр Шабельский-Борк и Сергей Таборицкий убили юриста и публициста Владимира Дмитриевича Набокова – отца знаменитого русского писателя.

В эмиграции никогда не было единства. Пропасть отделяла не только бывших эсеров от бывших членов «Союза Русского народа», монархистов от анархистов. Внутри белого движения существовали по крайней мере две непримиримые партии. 31

августа 1924 г. великий князь Кирилл Владимирович на правах старшего представителя династии провозгласил себя императором. Большинство бывших белогвардейцев поддерживало официального главу РОВС великого князя Николая Николаевича. На его стороне были и все оставшиеся в живых Романовы, за исключением родного брата нового «императора» Андрея Владимировича и убийцы Распутина Дмитрия Павловича.

Между «николаевцами» и «кирилловцами» развернулась ожесточенная борьба. И хотя на стороне первых была большая часть белой общественности и ветеранов Гражданской войны, «кирилловцы» имели свои козыри. Генерал-майор Василий Бискупский, видный кирилловец, рано сошелся с правым, реваншистским крылом германской армии, участвовал в путче Каппа, был близок к нацистам. Именно «кирилловцы» передали гитлеровцам известную фальшивку «Протоколы сионских мудрецов», которые были переведены на немецкий и активно использовались нацистской пропагандой. Именно кирилловцы организовали покушение на Павла Милюкова.

ГПУ активно натравливало николаевцев на кирилловцев; оба крыла русской монархической эмиграции были насыщены чекистской агентурой.

Да и внутри РОВСа у Врангеля были смертельные враги. Сложные отношения у него были даже с ближайшим помощником – генералом Павлом Шатиловым (которого, как и другого врангелевца, генерала Абрамова, некоторые современники и историки подозревали в чекистских связях), не говоря уже об Александре Кутепове. Сторонники Антона Деникина обвиняли Врангеля в организации убийства генерала Романовского.

Свой зуб на Петра Врангеля, последовательного сторонника «Единой и неделимой России» могла иметь и польская разведка.

В пропитанном интригами и агентами пространстве первой русской эмиграции, как в хорошем английском детективе, все под подозрением.

Сергей Миронович Киров

Можно сказать, что самое известное и обсуждаемое историками убийство в СССР – убийство Кирова. Оно произошло 75 лет назад. Расследованием обстоятельств убийства в разное время занимались шесть партийных комиссий. Последние десять лет проводятся независимые судебно-медицинские, криминалистические и баллистические экспертизы. Однако мы и по сей день не можем сказать, что в действительности произошло 1 декабря 1934 года на третьем этаже Смольного.

Ленинград. 1 декабря 1934 года. В этот морозный субботний день в Смольном многолюдно. Проводятся заседания, звонят телефоны. Идет подготовка к вечернему заседанию партийного актива. В коридоре третьего этажа оживленно. Стекольщики остекляют столовую, посетители ожидают приема. В шестнадцать часов тридцать минут в Смольном раздаются два выстрела. Это выстрелы в главу ленинградских коммунистов Сергея Кирова. Выстрелы, ставшие смертельными сначала для Кирова, а потом еще для сотен тысяч советских людей.

Костриков Сергей Миронович. Партийный псевдоним – Киров. Старый большевик, участник трех русских революций и Гражданской войны. С 1921 г. – глава Коммунистической партии Азербайджана. С 1926 г. – Первый секретарь Ленинградского губкома и горкома партии, с 1930 г. – член Политбюро. С 1934 г. – секретарь ЦК ВКП(б). Во всех внутрипартийных дискуссиях поддерживал Сталина. Считался его ближайшим другом.

С 1918 г., когда в августе были убиты глава петроградского ЧК Моисей Урицкий, видный пропагандист Володарский и ранен Владимир Ленин, это первое убийство советского руководителя за 16 лет. На убийство Кирова реагируют так же, как в восемнадцатом: объявляется «красный террор».

За первые три дня декабря в Ленинграде, Москве, Киеве и Минске были арестованы и расстреляны 103 человека, нелегально прибывших из-за границы «для участия в подготовке теракта против Кирова». Они были казнены без суда и следствия, в лучших традициях «красного террора»: «Вы убиваете личности – мы уничтожаем классы».

Уже вечером 1 декабря экстренно принимается постановление ЦИК «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов». По нему на проведение следствия давалось 10 дней, слушать дело в суде следовало без прения сторон: обвинения и защиты, не допускать кассаций и

просьб о помиловании, а приговоры о расстреле приводить в исполнение немедленно после их оглашения в суде.

А утром 2 декабря, когда в Ленинград приезжает московская делегация, в которой находятся Сталин, Молотов, Ворошилов, Ягода, становится ясно: дело полностью стало политическим. И не профессиональные следователи, а лично Сталин начинает проводить допросы.

В начале декабря были опрошены свидетели убийства, установлена личность убийцы. Им оказался Леонид Николаев, член партии с 1924 года. Затем тишина в течение двух недель. А 16 декабря было объявлено, что убийство Кирова было подготовлено Николаевым и группой еще из 13 человек, которые были членами зиновьевской подпольной группы.

Еще через несколько дней в записной книжке Николаева были обнаружены телефоны и адреса латвийского и немецких консульств. В этом усмотрели связь дела с заграницей и было решено связать его с находящимся в эмиграции Львом Троцким.

В итоге, в обвинительном заключении от 28 декабря в подготовке убийства Кирова обвинялись 14 человек, входящих в троцкистско-зиновьевскую подпольную контрреволюционную организацию. Через час после оглашения приговора они были расстреляны.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: СТАЛИНСКАЯ

Архивное дело «О злодейском убийстве Кирова» состоит из 58 томов. В них в основном материалы допросов Николаева, а также других участников этой группы, его товарищей по комсомолу: Котолынова, Мандельштама и других. Нет никаких улик, кроме того, что у всех было оружие. Но оно было зарегистрировано. В самом начале следствия Николаеву пообещали жизнь, если он расскажет о своих соучастниках. Николаев дает показания против своих товарищей по комсомольскому движению, но затем от них отказывается.

В то время главным прокурором был Андрей Януарьевич Вышинский. Он возвел в культ дачу «чистосердечного признания». Практически все процессы с его участием строились на самооговорах и оговорах других. Однако в процессе с Кировым эта линия фактически провалилась: были расстреляны 14 человек, против которых не имелось ни одного доказательства, кроме показаний убийцы Николаева, от которых он потом отказался.

Картина убийства вырисовывается следующим образом. В 16 часов Киров вышел из своего дома на улице Красных Зорь и дошел пешком до моста Равенства (ныне Троицкий) в сопровождении трех охранников. Затем сел в автомобиль и

поехал к Смольному. От ворот Смольного до третьего этажа Кирова сопровождали четыре человека. На третьем этаже Кирова ждал начальник его охраны комиссар Борисов, который должен был «передать» Кирова оперативнику Дурейко.

В 16:25 Киров прибывает на своей автомашине в Смольный. В 16:29 он поднимается на третий этаж, проходит мимо поста охраны и направляется к своему кабинету. На третьем этаже в это время находятся трое рабочих и посетители, ожидающие приема. В туалете прячется Леонид Николаев. Навстречу Кирову движется секретарь обкома Угаров. Киров проходит мимо уборной, оттуда выходит Николаев и следует за Сергеем Мироновичем. Завидев Кирова, закрывать дверь столовой идет монтер Платоч. За 20 шагов до двери кабинета Кирова, Николаев достает револьвер и стреляет Кирову в затылок. Затем стреляет в себя, но промахивается и падает без чувств на пол.

Как человек с револьвером оказался в уборной правительственного здания?

Дело в том, что в начале тридцатых вход в Смольный был практически свободным. Пост охраны был только на входе на третий этаж, но попасть в него мог любой человек с партийным билетом. А у Николаева, как у члена партии, он был.

И тем ни менее в том, как Николаев сумел «достать» Кирова, есть некоторые странности. Один охранник довел его до подъезда Смольного, второй провел на третий этаж, где находился обком, третий провел по коридору до поворота, а вот на последнем участке Киров оказался один.

Произошедшее действительно странно. Поскольку обычно охрана Кирова работала достаточно профессионально. Мы можем судить об этом потому, что 15 октября 1934 года было предотвращено покушение на Кирова у его дома. Был задержан человек с револьвером, которого, как потом оказалось по документам, зовут Леонид Николаев. Именно он, будущий убийца, и был задержан 15 октября. А потом, после допроса в НКВД, в тот же день отпущен.

Сотрудники НКВД потом объясняли это просто: не было оснований его арестовывать. Николаев просто ходил около подъезда, который вел на лестницу в официальную квартиру Кирова, где он бывал довольно редко. Взяли человека, вроде бы подозрительного, доставили, проверили.

Партбилет есть, разрешение на ношение оружия есть. То, что у него всякие бумаги в портфеле – ну, это личное дело Николаева. Криминала, преступления в этом не было, поэтому его тут же и отпустили.

В 1935 году, когда расстреливали Николаева и его случайных

приятелей, официальная картина преступления выглядела следующим образом. Леонид Николаев входил в тайную террористическую организацию молодых зиновьевцев, бывших комсомольцев. Действовали они на свой страх и риск. Никаких связей с НКВД у них не было и не могло быть.

Через два дня после убийства Кирова в отставку отправлен глава ленинградского НКВД Филипп Медведь. В январе 1935 г. Медведь, его заместители, всего 12 человек, были осуждены на сроки от 2 до 10 лет «за преступную халатность, приведшую к убийству С. М. Кирова».

А вот в 1938 г. после процессов над Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, Рыковым версия поменялась. Теперь группировка Николаева представлялась как маленькая ячейка огромной террористической организации, связанной со всеми разведками мира. И одним из главных в этой организации, согласно приговорам судов, был глава НКВД Генрих Ягода.

Николаева покрывали и направляли троцкисты из НКВД. Именно поэтому он и сумел убить Кирова.

Собственно несомненное участие чекистов в этом деле предполагал и сам Лев Троцкий. В своей статье, опубликованной в эмигрантском журнале «Бюллетень оппозиции» 16 января 1935 г., он писал: «Суд над 14 ленинградцами состоялся: все были расстреляны. Казалось, дело ликвидировано. Но так могло казаться лишь тем, кто забыл о главной задаче всего предприятия. Каменева и Зиновьева арестовали для амальгамы, т. е. для установления связи между террористическим убийством и оппозицией. Их решились арестовать, потому что все казалось заранее рассчитано. ГПУ было в курсе подготовлений террористического акта в Ленинграде».

Именно по обвинению в заговоре с целью убийства Кирова (и не только его одного) в 1937 г. был арестован и расстрелян практически весь руководящий состав НКВД. В том числе и бывший главный чекист Генрих Ягода. Кстати, он в январе 1938 г. рассказал, как было организовано дело. Ягода надавил на заместителя начальника ленинградского НКВД Ивана Запорожца, а тому под руки попался недовольный фанатик Леонид Николаев, который и был использован как орудие убийства.

Официальная версия звучала так: Ягода входил в троцкистско-зиновьевскую контрреволюционную организацию, которая планировала государственный переворот и совершила огромное количество преступлений. Но в одном из допросов сам Ягода намекает, что действовал не по собственной воле. И называет одну из кремлевских фамилий.

Из показаний Генриха Ягоды от 10 января 1938 г.: «О том, что

убийство С. М. Кирова готовится по решению центра заговора, я знал заранее от Енукидзе. Енукидзе предложил мне не чинить препятствий организации этого террористического акта, и я на это согласился. С этой целью мною был вызван из Ленинграда Запорожец, которому я дал указания не чинить препятствий готовившемуся террористическому акту над С. М. Кировым».

Авель Енукидзе в 1934 г. – секретарь Центрального исполнительного комитета, а фактически – завхоз Кремля. Но это имя нас не должно волновать – Енукидзе известен своим развратом, но не как самостоятельная политическая фигура. А вот если подставить вместо фамилии Енукидзе другую, более известную грузинскую фамилию Джугашвили, то мы узнаем, кто приказал Ягоде убить Кирова. Так эти показания Генриха Ягоды трактуют те, кто считает – убийство Кирова спланировал Сталин.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ХРУЩЕВСКАЯ

На XX и XXII съездах КПСС Никита Хрущев выдвинул другую версию убийства Кирова. И если она до сих пор полностью не доказана, то все же представляется вполне правдоподобной.

Только одно можно утверждать с достоверностью: Сталин использовал убийство Кирова наилучшим для себя образом. Оно повлекло за собой четыре кровавых года репрессий.

Убийство Кирова считается началом «Большого террора». С 1935 г. все, даже раскаявшиеся, участники антисталинских коалиций оказываются в тюрьмах и ссылках. В 1936 г. Генриха Ягоду на посту наркома внутренних дел сменяет Николай Ежов. Начинается массовое уничтожение «ленинской гвардии» – лояльных Сталину руководителей партии, которые участвовали в революции и гражданской войне. Им приписывается участие в разветвленном международном заговоре, в котором были замешаны иностранные спецслужбы, и ряде убийств. В том числе Сергея Мироновича Кирова.

Смерть Кирова – это, согласно хрущевской версии, лишь часть большой игры Сталина.

После смерти Ленина в 1924 г. начинается внутрипартийная борьба за власть. Сталин в ней показал себя отменным стратегом и тактиком. К 1925 г. он устраняет из борьбы Каменева, Зиновьева и Троцкого. И сосредотачивает в своих руках громадную власть. Однако ситуация меняется уже к 1929 г., когда в партии появляется сильная правая оппозиция во главе с Бухариным, Томским и Рыковым, которая выступает против сталинского плана коллективизации. Правых удается политически изолировать, но уже в 1932 г. в партии возникает другая оппозиционная группа, ее лидер – Мартемьян Рютин. Он заявляет, что Сталин завел революцию в тупик и призывает к его

устранению.

Сергей Киров с 1930 г. входит в Политбюро и создает там «умеренный блок». Этот блок мешает Сталину расправиться с группой Рютина и другими оппозиционерами. На заседаниях Политбюро Киров, Орджоникидзе, Рудзутак блокируют предложения Сталина о применении высшей меры к его политическим противникам. Такая ситуация продолжается до 16 часов 30 минут 1 декабря 1934 г., то есть до убийства Кирова.

Киров мешал Сталину. И Сталин рассматривал Кирова как политического противника.

На этот счет есть несколько свидетельств. Они связаны с XVII съездом ВКП(б), который прошел в феврале 1934 г. Он начался словами Сталина «На этом съезде нечего доказывать правильность линии партии, да пожалуй, и бить некого». На нем дали выступить с покаянными речами всем бывшим оппозиционерам: Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, Рыкову, Радеку. Однако мирно выглядело все только снаружи. У нас есть воспоминания, что на этом съезде была создана группа, которая хотела заменить на посту генерального секретаря Сталина. И поставить на его место Кирова. Обосновывала она это ссылкой на ленинское завещание.

Владимир Ленин, «Письмо к съезду», 1923 г.: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Итак, есть завещание Ленина. И есть конкретная ситуация 1934 г. Все острые политические проблемы решены под руководством Сталина. Уничтожена внутрипартийная оппозиция. Осуществлена коллективизация. Успешно проходят индустриализация и культурная революция. Сталин сделал свое дело, Сталин может уходить. Его надо заменить человеком, который, по ленинским словам, «во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам».

Старая большевичка Ольга Шатуновская беседовала с вдовой Орджоникидзе, которая сказала ей, что на квартире Орджоникидзе во время XVII съезда ВКП(б) собрались Киров, Чубарь, Шабалдаев и еще несколько старых партийцев. И Орджоникидзе предлагал заменить Сталина на посту генерального секретаря Кировым. Киров отказался, потому что у власти в Германии уже был Гитлер, его сила нарастала, и Киров не чувствовал себя достаточно компетентным, чтобы руководить внешней политикой страны.

Однако это совещание сыграло известную роль: при тайном голосовании по выборам в ЦК 292 человека вычеркнули фамилию Сталина из своих избирательных бюллетеней. При проверке в 1956 г. архивных материалов выяснилось: в материалах счетной комиссии XVII съезда не хватало именно 292 бюллетеня. Видимо, те из них, в которых имя Сталина было вычеркнуто, уничтожили. Всех, кто работал в счетной комиссии, позже расстреляли. В лагерях выжил только Владимир Верховых. Тот показал: да, против Сталина было почти 300 человек.

С этими данными члены счетной комиссии обратились к Кагановичу и, вместе с Кагановичем, к Сталину. Сталин спросил, а сколько людей проголосовало против Кирова. Верховых ответил: трое. Ну, поставьте и мне три. А остальное сожгите. Бюллетени Каганович сжег лично.

Опечатанные документальные материалы, на которые ссылается Шатуновская, были вскрыты 10 ноября 1960 г. Всего мандатов было 1225, участвовало в голосовании при выборе ЦК 1059 человек, не участвовало 166. Всего в архиве 1059 бюллетеней. Соответственно, не хватает там именно только 166 бюллетеней, а не 292. И можно с большой долей вероятности предположить, что пропали не пустые бюллетени, а те, на которых фамилия Сталина была вычеркнута.

Итак, Киров объективно становился конкурентом Сталину. Мотив для его устранения был. Те, кто вставали вождю поперек дороги, долго не жили.

У нас нет никаких прямых свидетельств того, что Сталин приказал убить Кирова, скажем, Ягоде или Запорожцу. Однако довольно трудно поверить, что Ягоде мог отдавать приказы какой-то Авель Енукидзе. Это прекрасно понимал и сам Ягода, который во время допросов намекал прокурору Вышинскому, что в деле есть много важных и скользких для процесса деталей.

Убийство Кирова стало замечательным новогодним подарком Сталину на 1934 год. Он избавлялся от лидера в той части Политбюро, которая могла препятствовать дальнейшим репрессиям. Он получал повод убрать всех неугодных ему людей

из партии, обвинив их в соучастии в убийстве Кирова. И этому у нас есть документальное свидетельство: два листка со списками участников Ленинградского и Московского центров, написанными лично рукой Сталина.

Убийство, скорее всего, было организовано так, как показал Ягода на процессе 1938 г., только без Енукидзе, а со Сталиным. Сталин отдал распоряжение Ягоде, Ягода – заместителю главы ленинградского НКВД Ивану Запорожцу. Тот нашел Николаева, и как результат – выстрел в Смольном 1 декабря 1934 г.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: ТЕРРОРИСТ-ОДИНОЧКА

Николаев Леонид Васильевич вырос в бедной рабочей семье в Петербурге на Выборгской стороне. Член партии с 1924 г. В 1928 г. женится на латышке Мильде Драуле. Чрезвычайно амбициозен, но занимает лишь мелкие посты в партийном аппарате. Часто конфликтует с руководством. На момент убийства Николаеву 32 года, он безработен, женат, имеет двух сыновей.

Николаев был маленьким уродцем. Он в детстве долго болел английской болезнью – рахитом. Не ходил до 11 лет. Кроме того, он был крайне маленького роста – 150 см и имел длинные, доходящие до колен «обезьяньи» руки. Да и нервное здоровье у него было расшатанным – частые истеричные припадки.

В первые два дня после ареста Николаев находился в состоянии крайнего нервного возбуждения. И его сразу после убийства увезли не на допрос в «Большой дом», а во 2-ю городскую психиатрическую больницу. Единственное, что можно было понять из его истеричного бреда – крики «Отомщен!» и «Мой выстрел раздался в истории».

Находятся люди, которые знают Николаева, и они-то и выдвигают самые первые версии того, почему Николаев убил Кирова. По Ленинграду начинают ходить слухи, что Киров и Николаев не поделили между собой Мильду Драуле, жену Николаева.

Киров любил женщин, ну почему бы ему не уйти от больной некрасивой жены, которая не вставала с постели много лет, и не завести любовницу? Мильда Драуле – мощная латышская блондинка, вполне привлекательная.

Киров и Драуде были знакомы. Драуде работала в обкоме партии. И у нас есть множество достоверных свидетельств, что Киров и Драуде здоровались и улыбались друг другу при встрече. Это то, что мы знаем достоверно. Вот и все. Остальное – сплетни, возникшие скорее всего уже после смерти Кирова. Об этом пишет в своих мемуарах один из видных чекистов того времени Павел Судоплатов: «От своей жены, которая в 1933–1935 годах работала

в НКВД и, в частности, курировала Большой театр и Ленинградский театр оперы и балета, я узнал, что Сергей Миронович очень любил женщин, и у него было много любовниц как в Большом театре, так и в Ленинградском. Мильда Драуле прислуживала на некоторых кировских вечеринках. Эта молодая привлекательная женщина также была одной из его "подружек".

Николаев, который последние полгода вообще не работал и жил за счет жены, получил трехкомнатную кооперативную квартиру. Хотя в те времена трудно было пробиться в такой престижный кооператив. Так что слухи могли родиться не на пустом месте. А ревность – привести к убийству.

Но к убийству могли привести и другие обстоятельства. В апреле 1934 г. Николаева увольняют из Института истории партии. Однако идти рабочим на завод он не хочет. Ему нужна партийная и руководящая должность. Его материальное и духовное состояние к октябрю 1934 г. сильно ухудшились.

Из дневников Леонида Николаева. Запись от 11 июля 1934 г. «Деньги на исходе. Берем взаймы. Сегодня весь мой обед состоял из 2 стаканов простокваши».

Запись от 14 октября 1934 г. «Я на все теперь буду готов, а предупредить этого никто не в силах. Я веду подготовление подобно А. Желябову. Я сижу 5-й месяц без работы и без хлеба. Однако я силен, чтобы начатое мною дело довести до конца».

Николаев крайне самолюбив и амбициозен. Возможно, из-за маленького роста и болезненности у него развивается страшный комплекс неполноценности. Поэтому он начинает рассматривать себя не как неудачника, который седьмой месяц не может найти работу, а как историческую личность, сверхгероя. Именно поэтому он стреляет в Кирова.

Душевнобольной Николаев, обиженный на партию, случайно сталкивается с Кировым, и под влиянием минутного затмения стреляет в него. А Сталин использует убийство Кирова как предлог для расправы над «ленинской гвардией».

Эта версия представляется наиболее реальной.

Сделать политическое дело из обычного уголовного, бытового убийства – дело трудоемкое. Поэтому 3 декабря 1934 г. от следствия отстранен аппарат ленинградского НКВД во главе с Филиппом Медведем. Теперь дело должен вести Яков Самуилович Агранов, настоящий мастер политических процессов, комиссар государственной безопасности 1 – го ранга. В ЧК с 1919 г. В 1921 г. расследовал дела Кронштадтского восстания и Таганцевского заговора. С 1929 г. – начальник Секретного отдела ОГПУ. Куририровал творческую интеллигенцию. Близко знаком с Маяковским. С 1934 г. – первый заместитель наркома внутренних

дел Генриха Ягоды. Один из создателей сценариев открытых политических процессов. Опытный и коварный следователь. В декабре 1934 г. – глава следственной комиссии по делу об убийстве Кирова.

Схема Агранова проста: сначала очень жесткое давление, многочасовые допросы. Затем резкое улучшение условий. Николаев содержится в камере с ванной, усиленным питанием. Ему приносят пирожные, фрукты. А затем – главный козырь: обещание жизни в случае, если Николаев сдаст всех своих подельников.

Эта схема у Агранова отточена. Она сработала в 1921 г. при обработке профессора Таганцева. Таким же образом были вытянуты показания Николая Гумилева. Схема работает и в 1934 г. на Николаеве. Когда огласили приговор, Николаев был ошарашен: вместо небольшого тюремного заключения получил высшую меру. Значит, Николаев действительно поверил Агранову.

Агранов – это мастер. И мастер, который может объективно оценить свою работу. Следствием по Кирову Агранов не был доволен. И в феврале 1935 г. на закрытом совещании он сообщает Сталину: «Нам не удалось убедительно доказать связь Николаева с зиновьевским подпольем». Возможно, поэтому Агранов и другие следователи НКВД по делу убийства Кирова были расстреляны в 1938 г.

Хотя со своей задачей – максимально запутать обстоятельства убийства – они справились.

Максим Горький

Алексей Максимович Пешков (литературный псевдоним Максим Горький) – один из крупнейших русских писателей рубежа XIX–XX веков. После революции 1917 г. – самый авторитетный представитель русской культуры по обе стороны «железного занавеса».

С 1928 г., когда Горький возвращается из эмиграции на Капри в СССР, он становится главным писателем страны. Культ личности Горького не уступает сталинскому. В 1932 г. его родной город Нижний Новгород переименовывают в Горький. В 1934 г. имя «Максим Горький» присваивают самому большому в мире самолету АНТ-20.

Горький и все его многочисленное окружение, а это довольно много людей и за границей, и в России, живет за государственный счет. Казна несет чудовищные расходы. Вот счет по трем объектам: «Горки-10», дом на Малой Никитской и крымская дача.

«Примерный расход за 9 месяцев 1936 г. следующий: а) продовольствие руб. 560 000, б) ремонтные и парковые расходы руб. 210 000, в) содержание штата руб. 180 000, г) разные хоз. расходы руб. 60 000; итого: руб. 1 010 000».

Земной бог, второй после Сталина человек в стране. Алексей Максимович умер 18 июня 1936 г. В подмосковных Горках. Там же, где в 1924 г. скончался Ильич.

И так же, как в случае с Лениным, смерть Горького по сей день привлекает к себе внимание исследователей.

Горький действительно был крупнейшей фигурой и умирал, можно сказать, гласно, на глазах мировой общественности. Начиная с 7 июня 1936 г., бюллетени о состоянии здоровья писателя стали публиковаться в газете «Правда». Больного навещало руководство страны, в том числе Иосиф Сталин. По сообщению «Правды», Горький умер от обострения туберкулеза – болезни, от которой он страдал уже сорок лет.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: СМЕРТЬ ОТ ТУБЕРКУЛЕЗА

Туберкулез легких или чахотка – хроническое инфекционное заболевание. Возбудителем является палочка Коха, которая попадает в организм воздушно-капельным путем. В результате бактерии активно размножаются, разрушают часть легкого и отравляют организм человека продуктами своей жизнедеятельности. При отсутствии адекватного лечения болезнь приводит к смерти практически всех больных.

Жизненный путь автора «На дне» был исключительно извилистым. В юности она сталкивала его с такими персонажами,

для которых чахотка – совершенно обыденное дело. К тому же это сегодня туберкулез считается по преимуществу социальной болезнью. Им, как мы знаем, в основном болеют бродяги, заключенные и т. п. Прежде, чахотка косила всех подряд. Ею болели прекрасные дамы и их кавалеры, литературные персонажи и те, кто их создавал (тот же Антон Чехов).

Впрочем, при невероятно сильном характере, мощном организме, относительно здоровом образе жизни и, главное, внимательном отношении к лечению, Горький дожил до 68 лет, будучи плодовитейшим писателем, активным общественным деятелем, да и мужчиной, способным на романические связи. Он жил в Советском Союзе как особа королевского рода: усадьба в Крыму, поместье под Москвой, роскошный особняк в первопрестольной. Под присмотром медицинских функционеров – начальника Лечсанупра Кремля Исаака Ходоровского и наркомздрава Григория Каминского его лечили лучшие специалисты страны, те же, что и Ленина, Сталина, Кирова: Лев Левин, профессора Георгий Ланг, Дмитрий Плетнев, Максим Кончаловский. А при случае он мог рассчитывать и на их коллег из-за рубежа.

История последней болезни и смерти Максима Горького согласно первой официальной версии выглядит так. Зиму Горький и его многочисленные домочадцы проводили в Тессели, в Крыму; в Москву приезжали летом. С Москвой его связывали дела. Алексей Максимович до последних дней был активнейшим общественным деятелем. В его планы помирать не входило вовсе. У него была идея-фикс: закончить наконец огромный роман «Жизнь Клима Самгина». Он знал, что смерть где-то рядом, и всякий раз после обострений благодарил судьбу за очередной подаренный ему отрезок времени.

Характерный для Горького пример: по приезде в Москву, будучи тяжело больным, он исполняет просьбу знакомого отредактировать мемуары бывшего вора. За два дня он перелопачивает 80-страничную рукопись и возвращает ее, испещренную своими пометками. За просто так, потому что он – Горький. Горький сопротивлялся болезни как мог. Он хотел жить и работать.

В поездке 1936 г. из Севастополя в Москву еще в поезде он простудился и заболел гриппом.

О болезни Горького было немедленно объявлено в советской печати. Больного навещали вожди партии, включая Иосифа Сталина. Внимание всего мира было приковано к Горкам.

В первом официальном бюллетене о состоянии здоровья писателя сказано: «Алексей Максимович Горький серьезно

заболел 1-го июня гриппом, осложнившимся в дальнейшем течении катаральными изменениями в легких и явлениями ослабления сердечной деятельности.

А. М. Горький находится под непрерывным и тщательным врачебным наблюдением доктора Л. Г. Левина и профессора Г. Ф. Ланга».

Состояние Алексея Максимовича то улучшалось, то снова ухудшалось. По воспоминаниям драматурга Александра Анфиногенова, «Будущий биограф Горького занесет ночь 8 июня в список очередных чудес горьковской биографии. В эту ночь Горький умирал. Сперанский уже ехал на вскрытие. Пульс лихорадил, старик дышал уже с перебоями, нос синел. К нему приехали прощаться Сталин и члены Политбюро. Вошли к старику, к нему уже никого не пускали, и этот приход поразил его неожиданностью. Очевидно, сразу мелькнула мысль – приехали прощаться. И тут старик приподнялся, сел на постели и начал говорить. Он говорил 15 минут о своей будущей работе, своих творческих планах, потом опять лег и заснул, и сразу стал лучше дышать, пульс стал хорошего наполнения, утром ему полегчало».

Но улучшения носили временный характер. Все труднее становилось дышать, нарастали явления сердечной недостаточности. 18 июня начинается агония: «11 час. утра. Глубокое коматозное состояние; бред почти прекратился, двигательное возбуждение также несколько уменьшилось. Клокочущее дыхание. Пульс очень мал, но считывается, в данный момент – 120. Конечности теплые.

11 час. 5 мин. Пульс падает, считался с трудом. Коматозное состояние, не реагирует на уколы. По-прежнему громкое трахеальное дыхание.

11 час. 10 мин. Пульс стал быстро исчезать. В 11 час. 10 мин. – пульс не прощупывается. Дыхание остановилось. Конечности еще теплые. Тоны сердца не выслушиваются. Дыхания нет (проба на зеркало). Смерть наступила при явлениях паралича сердца и дыхания».

Результаты вскрытия показали: не то удивительно, что Горький умер, восхищает его долголетие. Вот что рассказывал профессор Кончаловский: «Если разложить на плоскости легкие нормального человека, то они займут всю мою квартиру: 54 кв. метра. Легкие у Горького – это одна десятая этой площади. Да и на этой десятой все сосуды склерозистые и сердце склерозистое. Он вообще жил чудом. По анатомическому анализу Горький должен был бы умереть десять лет назад».

Алексей Максимович был страстным курильщиком, в последние годы жизни он выкуривал в день до 75 папирос. Грипп,

которым Горький заразился летом 1936 г., можно рассматривать как обострение хронической обструктивной болезни легких. В июне 1936 г. Горькому ежедневно привозили до ста кислородных подушек, а незадолго до смерти – триста.

По заключению врачей, производивших вскрытие, «Смерть А. М. Горького последовала в связи с острым воспалительным процессом в нижней доле легкого, повлекшим за собой острое расширение и паралич сердца. Тяжелому течению и роковому исходу болезни весьма способствовали обширные хронические изменения обоих легких – бронхоэкстазы (расширение бронхов), склероз, эмфизема, а также полное заращение плевральных полостей и неподвижность грудной клетки вследствие окаменения реберных хрящей. Эти хронические изменения легких, плевр и грудной клетки создавали сами по себе еще до заболевания воспалением легких большие затруднения дыхательному акту, ставшие особенно тяжелыми и труднопереносимыми в условиях острой инфекции».

Естественное происхождение болезни и причины смерти Максима Горького не вызвали никаких вопросов и расхождений. Старый человек, хронически больной, курильщик… Лечили его лучшие врачи страны. Да и сейчас медики, читая хронику болезни писателя, не видят в ней ничего противоречивого и странного.

Однако весной 1938 г. стране и миру объявили: Горький умер насильственной смертью. Его залечили врачи-убийцы по заказу троцкистского подполья.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ВРАЧИ-УБИЙЦЫ

2 марта 1937 г. в Колонном зале Дома союзов в Москве начался так называемый «Третий Московский процесс»; официально он именовался процессом антисоветского «право-троцкистского блока». Главные, самые известные подсудимые – былые вожди ВКП(б) Алексей Рыков, Николай Бухарин, Христиан Раковский, Николай Крестинский и глава НКВД Генрих Ягода. Именно его, а также секретаря Горького Петра Крючкова и врачей Николая Плетнева, Льва Левина и Игнатия Казакова обвиняли в «злодейском умерщвлении деятелей советского государства: А. М. Горького, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева и сына Горького Максима Пешкова.

Согласно обвинительному заключению и показаниям подсудимых Генрих Ягода, связанный с «право-троцкистским» подпольем и иностранными разведками, поручил убийство Максима Горького его секретарю и лечащим врачам. Вначале Крючков убил (специально простудил) его сына Максима. А затем вместе с лечащими врачами Плетневым и Левиным умертвил и

самого Горького.

Вот что показывал доктор Левин: «Мы говорили с Крючковым, который постоянно ездил в Крым, договорились о мероприятиях, вредных Алексею Максимовичу. Горький любил огонь, пламя, и это было нами использовано. Горький стоял около этого костра, было жарко, и все это вредно действовало на его здоровье.

Было условлено выбрать такой момент, чтобы он мог заболеть гриппом. Он был очень склонен к заболеванию гриппом, и грипп часто осложнялся бронхитом или воспалением легких. Узнав, что в доме Максима Горького заболевание гриппом, Ягода сообщил об этом в Крым, и Крючков организовал возвращение Максима Горького в Москву как раз в это время. И действительно, приехав в эту гриппозную квартиру, на второй или третий день Горький заболел гриппом, который очень быстро осложнился воспалением легких, принявшим сразу тяжелое течение. Чтобы не могло возникнуть никаких сомнений и подозрений, мы применяли только те лекарства для усиления сердечной деятельности, которые в этих случаях обычно применяются. Но применяли их в очень большом количестве. В данном случае они переходили в свою противоположность. Сердечный мотор терял свою работоспособность, и, в конце концов, он не выдержал».

Показания Левина подтверждал и профессор Плетнев: «Ягода прямо предложил мне воспользоваться своим положением лечащего врача у В. В. Куйбышева и А. М. Горького и ускорить их смерть путем применения неправильных методов лечения. Ягода мне сообщил, что моим сообщником будет доктор Левин, а в отношении Горького, кроме того, секретарь А. М. Горького – Крючков Петр».

Показания Крючкова, Ягоды, Плетнева и Левина подтверждали и медицинские экспертизы, подписанные заслуженным деятелем науки профессором Д. А. Бурминым, заслуженным деятелем науки профессором Н. А. Шерешевским, профессором В. Н. Виноградовым, профессором Д. М. Российским, доктором медицинских наук В. Д. Зипаловым.

Версия убийства Горького врачами по заказу «троцкистов» представляется абсолютно абсурдной, сейчас в нее верят только сумасшедшие сталинисты.

Отношения Горького и Троцкого никогда не были особенно близкими. «Буревестник революции» дружил с Лениным (хотя между ними и случались размолвки), последние годы тесно общался со Сталиным; был фактическим заместителем генсека в области культуры.

По желанию вождя Горький без всякого сопротивления выкинул из своего мемуарного очерка о Ленине несколько теплых

слов Ильича в адрес Троцкого. Лев Давыдович откликнулся на смерть Горького теплым, хотя и не апологетичным некрологом: Горький войдет в книгу русской литературы, как непререкаемо ясный и убедительный пример огромного литературного таланта, которого не коснулось, однако, дуновение гениальности. Мы провожаем его без нот интимности и без преувеличенных похвал, но с уважением и благодарностью: этот большой писатель и большой человек навсегда вошел в историю народа, прокладывающего новые исторические пути.

Но, насколько нам известно, к 1935 г. большинство троцкистов сидело в тюрьмах или мыкалось по ссылкам. Даже если бы они лелеяли какие-то террористические планы, то никакой реальной возможности их исполнить (особенно с помощью НКВД и врачей) у них не было.

В 1956 г. Плетнев и Левин были реабилитированы. Опубликовано обращение Плетнева Ворошилову из лагеря о том, какими методами из него выбивали признание: «Ко мне применялась ужасающая ругань, угрозы смертной казнью, таскание за шиворот, душение за горло, пытка недосыпанием, в течение пяти недель сон по 2–3 часа в сутки, угрозы вырвать у меня глотку и с ней признание, угрозы избиением резиновой палкой, – писал Д. Д. Плетнев из тюрьмы К. Е. Ворошилову в надежде на восстановление справедливости. Всем этим я был доведен до паралича половины тела».

С тех пор советское горьковедение вернулось к первой официальной версии смерти писателя – тяжелая легочная болезнь. Но уже с 1950 годов сначала в эмигрантской, а потом и в постсоветской литературе появляется еще одна версия: Алексея Максимовича отравили по приказу Сталина.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: ПРИКАЗ СТАЛИНА

Так как по приказу Сталина были убиты миллионы невинных людей, в том числе его собственные многолетние друзья и близкие родственники, ничего удивительного в такой версии нет. Был ли у Сталина мотив? Был, и не один. Горький обладал целым рядом качеств, которые были не по сердцу вождю.

Алексей Максимович был одним из самых авторитетных людей своего времени как внутри страны, так и за ее пределами. За ним была преемственность – от знакомства с Чеховым, Толстым к дружбе с Гербертом Уэллсом, Ромен Ролланом и другими западными писателями. Он вполне мог претендовать на Нобелевскую премию по литературе. Горький держался независимо, вокруг него формировалась своя группа – ему доверяли представители самых разных направлений в новом искусстве. А всякую групповщину Сталин выжигал каленым

железом.

Горький стремился жить за рубежом, и удержать его в СССР насильственно было довольно трудно, а за границей он мог быть опасен как «секретоноситель».

Горький уже несколько лет, несмотря на намеки и разнообразные подходы, фактически саботировал написание книги о Сталине.

Горький был нужен Сталину как «лучший друг», но становиться таковым не собирался. А потому лучше бы его не было. Его смерть – еще один кирпич в сценарий о злодее-Троцком.

И, самое главное, именно на 1936 г. Сталин наметил очередной поворот – готовилась знаменитая сталинская конституция, а одновременно с ней – большой террор. То, что сейчас мы называем 1937 годом. Коренной поворот предполагает сильные меры. Как поведет себя Горький, когда на скамье подсудимых окажется множество его старых знакомых? Ведь с первых послереволюционных лет Горький занял место, как сейчас сказали бы, омбудсмена. Он занимался защитой прав человека. Он просил за знакомых и незнакомых, за дворян, оппозиционеров, ученых, писателей. К нему в 1935 г. за заступничеством обращаются даже опальные Зиновьев и Каменев, которых в 1937 г. расстреляют. Предсказать невозможно, лучше подстраховаться.

Итак, мотив есть, а для Сталина хотеть значит мочь.

Тем более, что это было не трудно: дом писателя кишел чекистами. Генрих Ягода считался домашним человеком, на ОГПУ работал секретарь Горького Петр Крючков.

Каким же образом убили Горького?

Сторонники версии «убили по приказу Сталина» обращают внимание на следующие обстоятельства: по свидетельству Ивана Кошенкова, коменданта московского особняка Максима Горького, в июне 1936 г. в Горках случилась внезапная эпидемия ангины: заболело сразу семь человек из числа прислуги: жена коменданта, повар, горничные. Ивану Кошенкову велели вывезти всех заболевших в изолятор ОГПУ, а потом тщательно помыть машину и продезинфицировать ее специальным составом.

Историк Аркадий Ваксберг и известный горьковед Лидия Спиридонова считают: в доме перед возвращением Горького из Крыма распространили некую инфекцию («ангопневмония»), изготовленную в сверхсекретной лаборатории ОГПУ. Такая вакцина не представляла опасности для жизни здоровых людей, но была губительна для пожилого, тяжело больного человека.

Версия совпадает с показаниями лечащего врача Горького

Льва Левина. Только инфекцию в этом варианте вносят не «вредители», а чекисты. Впрочем, и сам Кошенков был чекистом, хотелось бы понять, зачем он вносил в свой дневник такие смертельно опасные для него факты? Может быть для того, чтобы задним числом подтвердить показания, данные «вредителями» на процессе 1938 г.?

Еще одна идея, которую особенно популяризирует литературовед Вадим Баранов: Горького отравила его бывшая гражданская жена Мария Будберг (Закревская), знаменитая «железная женщина», агент ЧК и Интеллиджент Сервис. Она провела сорок минут наедине с больным писателем, После этого Горькому стало хуже, и через несколько часов он умер.

Кажется, что наиболее правдоподобны именно показания, данные Ягодой, Крючковым, Плетневым и Левиным на процессе 1938 г. Ложь всегда выглядит убедительней, если ее перемешать с правдой. Если предположить, что Ягода подчинялся не таинственному «право-левому» блоку, а товарищу Сталину, то история смерти Алексея Максимовича выглядит очень убедительно.

Заразить писателя гриппом было нетрудно. Впрыснуть лишнюю дозу страфонтина уже больному старому человеку можно почти не рискуя. И тогда по иронии истории гибель Горького рифмуется с гибелью Сталина: скорее не убийство, а преступное неоказание помощи, ускорение естественной смерти.

В любом случае смерть Горького была на руку Сталину. Она произошла точно тогда, когда это стало нужно вождю.

Андрей Александрович Жданов

Государственный и партийный деятель. Родился в 1896 г. Взлет его карьеры начинается после убийства Сергея Кирова. В 1934 г. он становится секретарем ЦК ВКП(б) и одновременно первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). С 1939 г. – член Политбюро. Руководил обороной Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. В 1946 г. окончательно переезжает на работу в Москву. Курирует идеологические и международные вопросы. После окончания Великой Отечественной войны – наиболее вероятный преемник Генерального секретаря. Скоропостижно скончался 31 августа 1948 г.

Смерть Жданова – это смерть под сукном. Она пролежала, никому не нужная, никого особо не беспокоящая, почти никого своими обстоятельствами не заинтересовавшая четыре года. А потом послужила поводом для одного из крупнейших послевоенных судебных процессов. События 1948 г. легли в основу сценария «Дела врачей».

Это, вообще говоря, характерная история для сталинского периода – переворот официальной версии кончины того или иного деятеля на 180 градусов (вспомним хотя бы смерти Кирова и Горького). Периоду Сталина свойственен такой «безотходный» цикл – когда мертвые призываются для реализации карательных планов партии.

В смерти Жданова, как ни в одной, другой переплелись история и медицина.

Никто и никогда не ставил под сомнение факт, что Андрей Александрович Жданов страдал сердечно-сосудистым заболеванием и умер, находясь под присмотром врачей, 31 августа 1948 г. в пансионате «Валдай». Остальное в его смерти – вопросы тех или иных медицинских, исторических и политических трактовок.

Она (смерть Жданова) стала, если выражаться языком газеты «Правда», «утратой для советского народа». Сомнений, выходящих за рамки медицинского консилиума, поначалу не вызывала. И в той же «Правде» 1 сентября 1948 г. была опубликована официальная на тот момент причина смерти А. Жданова. Она была сформулирована так: «От паралича болезненно измененного сердца при явлениях острого отека легких».

Это и есть наша первая версия. Можно назвать ее «медицинской» или «сугубо медицинской».

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: ЕСТЕСТВЕННАЯ СМЕРТЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

В 1948 г. Андрею Жданову – пятьдесят два. Это и в наше время для мужчины опасный возраст, с точки зрения развития кардиологических заболеваний. Жданова мучили регулярные приступы грудной жабы (так называли стенокардию). Он страдал от тяжелого атеросклеротического изменения сосудов сердца. Был, что называется, типичным пятидесятилетним больным-сердечником. Этому способствовали и наследственная предрасположенность, и образ жизни. Стрессы преследуют политиков. Находиться рядом со Сталиным и чувствовать душевное спокойствие не удавалось никому. Именно последние два года жизни оказались для Жданова наиболее сложными. На этот счет у нас имеется историческая справка.

14 августа 1946 г. появилось постановление ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"». Хотя формально Жданов выступал как докладчик, но оно было направлено против ленинградской организации, которой он руководил. Все более активными становятся и оппоненты Жданова. В начале 1948 г. состоялось «второе пришествие» Георгия Маленкова, который возвратил себе пост секретаря ЦК партии. Весной 1948 г. сын Андрея Жданова, Юрий, ученый-химик, заведующий отделом науки ЦК КПСС, подверг критике любимца Сталина академика Трофима Лысенко. Это вызвало гнев со стороны Сталина. Юрия Жданова открыто заклеймила газета «Правда».

Жданову было нелегко. С одной стороны поджимали конкуренты, прежде всего Маленков и Берия, с другой собственный сын делал опрометчивые заявления.

Жданов знал, как генсек поступал с теми, кто вызывал у него сомнения. Все прекрасно помнили период массовых партийных чисток и судебных процессов. Жданова, помимо собственной карьеры, по всей видимости, всерьез беспокоила судьба сына, ставшего зятем Сталина и имевшего неосторожность выступить против Лысенко.

Жданов переносил неприятности крайне тяжело. Он забывался только при помощи алкоголя. Но становилось только хуже. Он обретал репутацию алкоголика среди товарищей по партии и – главное! – в глазах вождя. При том, что как ответственный за идеологию обязан был находиться при Сталине, постоянно участвовал в ночных «обедах» на Ближней даче.

Никита Хрущев вспоминал: «Помню (а это было редким явлением), как Сталин иногда покрикивал на него, что не следует пить. Тогда Жданов наливал себе фруктовую воду, когда другие наливали себе спиртные напитки. Полагаю, что если за обедом у

Сталина тот его удерживал, то что было дома, где Жданов оставался без такого контроля? Этот порок убил Щербакова и в значительной степени ускорил смерть Жданова».

В 1947 г. Жданов прошел курс лечения в Сочи. К успеху это не привело. Стенокардия прогрессировала. Обострение произошло в июле 1948 г. 10 июля Жданова, «согласно заключению врачей», отправили в двухмесячный отпуск. Как говорил сам Жданов, его «обязали» поехать лечиться в санаторий «Валдай». Как полагается, у него были назначенные Лечсанупром лечащие врачи – доктора Майоров и Карпай. 23 июля, по свидетельству персонала, у него был телефонный разговор со своим подчиненным, заведующим Агитпропом Дмитрием Шепиловым. Разговор был неприятен для Жданова, он был крайне возбужден (сам Шепилов в своих воспоминаниях демонстрирует преданность Жданову и об этом телефонном разговоре в посвященной смерти босса главе не упоминает вообще). Ночью у Андрея Александровича был тяжелый припадок.

25 июля из Москвы прибыли профессора Виноградов, Василенко и Егоров. Консилиум постановил, что имел место острый приступ сердечной астмы. А основной причиной недомогания был назван кардиосклероз.

Больному прописали прогулки и массаж. Как указывает исследователь этого вопроса историк Костырченко, врачам положение пациента серьезным не казалось. Софья Карпай уехала в отпуск, а Майоров поручил уход за Ждановым медсестре и увлекся рыбалкой.

7 августа в «Правде» неожиданно для себя Жданов видит покаянное письмо своего сына, в котором тот, ссылаясь на свою «неопытность» и «незрелость», униженно просил у Сталина прощения.

В тот же день была снята последняя перед приведшим к смерти кризисом кардиограмма. Следующую сделали только 28 августа, после припадка и за три дня до смерти.

Консилиум в лице кремлевских профессоров прибывает в «Валдай» 28 августа. С ними приезжает важнейшее впоследствии лицо в этой драме – заведующая кабинетом ЭКГ кремлевской больницы Лидия Тимошук. Она обследует Жданова и констатирует «инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки».

Профессора называют ее мнение ошибочным. Они настаивают на том, чтобы Тимошук переписала свое заключение в соответствии с ИХ диагнозом: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни».

Итак, мнения разошлись.

А врачи больному предложили… больше двигаться! В историю болезни внесли: «Рекомендовано увеличивать движения, с 1 сентября разрешить поездки на машине, 9 сентября решить вопрос о поездке в Москву». Только Тимашук настаивала на строгом постельном режиме. Но ее голос услышан не был. 31 августа пациент умер.

Вскрытие проводилось вечером в день смерти. Его делал патологоанатом Кремлевской больницы Федоров, в присутствии секретаря ЦК Алексея Кузнецова. Заключение подтвердило клинический диагноз профессоров-консультантов. Свежие и застарелые рубцы на сердце (свидетельства перенесенных инфарктов) описали двусмысленно как «некротические очажки», «фокусы некроза», «очаги миомаляции» и т. п. Тем же вечером результаты утвердил заочный консилиум в Москве. Утром, как мы знаем, вышел свежий номер газеты «Правда» с официальным диагнозом.

Большинство специалистов-кардиологов полагают, что врачи Кремлевской больницы дважды совершили врачебные ошибки. Первый раз, когда не настояли на постельном режиме для высокопоставленного пациента (это можно объяснить сопротивлением самого Жданова, перечить которому они боялись). И вторая – роковая ошибка – игнорирование результатов электрокардиографии. Здесь могло сказаться подозрительное отношение к этому методу функциональной диагностики, который только недавно начал входить в клиническую практику.

28 августа 1948 г., поняв, что Виноградов к ее мнению не прислушается, Лидия Тимашук пишет заявление на имя начальника Главного управления охраны МГБ СССР Власика и передает через руководителя охраны Жданова майора Белова. Вечером того же дня заявление в Москве.

29 августа генерал Абакумов сообщает о произошедшем Сталину: «Как видно из заявления Тимашук, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка, в то время как начальник Санупра Кремля Егоров и академик Виноградов предложили ей переделать заключение, не указывая инфаркт миокарда».

Сталин отреагировал спокойно. Заявление Тимашук, прочитанное Сталиным, отправилось в архив. Ее саму понизили в должности. Жданова похоронили у Кремлевской стены. Картина А. Герасимова «Сталин у гроба Жданова» была отмечена Сталинской премией за 1949 г. Город Мариуполь переименован в Жданов, имя покойного получили заводы, учреждения и

Ленинградский университет.

Но спустя три года записка Лидии Тимашук снова оказалась востребованной. Она легли в основу дела врачей, в ходе которого была названа вторая «официальная» версия смерти Андрея Жданова – преднамеренное убийство медицинскими работниками.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: ЖДАНОВ – ЖЕРТВА ВРАЧЕЙ-УБИЙЦ

Начиналась холодная война и новая большая чистка. Одной из ее целей должны было стать советские евреи. Среди врачей, в частности и тех, кто лечил Жданова, их было много.

Планы карательной кампании в отношении врачей, обслуживающих руководство СССР, вынашивались несколько лет. Окончательно сформулированному делу предшествовали аресты Софьи Карпай, Якова Этингера и других. Разработкой дела занимался старший следователь разведывательного отдела по особо важным делам МГБ СССР Михаил Рюмин. Первым арестованным инкриминировалось умерщвление путем допущения заведомых ошибок в лечении Михаила Калинина (умер в 1946 г.) и секретаря ЦК Александра Щербакова (шурин А. А. Жданова, умер 10 мая 1945 г.). Письмо Рюмина Сталину стало поводом для ареста министра МГБ Виктора Абакумова (сионистский заговор в МГБ, воспрепятствование разработке дела врачей).

Во что вылилось это дело, можно понять из сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. «Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного исследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их».

В трактовке тогдашнего следствия Жданов стал самой известной и крупной жертвой заговорщиков В перипетии смерти Жданова оказалось втянуто очень много людей. Этот случай давал повод арестовать сразу большую группу, и не только врачей. Жданов был «резонансным» персонажем, почти вождем. Идеологически, в глазах народа, его умерщвление было особо циничным поступком.

Лидия Тимашук и ее заявление явились для следствия объединяющим звеном в распутывании цепи заговора. Она стала главным медицинским свидетелем. А косвенное или прямое участие в истории со Ждановым превратилось в повод для репрессий всех остальных – Егорова, Виноградова, Власика, того

же Абакумова…

Лидия Тимашук получила в январе 1953 г. орден Ленина за помощь следствию. Практически все следственные действия в тот период совершались вокруг ее диагноза, поставленного А. А. Жданову. И, как мы помним, главным оппонентом Тимашук, упомянутым ею в письмах, был академик Владимир Никитич Виноградов. Он был самым авторитетным и маститым среди «придворных врачей» и лечил не только Сталина, но и всех членов Политбюро. Впрочем, от лечения Сталина к этому времени Виноградов был отстранен, хотя его прогноз насчет нездоровья вождя (атеросклероз и возможный инсульт) сбылся на сто процентов.

На допросах он признавал и умысел, и небрежность. У него были очные ставки с Софьей Карпай, где профессор Виноградов, согласно стенограммам, предлагал коллеге не юлить и во всем признаться.

Виноградова пытали, к тому же он не питал иллюзий – сам имел опыт участия в подобном процессе: в 1938 г. он выступил в качестве эксперта от медицины против своего наставника профессора Плетнева.

Окончательное мнение о медицинской стороне этого дела Владимир Виноградов высказал 27 марта 1953 г., когда он был освобожден и реабилитирован, в письме Лаврентию Берия: «Все же необходимо признать, что у А. А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и метода лечения у нас не было».

Дело врачей развалилось, не дойдя до суда, едва умер Сталин. 3 апреля 1953 г. обвиняемые были освобождены. На следующий день было объявлено, что признательные показания добывались «недопустимыми методами». Следователя Рюмина арестовали по приказу Берия. Летом 1954 г. он был расстрелян. От предположения, что Жданов был уничтожен врачами-вредителями, советское государство отказалось.

Но в этом деле возможна и третья версия. Ее можно назвать политической. Суть в том, что смерть Жданова была на руку его политическим оппонентам. А по большому счету – его патрону, товарищу Сталину.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: УБИТ ПО ПРИКАЗУ СТАЛИНА

В первые послевоенные годы Жданов вырос в крупнейшую политическую фигуру, человека № 2 в СССР. После опалы Молотова, Маленкова, Жукова, падения влияния Берии, с 1946 г. Жданов, как кажется, – самый близкий к Сталину человек. Сталин

доверил Жданову важнейший фронт – идеологический. Он же руководил расстановкой кадров. Курировал международное коммунистическое движение.

Дмитрий Шепилов, заведовавший в те времена Агитпропом, писал: «Сталин очень сблизился с Ждановым. Много времени они проводили вдвоем. Сталин высоко ценил Жданова и давал ему одно поручение за другим, самого разного характера. Это вызывало глухое раздражение со стороны Берии и Маленкова. Их неприязнь к Жданову все возрастала. В возвышении Жданова им мерещилась опасность ослабления или потери доверия к ним со стороны Сталина».

Главное, чем Жданов выделялся среди других сталинских сановников – у него была своя клиентела. Большая группа крупных партийных чиновников, обязанных именно ему своим возвышением.

Выходцы из ленинградской партийной организации, которой долгие годы руководил Жданов, занимают важные посты в руководстве страны: Николай Вознесенский – первый заместитель председателя СНК, председатель Госплана СССР, Алексей Кузнецов – секретарь ЦК и начальник Управления кадров ЦК ВКП(б), Михаил Родионов – председатель Совета министров РСФСР и член Оргбюро ЦК. В Ленинграде после ухода Жданова остается верный Петр Попков.

Только с 1946 по август 1948 г. Ленинградская партийная организация подготовила для России около 800 крупных партийных работников. Бывший зампред Ленсовета М. В. Басов стал первым заместителем председателя Совмина РСФСР. В ЦК и на «центральную работу» были выдвинуты Т. В. Закржевская, Н. Д. Шумилов, П. Н. Кубаткин. Первыми секретарями обкомов и ЦК республиканских компартий стали М. И. Турко, Н. В. Соловьев, Г. Т. Кедров, А. Д. Вербицкий.

Группа Жданова – ленинградцы – имели и свою политическую программу. Не написанную, не проговоренную детально. Скорее ощущаемые ими всеми интуитивно взгляды и пристрастия. Это русский национализм имперского толка. Антисемитские и антикавказские настроения.

Еще до войны Сталин избирает русский национальный курс. После 1945 г. эта идея переживает второе рождение. Жданов использует патриотизм для борьбы на идеологическом фронте. Жданов и его соратники стремятся разыграть «русскую карту». Это касается как идеологии, так и принципов руководства страной. Планируется перенести столицу Российской Федерации в Ленинград, учредить российский гимн, создать в РСФСР свою компартию и собственную Академию наук.

Все это не могло не дойти до Сталина. Скажем, реплика Николая Вознесенского «Раньше в Политбюро пахло чесноком *(было много евреев),* а теперь шашлыком». А ведь в Политбюро было три кавказца: Берия, Микоян и сам Сталин.

Групповщины Сталин боялся и боролся с ней со всей жестокостью. На знаменитом февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК он сказал о главе компартии Казахстана: «Взять товарища Мирзояна. Работает он в Казахстане, работал он раньше в Азербайджане долго, а после Азербайджана работал на Урале. Я его несколько раз предупреждал, не таскай за собой своих приятелей ни из Азербайджана, ни с Урала, а выдвигай людей в Казахстане. Что значит таскать с собой целую группу приятелей, дружков из Азербайджана, которые коренным образом не связаны с Казахстаном? Что значит таскать с собой целую группу приятелей с Урала, которые также коренным образом не связаны с Казахстаном? Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы». Вскоре Леон Мирзоян и его «приятели» были расстреляны.

Летом 1948 г. конкурент Жданова Маленков вновь был назначен секретарем ЦК. Жданов, напротив, серьезно болен, ослаблен политически неприятной ситуацией с выступлением сына против Лысенко. Жданов на глазах сдает, выпивает. Все, что можно было сделать руками Жданова – сделано. Это чистки в Ленинграде. Это послевоенные идеологические кампании, разгром журналов «Звезда» и «Ленинград», выступления против Зощенко, Ахматовой, Шостаковича, «Суды чести».

Мавр сделал свое дело, мавр мог уходить.

Смерть Жданова стала прелюдией к тотальному уничтожению близких к нему партийных кадров, знаменитому «Ленинградскому делу».

Мы никогда не узнаем, что точно случилось в Валдае. Но, скорее всего, речь шла о своего рода заговоре бездействия. То есть все эти придворные кремлевские профессора не оказали Жданову правильную помощь не потому, что не разглядели на ЭКГ инфаркт. А потому, что получили установку (вероятнее косвенную, чем прямую) – пациент скорее нужен мертвым, чем живым. В принципе, то упорство, с которым Виноградов, Егоров и другие сопротивлялись диагнозу Тимашук, говорит, что там, в санатории «Валдай», что-то было нечисто.

При этом Лидия Тимашук странным образом имела при себе фотоаппарат и снимала для истории (?!) ЭКГ Жданова на пленку. Но при этом ее сигналы услышаны не были, а в записке

Абакумова ей приписаны неправильные инициалы. И никто не защитил ее, когда профессура отправила Лидию Тимашук в заштатную, по сравнению с кремлевской больницей, поликлинику. Но оставили с ее пленками «для истории» в действующем резерве.

Сталинский почерк – сначала приказать убить жертву, потом покарать палачей.

Иосиф Виссарионович Сталин

И. В. Сталин умер 5 марта 1953 г. на подмосковной правительственной даче. Есть несколько версий его смерти, и они взаимно переплетаются.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: СМЕРТЬ ОТ ИНСУЛЬТА

Согласно официальной трактовке тех событий, принятой в СССР, Сталин скончался в результате геморрагического инсульта на 74-м году жизни. И в отличие от многих других советских лидеров, болезнь генералиссимуса была не «долгой и продолжительной», а достаточно быстротечной. Всерьез болезнь началась в ночь на 1 марта. А на пятый день генсека не стало.

28 февраля вечером в Кремле – просмотр кинофильма в компании представителей руководства страны. Затем уже под ночь вместе с Хрущевым, Маленковым, Берией и Булганиным отправляется «обедать» на Ближнюю дачу. Пьют молодое грузинское вино маджари. К пяти утра гости разъезжаются. Сталин через начальника охраны генерала Ивана Хрусталева передает сотрудникам дачи, что те могут идти спать, и просит его не беспокоить.

В 11 утра 1 марта охрана начинает нервничать. Обычно хозяин к этому времени уже на ногах. В это же утро в доме был погашен свет, и вмонтированные датчики не фиксировали никакого движения. Прикрепленные в этот день к Сталину охранники Старостин и Лозгачев проявляют беспокойство, но в покои зайти не решаются.

Между тем, около шести вечера, по словам охранников, в большой столовой вспыхивает свет. Они решают, что Сталин поднялся и скоро их вызовет. Но вызова не происходит. Начальник охраны Иван Хрусталев отсутствует. Лозгачев и Старостин парализованы страхом и прямым указанием «не беспокоить».

В пол-одиннадцатого вечера Петр Лозгачев входит-таки к Сталину и видит его лежащим на полу возле письменного стола. Рядом газета «Правда». На столе початая бутылка боржоми и стакан. Сталин парализован. Его бездвижное тело переносят на диван в большой зал. Сколько часов Сталин лежал на полу без помощи – непонятно.

Обнаружив Сталина, охрана немедленно сообщает о случившемся председателю МГБ Игнатьеву, а также Берии и Маленкову. Примерно через 30 минут в 11 вечера перезвонил Берия и сказал Лозгачеву: «О болезни товарища Сталина никому не говорить и не звонить».

В 3 часа ночи 2 марта на даче появляются Берия с Маленковым. Берия, посмотрев на Сталина, сказал: «Лозгачев, что ты панику наводишь! Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Его не тревожь и нас не беспокой»! О состоянии Сталина Берия и Маленков сообщают Хрущеву и Булганину. В 8.30 на дачу прибыл Хрущев. И только в 9 утра 3 марта прибыли врачи.

Только 4 марта о болезни Сталина узнали страна и мир. Правительственное сообщение о его болезни прозвучало по радио и было опубликовано в газетах: «В ночь на 2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве и в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания».

Мы видим в этом сообщении две очевидных попытки фальсификации произошедших событий. Место происшествия: Кремль вместо дачи. И пропажа из истории болезни и биографии Сталина целого дня 1 марта. Это ложь, на которую пошли политики и врачи, свидетельствует о понимании, что день бездействия выглядит убийственным. А это значит, что и другим «официальным» сообщениям доверять нельзя.

Итак, диагноз – инсульт или «мозговой» удар – острое нарушение мозгового кровообращения с дефектом мозговых функций. Происходит разрыв стенки поврежденной артерии. Провоцирующим фактором является повышение артериального давления. Клетки гибнут от недостатка кислорода, а разлившаяся кровь сдавливает соседние ткани, мешая их нормальной деятельности. Частота возникновения мозгового инсульта с возрастом увеличивается. Наиболее высока она в возрасте между 50 и 70 годами. Так, в возрасте 50–59 лет этот показатель равняется 7,4, а в возрасте 60–69 лет 20,0 на 100 населения. В 50-е годы, по статистике, более двух третей геморрагических инсультов заканчивались летальным исходом.

Между тем, из того что нам известно, Сталин для своего возраста был относительно здоров. Он регулярно сдавал анализы, проходил обследование, которое не показывало серьезных деструктивных изменений. Выписка из документа 1947 г.: «Диагноз: основной – гипертония в начальной стадии; сопутствующий – хронический суставной ревматизм». За год до смерти: «Пульс 70, полный, правильный. Кровяное давление 140/80».

Впрочем, есть и другие свидетели, утверждающие: в последние месяцы здоровье Иосифа Виссарионовича серьезно испортилось. 21 декабря 1952 г. Сталину исполнилось 73. Дочь

Светлана вспоминала: «он плохо выглядел в тот день. По-видимому, он чувствовал признаки болезни, может быть гипертонии… Очевидно, он ощущал повышенное давление, но врачей не было. Виноградов был арестован, а больше он никому не доверял и никого не подпускал к себе близко. Он принимал какие-то пилюли, капал в стакан с водой несколько капель йода, – откуда-то брал он сам эти фельдшерские средства; но он сам же делал недопустимое: через два месяца, за сутки до удара, он был в бане (построенной у него на даче в отдельном домике) и парился там, по своей старой сибирской привычке. Ни один врач не разрешил бы этого, но врачей не было».

Владимира Никитича Виноградова, лечащего врача Сталина, во время последней болезни своего пациента пытали, как агента иностранных разведок, на предмет организованных им покушений на руководителей СССР.

О том, что Сталин болел в последние месяцы жизни, вспоминает и Серго Берия: «В январе 53-го на вечере памяти Ленина в Большом театре Сталин отсутствовал – это был исключительный случай. Мой отец сказал, что Сталин болен… Мать сказала, что у него началось учащенное сердцебиение в тот момент, когда он садился в машину. Я увидел Сталина спустя несколько дней. Его привычная подвижность была утрачена».

А вот Павел Судоплатов: «Я увидел уставшего старика. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь он явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами были длиннее».

Из-за болезни Сталин отчасти поменял режим, в частности, отказался от курения и пил только слабоалкогольное молодое грузинское вино.

Мог ли при том немногом, что мы знаем о здоровье Сталина, случиться внезапный удар, инсульт? Теоретически мог. Но главное – больной в течение почти двух суток оказался без всякого врачебного ухода, и сутки пролежал на полу, значительно осложняло дальнейшее лечение болезни. Он мог простудиться, могла начаться пневмония. Главное другое, человек умирал, и никто не обращал на это внимания. Зато, когда врачи приехали, их оказалось сразу десять.

Создается впечатление, что соратники по партии сознательно старались оставить все как есть. Дать Сталину умереть.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: СОЗНАТЕЛЬНОЕ НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ

Профессор Александр Мясников вспоминал: «Поздно вечером 2 марта 1953 г. приехал сотрудник спецотдела Кремлевской больницы со словами, что его вызывают к «больному хозяину». Машина заехала на улицу Калинина, в нее сели невропатолог

профессор Н. В. Коновалов и терапевт-нефролог профессор Е. М. Тареев, и оттуда помчалась на дачу Сталина в Кунцево. В молчании доехали до ворот дачи. Колючая проволока по обе стороны рва и забора, многочисленная офицерская охрана, собаки, процедура пропуска. Наконец, профессора в доме. В одной из комнат уже находились министр здравоохранения А. Ф. Третьяков, главный терапевт Минздрава профессор П. Е. Лукомский, невропатологи Р. А. Ткачев, И. Н. Иванов-Незнамов, терапевт Д. В. Филимонов.

Министр довел до сведения собравшихся, что в ночь на 2 марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги.

Сталин лежал грузный и неподвижный. Лицо больного было перекошено, правые конечности лежали как плети. Определялась мерцательная аритмия. Артериальное давление находилось на уровне 210/110 мм рт. ст. Температура тела была выше 38 °С. При перкуссии и аускультации сердца особых отклонений не отмечалось. Наблюдалось патологическое периодическое дыхание Чейна-Стокса. При физикальном обследовании органов и систем других патологических признаков не было выявлено. Количество лейкоцитов в крови достигало 17 000 в 1 микролитре. В анализах мочи определялось небольшое количество белка и эритроцитов.

Диагноз консилиуму представлялся достаточно ясным: кровоизлияние в левое полушарие головного мозга на почве артериальной гипертонии и атеросклероза. Сразу было назначено лечение: введение препаратов камфоры, кофеина, строфантина, глюкозы, вдыхание кислорода, пиявки и, для профилактики инфекционных осложнений, пенициллин».

Никаких сомнений у современных врачей тактика избранного кремлевскими врачами лечения не вызывает. Лечили, что называется, по симптомам. Снижали давление, стимулировали работу сердца.

Состояние больного ухудшалось последовательно. Сознание сумеречное. Полная потеря речи. 5 марта в 21.5 °Сталин умирает. Его агонию наблюдают врачи, соратники и дочь Светлана. Предсмертный жест – палец в небо. Перед смертью – кровавая рвота. Консилиум окончательно устанавливает причину смерти – инсульт.

При тогдашних методах лечения диагноз был изначально неблагоприятным; даже если бы Сталин выжил, было мало шансов на то, что он избавится от паралича правой части тела и потери речи. И, тем ни менее, он оставался жить. А живой, пусть и парализованный Сталин оставался мощным политическим игроком (вспомним значение больного Ленина в 1921 – 24 годах).

Между тем, создается впечатление, что участь тирана была известна его ближайшему окружению заранее. Об этом свидетельствует наглое заявление Берии охране «Не тревожить товарища Сталина», странное бездействие членов Политбюро, поздний вызов врачей. В обстановке начала 1953 г., когда полным ходом шло следствие по делу врачей-убийц, каждый из подчиненных вождя должен был понимать меру своей ответственности за преступное неоказание ему врачебной помощи.

Удивляет и необычайная смелость членов Политбюро, дважды собравшихся 2-го марта без разрешения Сталина в его кремлевском кабинете. Это было, когда врачи наконец приехали на ближнюю дачу, а прогноз болезни Сталина был еще не до конца ясен: в 10 часов 40 минут и в 20 часов 25 минут. Только утром 3 марта врачи сообщили, что, по их мнению, смерть вождя неизбежна.

Сам по себе инсульт, при таком раскладе, стал неожиданностью для членов Президиума ЦК. Но они быстро поняли: положение Сталина критическое, если не безнадежное. И, оттянув почти на сутки врачебную помощь, они, прежде всего Берия и Маленков, предрешили быструю агонию и смерть вождя.

Идти на риск принимать решения, делить власть, демонстративно пренебрегать лечением вождя, как многим кажется, возможно только в одном случае, если верхушка партии была абсолютно уверена: Сталину не жить. Так, может быть, они убили вождя?

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: УБИЙСТВО

Для одних Сталин был богом, для других – тираном. Но был и третий, самый узкий круг, в котором Сталина знали как политического конкурента, доселе непобедимого. Иными словами, существовала группа близких диктатору людей, которым смерть генсека была на руку, и они могли воспользоваться приключившейся со Сталиным болезнью или спровоцировать ее появление.

Ранняя весна 1953 г. – смертельно опасное время для ближайшего сталинского окружения. Начинается новая чистка, похожая на 1937 год. Недавно уничтожены Николай Вознесенский и Алексей Кузнецов. Арестован министр государственной безопасности Виктор Абакумов. В ожидании ареста опальные Вячеслав Молотов (у него арестована жена) и Анастас Микоян. «Дело врачей» угрожает вовлечь в свою орбиту Георгия Маленкова. В Грузии идет «Мегрельское дело», мало кто сомневается, что его цель – Лаврентий Берия. Светлана Аллилуева вспоминала, «как была поражена словами отца», когда

однажды осталась ночевать у жены Берия, а «наутро вдруг позвонил разъяренный отец и, обругав меня нецензурными словами, прокричал: "Сейчас же езжай домой! Я Берия не доверяю"».

На только что закончившемся XIX съезде партии Президиум ЦК (руководящий орган партии) увеличен вдвое: Сталин готовится поставить новичков на место ветеранов.

К тому же, некоторые исследователи считают: в ближайшие месяцы перед неожиданной кончиной Сталин готовился начать ядерную войну с США.

Никто из сталинского окружения не может чувствовать себя в безопасности. Сталин, будучи непререкаемым авторитетом для миллионов, перестал устраивать правящую элиту. Мотив был.

Об убийстве отца сразу заговорил Василий Сталин. Молотов вспоминает, как Лаврентий Берия на трибуне Мавзолея во время первомайского праздника 1953 сказал ему о Сталине: «Я его убрал».

Ссылаясь на «старых большевиков», А. Авторханов пишет: «Вечером 28 февраля 1953 г., поговорив со Сталиным по деловым вопросам и изрядно выпив, Маленков, Хрущев и Булганин уезжают довольно рано, но не домой, а в Кремль. Берия, как это часто бывало, остается под предлогом согласования со Сталиным некоторых своих мероприятий. Вот теперь на сцене появляется новое лицо: по одному варианту – мужчина, адъютант Берия, а по другому – женщина, его сотрудница. Сообщив Сталину, что имеются убийственные данные против Хрущева в связи с «делом врачей», Берия вызывает свою сотрудницу с папкой документов. Не успел Берия положить папку перед Сталиным, как женщина плеснула Сталину в лицо какой-то летучей жидкостью, вероятно, эфиром. Сталин сразу потерял сознание, и она сделала ему несколько уколов, введя яд замедленного действия. Во время «лечения» Сталина в последующие дни эта женщина, уже в качестве врача, их повторяла в таких точных дозах, чтобы Сталин умер не сразу, а медленно и естественно. Таков рассказ старых большевиков. При этом невольно вспоминается то место из книги Аллилуевой, где сказано несколько слов о какой-то таинственной женщине-враче у постели умирающего Сталина: «Молодые врачи ошалело озирались вокруг… Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, – где я ее видела? Мы кивнули друг другу, но не разговаривали».

Сторонники теории заговора и убийства Сталина указывают на ряд событий, свидетельствующих, возможно, о желании заговорщиков изолировать Сталина, ослабить его охрану. В мае 1952 г. был снят с должности, а 15 декабря 1952 г. арестован

Николай Власик, многолетний начальник охраны вождя. В 1953 г. был обвинен в потере важных государственных документов и отстранен от работы глава секретариата Сталина Александр Поскребышев. 17 февраля 1953 г. газета «Известия» сообщила, что «безвременно» умер генерал-майор Петр Евдокимович Косынкин, руководитель комендатуры Кремля, ответственный за безопасность Сталина после смещения Власика.

С начала 1990-х появляются исследования, основанные на интервью с дожившими до того времени охранниками Ближней дачи. Наиболее полная и разумная версия возможной гибели Сталина, основанная на этих материалах, содержится в книге Эдуарда Радзинского «Сталин». Он обратил внимание на странное распоряжение генерала Ивана Хрусталева, отправившего спать всех охранников. Радзинский пишет: «Мы никогда не узнаем, что же произошло ночью в запертых комнатах Хозяина. Но есть только два варианта происшедшего: или Хозяин обезумел и действительно отдал приказ всем спать, по удивительному совпадению той же ночью с ним случился удар… или Хрусталеву было кем-то приказано уложить спать своих подчиненных, чтобы остаться наедине с Хозяином – ему, или кому-то еще неизвестному».

Иван Хрусталев был, судя по всему, последним человеком, видевшим Сталина относительно здоровым. И сложно не признать странным, что этот последний и единственный собеседник покойного первым из множества людей, окружавших Сталина, встретился с ним на том свете. Спустя всего пару недель…

После того как в научный оборот были введены отрывки из истории болезни Сталина и воспоминания А. Мясникова, принимавшего участие в лечении Иосифа Виссарионовича, вышла совместная работа американского историка Джонатана Брента и российского – Владимира Наумова, где они утверждают: Иосиф Сталин был отравлен препаратом варфарином (или его аналогом дикумарином). Его могли подсыпать в стакан Сталину во время ужина 28 февраля. Он мог находиться в початой бутылке боржоми, которая стояла на рабочем столе Сталина. При этом в официальном перечне препаратов, использовавшихся для лечения Сталина, его нет.

Есть исследователи, считающие, что использован был не варфарин, а гепарин, который мог быть введен внутривенно, внутримышечно или путем ингаляции. Осложнения при введении гепарина соответствуют наблюдавшимся у Сталина (кровотечения в желудочно-кишечном или мочевом тракте). Гепарин действует очень быстро и быстро выводится из организма.

Некоторые медики видят картину внезапной болезни и смерти Сталина полностью соответствующей отравлению препаратами на основе курарина. Курарин в малых дозах применяется в хирургии. Но не дай Бог, если кто-то перепутает его с другим препаратом или повторит дозу – двигательный паралич, расслабление мимической мускулатуры и мышц глотки, мышц шеи и конечностей, нарушение проницаемости сосудистых стенок и разрушение клеток крови обеспечено.

Яды широко применялись (и применяются) в практике чекистов. На Лубянке существовала специальная лаборатория, который руководил Георгий Майрановский, испытывавший яды на несчастных заключенных. В списке полтора десятка наименований, от неорганических соединений мышьяка и таллия, цианистых калия и натрия до сложных органических веществ: колхицина, дигитоксина, аконитина, стрихнина и природного яда – кураре.

Ядом кураре МГБ в ходе «спецопераций» убивало людей, чья смерть официально фиксировалась как «умер от сердечной недостаточности». Уже после смерти Сталина агент КГБ Богдан Стишинский убил из пистолета, стрелявшего синильной кислотой, руководителей украинских националистов Степана Бандеру и Льва Ребета. После выстрела у жертв останавливается сердце; их смерть поначалу сочли естественной.

Итак, в распоряжении заговорщиков (если заговор существовал) имелись средства для того, чтобы устранить Сталина так, чтобы создавалась иллюзия естественной смерти. У них был очевидный мотив для убийства вождя. Вызывает сильнейшее подозрение поведение руководителей партии с того момента, когда у Сталина началась смертельная болезнь. Такое впечатление, что они изначально знали: вождь умрет. Каждый сделанный ими шаг, в случае выздоровления Иосифа Виссарионовича, предполагал их мучительное уничтожение. Но они почему-то не боялись.

Наконец, первые же шаги коллективного руководства после смерти и похорон руководителя партии и государства означали обдуманную, решительную и планомерную ревизию его политического курса, как бывает при переворотах.

Поэтому вероятность третьей версии – «преднамеренное убийство» – кажется достаточно высокой. «Одна смерть – трагедия, миллион смертей – статистика…». Это высказывание приписывают Сталину. Его собственная смерть стала для миллионов и трагедией, и избавлением.

Библиография

1. Авторханов А. Загадка смерти Сталина. – «Новый мир», 1991. № 5.

2. Анисимов Е. В. Русская пытка. – СПб., 2004.

3. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. – Л., 1989.

4. Анисимов Е. В. Россия без Петра. – СПб., 1994.

5. Бабкин Д. С. Радищев. – Л., 1966.

6. Баранов Вадим. Горький без грима. Тайна смерти: Роман-исследование. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001.

7. Борисов С. Б. Андрей Александрович Жданов: опыт политической биографии. – Шадринск, 1998.

8. Брюханов Владимир. Трагедия России. Цареубийство 1 марта 1881 г. – М., 2007.

9. Радзинский Эдуард. Три царя. – М., 2008.

10. Буянов Михаил. «Дело Бейлиса». – М., 1993.

11. Вадим Ильин. Тайны смерти великих людей. – М., 2009.

12. Выскочков Л. В. Николай I. – 2-е изд., испр. – М., 2006.

13. «Дело Менделя Бейлиса»: материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. – СПб., 1999.

14. Кантор В. Откуда и куда ехал путешественник?: «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Вопросы литературы. – 2006. – № 4.

15. Кирилина Алла. Неизвестный Киров. – СПб., 2001.

16. Костырченко Г. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М., 2003.

17. Лопухин Ю. М. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина: Правда и мифы. – М.: Республика, 1997.

18. Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819–1822) // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990. – М., 1995.

19. Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX– начале XX века. – М., 2008 г.

20. Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. – М., 1998.

21. Нахапетов Б. Врачебные тайны дома Романовых. – М., 2007.

22. Николай Добрюха. Как убивали Сталина. – «Комсомольская правда», 18.12.2007.

23. Об истинной причине смерти И. В. Сталина (по воспоминаниям А. Л. Мясникова). – Кардиологический вестник.

Том 13/№ 1/2006.

24. Познанский Александр. Чайковский. – М., 1910.

25. Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: в 2 т. – Смоленск, 1996–1997.

26. Скрынников Р. Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. – Смоленск, 1997.

27. Степанов С. Жизнь и смерть за Россию. Столыпин. – М., 2009.

28. Тополянский Виктор Д. Вожди в законе: Очерки физиологии власти. – М., 1996.

29. Убиение Андрея Киевского. Дело Бейлиса – «смотр сил». Стенографический отчет Киевского судебного процесса (в сокращении, с комментариями и приложениями). – М., 2006. – 832 с.

30. Хитрова Д. Кузмин и «Смерть танцовщицы» // Новое литературное обозрение. – 2006, № 78.

31. Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. – М., 1990.

32. Шолохов А. Б. Загадка смерти генерала Скобелева. – М., 1992.

33. Эйдельман Н. Грань веков. – М., 1992 г.